

ШЕФЕР ЭРНСТ

ПЛАЙНЫ ПУБЕЛА

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАЙНЫ ТИБЕТА

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ О НЕМЕЦКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЭРНСТА ШЕФЕРА НА ТИБЕТ 1938—1939 ГОДОВ ПОД ПАТРОНАЖЕМ РЕЙХСФЮРЕРА СС⁷⁶

СИККИМ КАК БАЗА ЭКСПЕДИЦИИ

Нет сомнения в том, что Сикким, сказочная страна, является одним из самых прекрасных мест на Земле. Она расположена посреди Гималаев, в ней есть и тропические джунгли девственных лесов Индии на юге, и степные области, лишенные какой-либо растительной жизни, на севере. Сикким граничит на западе с недоступным Непалом, а на востоке — с неизученным Бутаном. Климат в нем колеблется от невыносимо жарких долин тропических Тераи⁷⁷ до невообразимых ледяных вершин Канченджанги. Эта область объединяет в себе все жизненные пространства: тропики нетронутых цивилизацией лесов, субтропики, изобилующие различными орхидеями; умеренную зону со светлыми березками и мрачноватыми ельниками, что напоминает о нашей Родине, растянувшиеся на много километров чащи рододендрона, покрывала альпийских лугов, пустые выщерблены горных пород и, наконец, вечные снега. Едва ли какая-то страна мира может тягаться с Сиккимом по богатству красок, изобилию форм растительного и животного мира, который кроется в укрытиях горных лабиринтов.

Во время сезона муссонных дождей, который длится с июня по сентябрь, из джунглей подобно чуме выползают миллионы кровососущих пиявок и прочих гадов. Сикким превращается в преисподнюю. Тогда запуганные туземцы дрожат, опасаясь гнева горных духов, которые обрушивают лавины вокруг Канченд-

жанги, высшего повелителя и божества данной страны. Если углубиться в джунгли, то путь будет прегражден мутными потоками грязи, повсюду будут происходить оползни, мосты снесены, а дома смыты, даже автодорога, которая тянется от долины Тисты до Гангтока, столицы тех краев, будет перегорожена в эти месяцы обломками и мусором. Непрерывные ливни превращают маленькие горные ручьи в выходящие из берегов бушующие потоки, а главная водная артерия этих краев, река Тиста, которая пронзает Гималаи в северо-восточном направлении, становится грохочущим чудовищем. Мы пережили ужас муссонных дождей, когда в июне—июле 1938 года пересекали Гималаи, чтобы поставить наши палатки к северу от заледенелых гор, которые являются природным рубежом между дождливым тропическим Сиккимом и сухим Тибетом. Когда к осени заканчивается ужас муссонных дождей, то горный мир Сиккима предстает во всем своем величии и великолепии. Над насыщенно темными джунглями возвышаются закованные в снежную броню горы-великаны, чьи ледники сверкают, как короны. В мае есть время, когда можно увидеть простирающееся в джунглях на многие мили сказочное великолепие цветущих рододендронов. Их только в Сиккиме можно насчитать не менее 30 видов.

Даже в фауне этой маленькой страны встречаются самые неслыханные контрасты. На юге коварный тигр крадется сквозь непроходимые девственные леса, опутанные лианами, чтобы разорвать робкого самбарского оленя. В то же время на севере гибкий снежный леопард в вечных снегах охотится на голубых баранов. А бескрайние степи, простирающиеся от пределов ледяных барьеров до самой «крыши мира», содрогаются под топотом копыт великолепных киангов, самых прекрасных диких лошадей Азии⁷⁸.

Подобно тому, как пестро смешан и сжат в одно маленькое жизненное пространство мир резко отличающихся между собой животных и растений, так же таинственны и причудливы по своей сути люди Сиккима. С расовой точки зрения мы можем выделить три различные этнические группы. Во-первых, речь идет о предполагаемом коренном населении сиккимских горных районов — лепчасах, которые когда владели всем Сик-

кимом, но в силу своей слабой биологической устойчивости были вытеснены в самые отдаленные горные районы. Лепчасы из всех расовых групп, проживающих в Сиккиме, являются самыми древними, а потому их умственные способности, равно как и материальная культура, находятся на самом примитивном, низком уровне. Они весьма суеверны. Их религия представляет сложную смесь из архаичных духовных представлений и веры в духов, которая только поверхностно, посредством влияния буддизма, смогла приобрести некую законченную форму.

Во-вторых, надо упомянуть сиккимских бхутиа. У них тибетские корни, но по расовым признакам и по культурному уровню они фактически не отличаются от тибетцев. В настоящее время сиккимские бхутиа, к которым принадлежит и сама королевская семья, являются истинными хозяевами страны. Благородные семьи этой народности не только владеют большинством недвижимости в стране, но и оказывают доминирующее влияние на примитивный народец диких лесов — лепчасов. Среди местной знати бхутиа распространена традиция заключения брака с тибетскими девушками.

Наряду с относительно небольшим количеством индусов, которые вместе с бенгальцами проникли в эту страну как торговцы и предприниматели, подавляющее большинство населения состоит из непальцев, которые составляют около 80 % жителей Сиккима. Частично индоарийские, частично монголоидные непальцы являются высокоразвитым как в духовном, так и биологическом отношении народом. Их солдаты, гуркхасы с раскосыми глазами, являются отважными воинами, которые на протяжении многих веков не давали спокойно жить бхутиа. По сравнению с более монголоидными бхутиа непальцы более усердны, невзыскательны и грубы. Они настоящие первопроходцы, которые как крестьяне смогли захватить почти весь Южный Сикким. Напряженные отношения между бхутиа и непальцами объясняются не только экономическими и хозяйственными проблемами, но и вопросами веры. Непальцы являются индуистами, а бхутиа — буддистами. До тех пор пока англо-индийское правительство Сиккима мирится со своим полузависимым положением и позволяет контролировать собственную внешнюю политику, вряд ли стоит опасаться откры-

тых политических и военных конфликтов между этими двумя этническими группами.

В середине прошлого века британско-индийские интересы распространились на Гималаи, к чему стремился еще Уоррен Гастингс. Английские политики стремились к тому, чтобы Тибет стал естественной преградой на пути все более расширяющейся на юго-восток власти русского царя. Тибет, как самая высокогорная страна мира, должен был стать либо вассалом, либо союзником. Вытянутая территория Сиккима связывает жаркие бенгальские джунгли с высокогорными степями Тибета. На востоке горные проходы на высоте едва ли не 4600 метров ведут через Чумбитал на юг, напрямую к ламаистской стране. Испокон века формально независимый Сикким был пролегшей далеко на юг частью Тибета. Реализации английских интересов в Центральной Азии способствовало не только центральное положение Сиккима, как входных ворот на Тибет, но и близкое родство сиккимской и тибетской династий. Препятствование торговле, введение специальных таможенных пошлин, грабежи английских торговцев, убийства некоторых британских граждан и, наконец, открытое противостояние англичан и тогдашнего махараджи Сиккима вынудило британцев заключать торговые договоры, экономически развивать эту дикую горную страну, скупая самые плодородные земли на юге Сиккима. В итоге Англия приобрела не только сильного союзника в деле реализации своих амбиций в Центральной Азии, в первую очередь касающихся Тибета, не только великолепные земли от Силигури до Калимпонга и Дарджилинга, которые известны на весь мир, но и смогла осуществить чрезвычайно перспективный план британско-индийского производства чая. Дарджилинг еще известен как летняя резиденция бенгальского правительства, укрытие белых женщин и детей, которые скрываются там от убийственно жаркого климата индийской долины и Калькутты, ища спасение и освежение как от миазмов и болезней Индии, так и от жутких холодов Гималаев.

Накануне наступления XX века Дарджилинг превратился в великолепный курорт, который постоянно посещает индийское правительство, еще более укрепляя свои отношения с Сиккимом. Вынужденные дружеские отношения стали развиваться

*Участники экспедиции в гостях у махараджи Сиккима.
Слева направо: Бегер, Шефер, махараджа, Геер, Краузе
(сидит на спинке дивана) и Винерт*

еще активнее, когда махарадже Сиккима был предоставлен благосклонный консультант, что позволило правителю самостоятельно давить на тибетцев и правительство Лхасы.

Культурные и политические отношения Тибета с Китаем и в меньшей степени с Россией вызывали тревогу в Индии. Эти опасения усилились, когда были жестко отвергнуты все предложения англичан, предполагавшие сближение с Тибетом. Англичане терпели подобное отношение достаточно долго, до тех пор, пока оскорбления тибетского правительства не перешли все мыслимые и немыслимые границы. Отсутствие подобающей реакции могло натолкнуть тибетцев на мысль о сладости британских позиций. Письма, которые вице-король Индии направлял его святейшеству Далай-ламе, возвращались полгода спустя так и не открытыми. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Вскоре полковник Френсис Янгхасбэнд⁷⁹ с хорошо вооруженной армией, состоящей из кадровых индийских военных, после долгого ожидания в Кампа-Дзонге, где тибетцы закрыли вход в долину огромной каменной глыбой, вступил на территорию Тибета. Вооруженное сопротивление отчаянно сражавшихся тибетских отрядов было

почти сразу же сломлено, так как британский экспедиционный корпус был не в пример лучше вооружен. В 1904 году полковник победоносно вступил в Лхасу, где в Потале, огромной резиденции священного правителя, были заключен договор, скрепленный печатями, который урегулировал отношения между Тибетом и Британской Индией. Договор действует и по сей день. Несмотря на то что Далай-лама в первую же ночь вступления англичан в Лхасу бежал в Китай, тибетское правительство впоследствии уверилось в дружеских намерениях англичан. Священный правитель проследовал в свою старую резиденцию Потала, где несколько лет прожил в мире за религиозными и политическими делами.

Однако в 1910 году китайцы под предводительством молодого, честолюбивого и весьма бесцеремонного генерала Чжао Эр Фэна через Сетчван вторглись в Восточный Тибет, отбросили наскоро сформированные тибетские отряды в Кхам и начали жечь монастыри. Несмотря на суровый климат, они смогли захватить районы Янцзы, Меконга и Салуина. Китайцы намеревались достигнуть Лхасы и осуществить свою давнишнюю геополитическую мечту, так внезапно разрушенную экспедиционным корпусом Янгхасбэнда. Деятели Англии и Индии пребывали в шоковом состоянии. Там не были в состоянии поверить в факт энергичного захвата Тибета изнеженными, и, как считали, неприспособленными к войне китайцами. Британцы оказались озадаченными, но предпочли придерживаться старой выжидательной тактики: «Ждать и смотреть!» И вот в Китае произошла революция. Маньчжурская династия была свергнута. Чжао Эр Фэн, теперь уже вице-король провинции Сычуань, остался верным императору. Но он находился в Тибете, слишком далеко от мест боев. Его солдаты взбунтовались. В итоге при помощи британских властей они были эвакуированы через Чумбитал и Сикким в Британскую Индию. Власть Чжао Эр Фэна пошатнулась. Он покинул бегством эту негостеприимную горную страну. В беспрецедентном пешем походе по тибетским пустынным ландшафтам он направился на восток, собрал там новую армию, после чего захватил Чэнду, столицу провинции Сычуань. Но там он был обложен со всех сторон революционными силами молодой республики и в итоге был арестован. Несколь-

ко часов спустя на рыночной площади Чэнду при большом скоплении народа, под проклятья, выкрикиваемые республиканцами, был казнен один из самых талантливых генералов Китайской империи. Когда я в 1934 году направлялся в Литанг по пути, который в свое время залил кровью Чжао Эр Фэн, мне показали фотографию тибетской королевы. Она присутствовала на казни в Чэнду. Когда люди стащили обезглавленное тело узурпатора, то она наступила на него ногой.

Именно с этого времени между Китаем и Тибетом не существует четких границ. Неизбежным результатом этого являются партизанские акции и бандитские налеты, с чем мне самому пришлось не раз столкнуться за годы путешествий. Даже английское посредничество не смогло остановить опустошительные набеги китайцев на Восточный Тибет.

Для понимания политических взаимосвязей между Индией, Тибетом и Китаем очень важно учитывать стратегическое положение Сиккима. Эта маленькая страна, затерянная глубоко в Гималаях, сыграла очень важную роль во всех этих беспорядках. Тот, кто, ошибаясь, утверждал, что Сикким транзитная страна, виноват во всем, что творится на протяжении последних 50 лет на азиатском пространстве от Индийского океана до Китайского моря. Когда генерал Чжао Эр Фэн приближался к Лхасе, то Далай-лама, охваченный страхом, что его схватят передовые отряды китайцев, бежал. Его путь на этот раз лежал через Сикким и Дарджилинг, по которому он следовал, пока не нашел защиту и покровительство у англичан. Только когда ужасы, вызванные китайской оккупацией Лхасы, отступили, Далай-лама, убедивший англичан, с их согласия вновь направился через Сикким в тибетскую столицу. В Тибете тотчас началась борьба за власть между двумя «живыми божествами»: Далай-ламой и его противником Панчен-ламой (или Таши-ламой), резиденция которого располагалась в Ташилумпо. Это противостояние закончилось бегством в 1924 году Панчен-ламы в Китай. Далай-лама умер в 1933 году в Лхасе. После смерти своего соперника Панчен-лама в 1937 году пожелал вернуться в «страну великих горных ледников». Но некоторое время спустя преследуемый богочеловек скончался в Чжекундо в верховьях Янцзы, не успев вступить на родную землю. От смерти не могут

*Эрнст Шефер с махараджей Сиккима.
На полу сидит личный секретарь махараджи*

скрыться даже «живые Будды». Впрочем, души этих первосвященников до сих пор продолжают парить над горами Тибета. Индийские правительственные войска, расположенные для защиты британских представителей в Ятунге и Гьянцзе, не решаются произвести ни одного выстрела, так как ожидают возрождения Далай-ламы в маленьком ребенке, который должен быть найден тибетскими ламами. Англичане высокомерно издеваются над этим преданием. Они остаются хоть и вооруженными, но все-таки гостями, чуждыми этой стране.

В данном случае, пожалуй, только политические офицеры, эти старые колониальные вояки, искусные дипломаты и знатоки душ тибетского народа, могут реально отстаивать интересы Англии. Впрочем, они позволяют тибетцам следовать путем, заповеданным их средневековым мистицизмом: «Жди и смотри!» Махараджа и (милостью англичан) король Сиккима — это невысокий человек средних лет. Но влиятельные британцы рассказывали мне, что у него железная воля и кипучая энергия. Он ведет свое необременительное земное существование в высоком дворце, затерянном в джунглях на склоне одной из гор Гангтока. Из достоверных источников мне стало известно, что его семья происходит из восточнотибетской провинции Кхам,

*Эрнст Шефер беседует
с настоятелем монастыря Ташилумпо*

где живут самые свободолюбивые, но в то же время самые дикие племена, промысляющие разбоем. Наверное, мягкий субтропический климат Гангтока на протяжении многих поколений сказался на характере местных правителей, так как мы нашли, что махараджа был миролюбивым и даже нерешительным человеком. Он, как правверный буддист, покорно смирился с трудностями, которые мы ему доставляли во время охоты, отстреливая животных для нашей зоологической коллекции. Он шел по тропинке и только прикрывал глаза ладонями. В этой связи я очень ему благодарен. Я нашел странное противоречие в том, что личность и величие махараджи должен был символизировать дикий, скалящий зубы, воинственный тибетский бог Шагдор. Только когда один из пяти «государственных секретарей Сиккима» в глубоком почтении склонялся перед своим правителем, едва ли не касаясь лбом земли, я замечал в глазах махараджи, спрятанных под круглыми темными очками, повелительный блеск. В это время я видел проявление давно ушедших времен. Как бы то ни было, но мы в качестве официальных гостей Его Величества великолепно провели время. С особым удовольствием я вспоминаю вечера, когда махараджа в своем дворце

рассказывал мне о высшем божестве Канченджанги и о таинственном снежном человеке «мигю», в которого он свято верил и который когда-то должен был навлечь страшную беду на Сикким. Его Величество утверждал это совершенно серьезно.

На меня махараджа Сиккима произвел впечатление совершенно нормального и в чем-то не очень уверенного человека. Наверное, мне не представился случай познакомиться с его главной чертой характера. Местные жители верили в то, что он одним махом своим хрупкой руки был способен остановить бурю и разогнать грозовые тучи. Сам я не решился задать этот вопрос махарадже. Но один из его министров, посещавший английский колледж, очень хитро подмигнул, когда я спросил его об этом.

Для того чтобы описать соотношения сил в Сиккиме, важно отметить, что предшественник нынешнего махараджи, учившийся в Англии и бывший очень способным человеком, трагически погиб буквально после своего вхождения во власть. Обстоятельства его гибели были весьма загадочными и таинственными. Я слышал много историй о гибели любимого простолюдинами правителя. Но никто не смог рассказать чего-то конкретного. В любом случае можно констатировать, что сиккимская знать стремится (по понятным причинам) к прогрессу. Злые языки в Гангтоке утверждают, что нынешний махараджа не притрагивается ни к одному блюду, не дав его предварительно попробовать какому-нибудь камердинеру. Лишь после этого он приступает к еде. Другие утверждают, что даже махарани (королеве) нельзя готовить для ее повелителя и супруга никаких съестных блюд. Но мы не видели ничего подобного.

Сейчас махараджа и махарани живут отдельно друг от друга. Для этого, собственно, нет никаких причин, так как тибетский предсказатель, который должен составлять гороскоп накануне каждого бракосочетания, перед королевской свадьбой выдал пророчество, что Его Величество будет иметь шесть детей, но Ее Величество — семь детей.

Теперь махарани находится в тянущемся почти год паломничестве в Лхасу. Там находятся ее семейные владения. На обратном пути она сообщила своему господину и повелителю, что находится в положении и готова дать жизнь новому Далай-ламе. Но из данной затеи ничего не получилось, так как у махарани

Новогодний оркестр

родилась девочка. Сиккимские принцы и принцессы являются прелестными детьми, милovidными, с безупречными манерами. Отчасти их воспитывают в Калимпонге, в Британском Бутане, отчасти в английских школах Силмы.

Официальной государственной религией Сиккима является буддизм. Индуизм, который повсеместно распространен среди непальцев, никак не учитывается при проведении государственной политики, он не финансируется из казны и не получает никакой другой финансовой поддержки. Однако многие признаки указывают на то, что буддизм в Сиккиме утвердился не так давно. Эта религия прибыла в Сикким не из Индии, как во всю Азию, а уже с севера, когда ламаизм закрепился в Тибете.

В тибетском ламаизме существует множество сект. Самой влиятельной из них является желтая, «реформистская» секта Гелюпца, которая широко представлена в Центральном Тибете, в то время как «ортодоксальная», красная секта Нимапа имеет сторонников преимущественно в Восточном Тибете. В противоположность тому, что в Южном и Центральном Тибете преобладает желтая секта, что вызвано близостью Лхасы и Шигацзе, в Сиккиме мы обнаруживаем исключительно старую форму ламаизма. Поэтому само собой напрашивается, что семейство королей Сиккима принесло свою религию из Восточного Тибета, которая попала туда, проделав долгий исторический путь. Главное

различие между этими двумя сектами состоит в том, что приверженцы желтой секты должны следовать более строгому образу жизни, а монахи должны соблюдать принцип ритуального безбрачия. Сторонники красной секты чувствуют себя значительно свободнее. В строгом понимании здесь даже не существует обязательного безбрачия. Данный культ в большей мере связан с верой в духов и демонов, что очень тесно переплетается между собой. Красная секта является более архаичной формой ламаистской религии.

Несмотря на то что разница между двумя направлениями является чисто догматической, касающейся только отдельных святых и буддийских трактатов, что в повседневной жизни вряд ли может заметить обыкновенный тибетец, религиозные церемонии сект очень сильно различаются между собой. Интересно хотя бы с географической точки зрения, что связанная с культом демонов, изгнанием нечистых духов, анимизмом и шаманизмом красная секта доминирует в тех районах, где окружающая среда с ее демоническими силами господствует над человеком: посреди высокогорных перевалов, затерянных долин и заросших непроходимыми джунглями горных лабиринтов. В низинах и на более открытых пространствах, где явственнее видна жесткость природы и есть возможность ее естественной интерпретации, преобладают сторонники желтой секты. В момент, когда каждый год божество Канченджанги спускается к людям с трона «пяти священных вершин вечных снегов»⁸⁰, чтобы даровать им силы и свое благословение, а в ответ принять прославление человечества, ламы собираются в храме Гангтока. Они проносят в торжественной процессии позолоченную статую бога Чамба⁸¹ и сто восемь свитков ламаистской энциклопедии⁸² по вечнозеленым улицам столицы. В жестком ритме звучит стилизованная буддийская музыка. Ламы приносят в окружении ста восьми свитков закрытое ширмой грядущее божество обратно в храм.

ВОЕННЫЙ ТАНЕЦ БОГОВ

В сентябре, в пятнадцатый день седьмого тибетского месяца, когда закончились ужасы муссонных дождей, само провидение пошло нам навстречу. На большой просторной площади

Геер и Краузе снимают ламаистский праздник в Гангтоке. На Краузе пробковый шлем с символикой СС

перед храмом, что располагает-ся недалеко от дворца махараджи, мы увидели «военный танец богов» — одну из самых впечатляющих и красивых церемоний буддийского ламаизма, которая проходит с размахом и помпой. Самая красивая маска, надетая на одного из танцоров, символизирует собой божество Канченджанги. Ритуальные пляски группы лам, облаченных в красные одежды и желтые митры, сопровождаются звуками бубенцов, флейт, дудок, барабанов. Над площадкой непрерывно звучит дикая

и совершенно безумная музыка, которая рвется ввысь к небу. Всей этой чудесной церемонией руководит настоятель древнего овеянного множеством легенд монастыря Пемаянгузе, который располагается в горах недалеко от Гангтока. Здесь верят, что сиккимцы были порождены святым волшебником Падмасамбхавой⁸³.

Наверху на границе лесов ночью из земли вылезли тысячи лазурных колокольчиков горечавки, звезды эдельвейсов засверкали во всем великолепии, а в тусклых хвойных чащах редет туман. Период дождей заканчивается. Это как раз то самое время, когда ожидается «прибытие» божественного покровителя Гангтока на большой праздник. Уже в сиккимских горах нас догоняет приглашение махараджи принять участие в больших танцах, посвященных Канченджанги.

Благочестивые ламы тихо и усердно бормочут молитвы, которые великий Будда произнес множество веков назад. Со стоическим спокойствием тысячи фанатичных монахов в длинных, струящихся одеждах сидят и медитируют. Они стремятся к вечности и отреклись от этого мира.

Десятки тысяч сгорбленных от старости мужчин и пожилых женщин крутят в одинаковом ритме молитвенные ручные мельницы, в которых скрыты священные знаки. Бесчисленное количество крестьян, спустившихся с гор, твердят еле шевелящимися губами в надежде на счастье формулу молитвы: «Ом мани падме хум (Славим тебя, о драгоценность в чаше лотоса)». Безропотно они полагаются на свою судьбу. Они несколько месяцев несли не себе бремя забот, когда горы их повелителя были сокрыты и только грохот лавин возвещал им, что боги еще живы.

Через расселины Гималайских гор на головокружительной высоте еще виднеются последние дождевые тучи. Мимо утесов и скал проносятся ведьмы тумана, они подстегивают ливневые облака, чтобы те в последний раз излились на тесные чаши лесов. В это время ни один благоразумный европеец не решится войти в лабиринт скал самого огромного на Земле высокогорья. Однако мы появляемся там, посреди насыщенной силами стихий божественной природы, и хотим идти еще дальше, еще выше.

С нами произошла неприятность. Один из наших верных шерпасов³⁴ чуть было не свалился с обрыва. Его успели спасти. Вечером, когда уже потухли последние лучи дневного света, сижу подперев голову и размышляю. Закончен ужин, и мои приятели вернулись к работе. Напротив меня присел Винерт. Наверное, его терзают те же чувства, что и меня. Впрочем, как и любого человека, осознавшего цену жизни. Все мысли крутятся вокруг одного: что есть жизнь человеческая, и от каких малых обстоятельств она зависит?

Я слышу за собой шлепанье босых ног. Пенси, начальник наших шерпасов, повар и еще один носильщик незаметно вошли и смотрят на меня большими, словно увеличенными от ужаса глазами. Мы уже видели как Пенси, сидя прямо на земле, листал наши книги. Теперь он протягивал книги, написанные англичанами. На обложке одной из них изображена страшная маска, на другой — сход снежной лавины. Читаю название одной книги — «Канченджанги, горы и боги». Тут все трое хором начинают говорить.

Их решительный вид и тихий язык нравятся мне. Но то, что они говорят, является для меня горьким обвинением. Они ут-

верждают, что нас ожидает большое несчастье, так как мы не верим в Канче, страшного бога дикого Сиккима, который держит судьбу людей в своих ледяных пальцах. Поэтому сегодня Канченджанги послал нам неудачу, так как мы были язычниками. Когда они произносят последнюю фразу, я понимаю, что туземная команда колеблется, что может вспыхнуть бунт. Я говорю одному из этих детей природы, что мы также верим в великого Будду, в душу мира и в Бога. Мы верим, как и они в Канче, как часть всевластной природы. Поэтому мы, как одна большая семья должны идти либо навстречу жизни, либо вместе встретить смерть. Сегодняшняя неприятность и благоприятный исход являются лишь знаками того, что Бог и Будда хотят испытать нас, являемся ли мы достаточно смелыми.

Они остались довольны, так как нуждаются в поддержке. Когда на следующий вечер мы сели все вместе и стали беседовать о будущем, Пенси заверяет нас, что мы можем порезать их всех на куски, но они будут стоять за нас горой, пока жив хотя бы один из шерпасов. Барасахиб⁸⁵ может быть в них уверен. Канче — это не только одна из высочайших гор в данной стране, а еще олицетворение демона, который является божеством и злодеем одновременно, все зависит от того, пребывает ли он в хорошем или плохом настроении. Он этого зависит, страдают или процветают люди. От этого зависел и исход нашей экспедиции. Туземцы полагают, что Канче является сторожем-великаном. Его голова находится на Эвересте, тело — в Канченджанги, а ноги протянулись по Силигури в индийской долине. Во время муссонных дождей этот внушающий ужас великан спит, мягко устроившись на облаках. Горе тому человеку, который по недоумию или по неосторожности разбудит его. Тогда небо разверзается, горы неистовствуют, град уничтожает урожай, а все результаты летних трудов крестьян смывает паводками. Поэтому ламы постоянно молятся. Они во всевозможных формах перевозносят Канче. Они пытаются приглушить его ужасную музыку в горах и на равнинах, делая все возможное, чтобы задобрить великана.

Ламы делают это неделями напролет. День и ночь звучат трубы, а глухой звук барабанов несется от одиноких монастырей по долинам. Монашеская жизнь достигает своего апогея в

большом храме в Гангтоке. Повсюду идет подготовка, чтобы достойно встретить божество страны. В середине августа великий настоятель Пемаянгтзе в сопровождении 50 лам появляется в Гангтоке, чтобы по древнему обычаю самому командовать праздником.

Говорят, что древние великие ламы неделями не знали сна, так как выполняли задание, которое состояло в том, чтобы умирить Махакалу⁸⁶, гордого защитника «южных перевалов», и всемогущего Канченджанги, чтобы те изгнали страшных демонов муссонных дождей и спустились к людям в день полнолуния, и во время парада победоносных бойцов приняли человеческое почтение и поклонение.

Ламой был первый махараджа Сиккима, который после захвата власти в стране ввел в ней буддизм. Он умолял оба этих всемогущих божества дать ему благословение и раз в году спускаться из своих ледяных дворцов и являть народу свое всевластие. С этого времени раз в году, в начале осени, в Сиккиме происходит «военный танец богов». Богов изображают не ламы, а лучшие молодые бойцы из числа сиккимской знати.

В канун большого праздника я находился в доме одного высокопоставленного сиккимского кхаси⁸⁷, личного секретаря Его Величества махараджи, Раи Сахиб Таши Дадула. «Видите, — сказал хозяин дома, — «Сикким, по сути, является частью Тибета. Даже если бы наше культурное развитие было предопределено только географическим положением, то мы все равно гордились бы этим фактом».

«Прекрасно, — отвечаю я ему, — но Сикким граничит не только с Тибетом. Значительная доля населения — это выходцы из Непала, которые иммигрировали в окрестности Дарджилинга в прошлом столетии из Катманду и принесли с собой индуистскую веру. Кроме этого, вряд ли подлежит сомнению тот факт, что на юге просторные долины граничат с Бенгалией. Кроме этого, имеются коммерсанты-мауари, торговцы из Пенджаба, а также нельзя недооценивать влияние Бутана, который находится на востоке. Я уж не говорю о загнанных в джунгли лепчасов, коренном населении Сиккима. Даже такой примитивный народ, как лепчасы с их темными суевериями, все еще сохраняли следы древнейшей культуры».

*Стрельба из лука —
любимое занятие тибетцев*

«Определенно, все эти факты очень сложно отрицать», — прервал меня Рай Сахиб. А затем продолжил торжественным голосом, преисполненным гордости: «Но мы являемся правящим классом, бхутиа-кхазис, уставным дворянством тибетского происхождения. Наши предки прибыли из Тибета и захватили Сикким. Мы принесли буддизм и даровали культуру этой стране. Женщина, которая родила нашему махарадже четверых сыновей, является чистокровной тибеткой, происходящей из древнейшего благородного рода. Все наши род-

ственники — это либо влиятельные люди в Лхасе, Гьянцзе и Шигацзе, либо высокопоставленные офицеры в тибетской армии. Мы сочетаемся браком только со своими и чувствуем отвращение к прочим расовым элементам. Если мы не находим подходящих девушек с Сиккиме, то направляемся в Тибет и выбираем жен именно там, по ту сторону границы. Действительно, нас не очень много, но у нас власть, что является гордостью, а несение культуры является нашей привилегией». «Да, но все же имеются непальцы и лепчасы», — осмеливаюсь я возразить в ответ. Однако Рай Сахиб настолько бурно прореагировал, что я не могу говорить дальше. «То, что касается лепчасов, — продолжает он с пренебрежительным выражением лица, — то они не рождены для правления. Они хорошие граждане — скромные, усердные, послушные. Но они не воины, они избегают любых опасностей, а потому находятся там, где в итоге оказались — посреди джунглей, где никому не мешают. Они даже буддизм восприняли от нас. Их знать считает собственными только джунгли. Они не доставляют нам хлопот. Напротив, они самые добросовестные налогоплательщики. Они точно следуют всем нашим указаниям, хотя имеют все причины быть недовольными».

При этих словах лицо Раи Сахиба помрачнело. Несколько резко он продолжил: «Несколько иначе дела обстоят с непальцами. Пожалуй, они весьма усердны и невзыскательны, но их становится все больше и больше. Они борются за каждую пядь земли. Они усердные рабочие, что позволило некоторым из них занять высокие посты в государственном аппарате. Их знать преследует более далекие цели, нежели наши собственные. Они делают это хотя бы потому, что эти цели придуманы не нами. Хорошо, что среди непальцев, как в самом Непале, так и Сиккиме, существует множество каст, что не дает им возможность объединиться. Даже если непальцы сейчас не представляют угрозы для Сиккима как для буддийской страны, то я не исключаю, что опасность все-таки возможна, особенно тогда, когда они откажутся от кастовой системы. Во всяком случае, мы являемся и останемся правителями этой страны. Мы — буддисты, которые терпят, но отнюдь не поощряют чужую религию». «А что Вы думаете о христианстве?» — спросил я собеседника. «Я не могу слишком много рассуждать на эту тему, так как очень слабо разбираюсь в ней. Я соглашусь с тем, что миссионеры сделали очень много добра. Они познакомили нас в целом с медициной и гигиеной. Но все их последователи вряд ли

Соревнования по стрельбе из лука

разделяют их веру. Большинство таких мы зовем “рисовыми христианами”. На самом деле они являют собой самых ленивых, самых неполноценных, самых жалких представителей низов: паразитов и трутней. Они приняли христианство, чтобы бесплатно получать рис в миссионерских пунктах. Теперь они могут еще больше лентяйничать. А еще это сказывается на воспитании молодежи, так как мальчики и девочки, воспитывающиеся в миссионерских школах, свободно общаются между собой, хотя здесь это рассматривается как постыдное действие». «Не слишком много Вы поведали о полезной деятельности миссионеров», — усмехаюсь я. «Мои слова — еще не приговор», — парирует тактичный азиат. «Но факт остается фактом. На весь Сикким имеется три миссионера. Все трое должны раз в полгода продлевать документы для пребывания здесь».

«Впрочем, мы, кажется, хотели попить чая», — говорит Раи Сахиб и ведет меня под руку в завешенное коврами помещение. Там на столе стоит ваза с печеньем и свежее испеченный пирог. «Я расскажу Вам о военных танцах все, что знаю, или все, что пожелаете узнать Вы. Это исключительно сиккимское явление. Чего-то подобного Вы не найдете ни в одной стране мира, даже в Тибете, хотя сама идея военных танцев позаимствована именно оттуда».

В священных книгах первый махараджа Сиккима Чагдор Намгьял записал следующие указания относительно повторяющихся каждый год танцев: «Военный танец совершается только буддистами северной школы⁸⁸. Он является символом сиккимского ламаизма. Его высшая цель состоит в том, чтобы почитать бога Канчен-Дзод-Нга (Канченджанги). Бог появляется в красных одеждах, с красным (окровавленным) копьем в руках верхом на белом коне или на белом горном льве. Он — сиккимский бог войны. Ему регулярно должны возноситься разнообразные хвалы и приноситься жертвы теми, кто еще в состоянии носить оружие. С танцами связано развитие воинской помпезности, что должно понравиться богу войны, который должен повысить боеспособность и гордость нации. Чтобы торжество не свелось к банальному богослужению и заклинанию демонов, ламы просят черного кровожадного Махакалу, повелителя всех духов и демонов, чтобы тот развернул свое знамя и помог

Канченджанги защищать буддийскую веру и государство. В итоге народу должны быть дарованы мир, богатство и благополучие.

Кроме этого, военный танец должен способствовать физической закалке. Он должен отрывать лам и молодежь из семей знати от лени, праздной, оседлой жизни. Напоказ должны выставляться и в итоге культивироваться сноровка, дисциплина, энергичность, сила и выносливость. Но в первую очередь танец должен поднимать дух и улучшать мораль в воинских частях. В искусном объединении воспитания физической силы с религиозными мотивами и безоговорочной преданностью в богослужении оказались заложены важные государственные устремления. Во время тренировок танцоры должны вести уединенную жизнь, тесно связанную с религиозными запретами. Им запрещены половые отношения. Им нельзя употреблять алкоголь. Каждый отдельный танцор — это представитель государства, который должен быть безупречным. Он должен воодушевляться своей верой. Танцор должен быть рад и горд за то, что выполняет всеобъемлющую волю бога войны, который подвигаем к действию самим Махакалой, покровителем всех духов. Танцоры должны быть облачены в шлем, нести меч и щит, должны быть одеты как настоящие воины, то есть походить один в один на победоносных завоевателей Сиккима. Шелковые шарфы, перехватывающие их грудь крест-накрест, должны быть затянуты настолько туго, что образуют защиту от ударов меча, а в случае ранения являются повязкой. Яркие пестрые цвета одежды символизируют принадлежность к разным частям, которыми командовали различные полководцы. От ликующих триумфальных выкриков над полем висит: «Ки ки ху ху — Ки ки ху ху». Так возвещают о победе, что должно порадовать сердце великого Махакалы».

Утром многообещающего дня ярмарочную площадь перед большим храмом Гангтока окутывает густой туман. Кажется, что бог погоды не услышал молитвы лам. Но появившееся солнце начинает разгонять влажные клубы низковисящего тумана, прежде чем мы успели закончить завтракать в резиденции для официальных гостей махараджи: становится понятно, что нас ожидает день, который будет радовать солнечной погодой. На-

стал день, который в течение долгих месяцев мы представляли себе и нетерпеливо ожидали его приближения. Это очень большое событие. То, что ожидает нас сегодня, в действительности является одним из самых ярких и запоминающихся впечатлений, которые едва ли возможно в полной мере передать рассудительному европейцу.

Картины быстро сменяют друг друга. Они превращаются в хаос ярких кричащих цветов и отрывистых звуков, которые мчатся из стороны в сторону, вызывая ощущение огромной бурлящей массы. Предвкушая что-то необыкновенное, мы уже с самого утра направились на площадь, чтобы увидеть это танцевальное представление с самого начала. Постепенно собирается толпа празднично одетых зрителей. Перед нами предстает завораживающее зрелище. Завершаются последние приготовления. Услужливые прислужники снуют туда-сюда. Армия пестро одетых чиновников и полицейских ставит палатки для почетных гостей праздника. Все пребывают в состоянии крайнего возбуждения.

Посреди всех палаток стоит роскошный шатер махараджи, в котором специально для нас поставлены мягкие кресла, на которые в суете праздника мы так и не присели. Рядом из зеленых папоротниковых ветвей и хвойных лап возводится еще один шатер, в котором после полудня мы должны сесть за трапезу. Рядом расположена палатка для знати и высших чиновников. Все эти строения расположены полукругом вокруг храма, так что нам предоставляется возможность хорошо разглядеть центральную танцевальную площадку со всех сторон.

Наши глаза не сразу привыкают к пестроте и буйству цветов, которые превращаются в дикую неразбериху. Мы не успеваем поприветствовать всех кхаси, так как на площади появляется пара «азаров»⁸⁹, чтобы шутками и дурашливыми выходками прогнать с ярмарочной площади злых духов и проложить путь танцорам. Эти два клоуна, которые показывают мужчину и женщину, регулярно изображаются молодыми ламами. Но они не принимают никакого участия в религиозных танцах. Наряду с официальными функциями им предстоит выполнять еще одно благородное задание — достаточно долго развлекать публику всяческими задорными выходками. Танцы являются испытанием терпения не только для принимающих в них участие моло-

дых людей, но и для самих зрителей. Азары начинают свое выступление с невинных проделок. Они гоняются друг за другом, танцуют в нелепых позах и делают смешные жесты, намекая тем самым на самые различные ситуации в человеческой жизни. Затем они могут схватить какую-нибудь собаку за хвост и таскать бедное животное несколько минут, к немалой радости собравшейся публики.

Мы медленно оглядываем всех собравшихся, пока наш взгляд не вылавливает из толпы группу хорошо одетых тибетцев, которые держат за узду двух изукрашенных жеребцов. У азиатских парней дикие и решительные лица. Они осознают ту знаменательную роль, которая во время танцев отведена им и вверенным им гордым животным. Эти два жеребца — это верховые лошади для двух высших божеств. На этих жеребцах никогда не будут ездить люди, их никогда не будут использовать в работах. Это священные животные, предназначенные только для божества, а потому за ними ухаживают в конюшнях махараджи. Канченджангская белая лошадь — это дикое, весьма своенравное животное, которое было выведено именно в Тибетском регионе. Племенной жеребец украшен красными шелками и несет на себе символ царской милости — пучок павлиньих перьев, который закреплен на его прекрасной, породистой голове. Боевой конь Махакалы, напротив, черный как смоль. Его голова, как и сам победитель демонов, украшена изображением человеческих черепов. От изобилия людей и чувствуя приближение сатанинских сил, жеребец бьет копытами, раздувает ноздри. Он чувствует приближение зла, и его вряд ли можно успокоить. Когда мы изучали священных жеребцов, гром музыки, издаваемый тремя группами музыкантов, возвестил о том, что наступило время нового действия. Ряды зрителей начинают сплачиваться. Храм полностью облеплен пестрой толпой. Все присутствующие с нетерпением глядят на дворец, ворота которого начинают медленно открываться. Его Величество махараджа, за которым следует длинная шеренга знати, медленно, с осознанием собственного достоинства направляется к храму, чтобы помолиться и вызвать богов.

Знаменосцы в огненно-красных облачениях с ярко-желтыми тибетскими шапками на головах, лепчасские гвардейцы в

багровых куртках и шлемах с павлиньими перьями, крепкие войны бхутиа в боевой раскраске отдают салют. В этот момент музыканты начинают играть. Музыка, возвещающая прибытие божеств, больше напоминает какофонию. Лепчасы, набирая полную грудь воздуха, дуют в рога. Непальские волынки режут слух высокими, визгливыми звуками. Со стоическим спокойствием грукхас бьет в большие литавры. Его лицо, застывшее как лед, не меняет своего выражения. Мы снимаем все это на кинокамеру, до тех пор, пока музыка не раздается в храме. Махараджа со своей свитой приближается к нам. Мы здороваемся с ним и вновь продолжаем снимать эти фантастические картины.

Из храма вытекает пестрое шествие. Ламы в красных и желтых одеяниях завернуты в зеленые и синие покрывала. Солнце освещает их, и нашему взору предстают непостижимые сцены, исполненные магической силы. Священники выстраиваются. Инструменты продолжают издавать ужасную музыку. Танцоры бога войны в вихре дикой пляски начинают теснить собравшихся. Они начинают игру, полную беззаветной самоотдачи, которой мы никогда до этого не видели и вряд ли увидим еще. Медленно, словно выверяя каждый шаг, шумя шелками, двадцать вассалов Канченджанги начинают дико кружиться, поблескивая своими мечами. В танцевальном шаге они совершают круг, становятся в ряд и возносят громкими криками первое почитание божеству войны. Мимика на лицах фанатичных воинов, которые преданы танцу и божествам, является жестокой и непостижимо-загадочной. Серьезность данного исполнения усиливается непреклонными чертами монголоидных лиц. Звучит команда. Мечи направляются к центру, щиты блестят как золото, цвета расплываются в неистовом импульсивном движении⁹⁰. Едва ли возможно выхватить из этого вихря отдельные безумные прыжки. В этом хаосе цветов нельзя уловить даже отдельных движений. Но в каждом из них чувствуется законченность и гармоничность.

В каждом их выпаде, в каждом внезапном повороте чувствуется самоотверженность. Иногда из вихря танца взгляд вырывает лица. Даже под огненно-красными шарфами видно, что они покрыты каплями пота. Шаги начинают замедляться, и вновь

раздается команда. Вновь блещут мечи, сверкают щиты, на шлемах развиваются пучки. Все это созвучно тому, что требует от своего воинственного народа Канченджанги: выносливости, силы и самообладания.

Не делая ни одной остановки, танцоры кружатся все в новых и новых позах, набирая то неистовый темп, то сбавляя его, то издавая неистовые крики, то кружась в полном молчании. Мы зачарованы этим захватывающим представлением, которое втягивает нас все глубже и глубже в сферу магических явлений. Однако апогеем истинного военного танца является пленительный и фантастический таинственный танцевальный ход «дорж гро дорджидрос». Это экстатическое и невероятно дикое переживание, когда пять танцоров, каждый из которых символизирует одну из вершин Канченджанги⁹¹, начинают символическое действие, которое провозглашает победу правды над ложью, добра над злом. Я чуть было не посчитал оскорблением, когда личный секретарь Его Величества дернул меня за рукав и вырвал из плена этого увлекательного представления. Тем не менее, заботясь о нашем физическом самочувствии, он пригласил нас в почетный шатер, где нам надо было подкрепиться отменной китайской пищей.

Мы предпочитаем пить кофе из термосов, чтобы не пропустить появление божеств. Внезапно группа лам начинает издавать глухие звуки. Все зрители напряжены и волнуются. Горнисты занимают свои позиции по обе стороны от храма. Военные танцоры обнажают мечи. Тяжелые занавеси распахиваются. В плавном движении появляется нереально огромный бог войны. Он танцует с мастерством и грацией, которые не должны быть присущи такому гиганту. Энергичные, но элегантные движения божества являют собой полную противоположность неистовым па его воинов. Во всем чувствуется его повелительная. Роскошные одеяния Канченджанги поблескивают в лучах солнца, которое уже начинает клониться к закату. Неожиданно небо окрашивается в янтарный цвет. Кажется, что облака разошлись, чтобы сама гора взирала, выражают ли люди покорность своему повелителю! В начале танца к божеству войны подводится жеребец. Великолепное животное с уздечкой, украшенной драгоценностями, тоже отдает честь своему божеству.

ственному повелителю. Вновь звучит музыка, и в такой же торжественной манере появляется Махакала, демон всех демонов. Его сопровождают несколько лам. Он кружится в беспорядочном танце. Его кровожадную голову черного цвета венчает корона из человеческих черепов. Черты его лица страшные и резкие. Он держит смертоносное копьё. Одевания, контрастирующие по цвету с украшениями божества войны, еще сильнее подчеркивают символичность Канченджанги. После того как два самых могущественных божества заканчивают свой танец, они водружаются на золотые тронные кресла, чтобы принять парад воинов. Махакала сидит справа, а Канченджанги — слева. Первым из группы танцоров выпрыгивает герольд Махакалы. Вновь блестит оружие, а он сам глубоким, сильным и проникновенным голосом возносит хвалу божеству: «Сегодня ты, гордый и непобедимый Махакала, заботящийся о мире и человеке, вновь находишься среди нас, чтобы исполнить свои тяжкие обязанности. Стрелы, копья, мечи и кинжалы вновь блещут, и, как прежде, они направлены на врагов. Горы мертвых тел станут твоим пиршеством на этом празднике. Ты запьешь их морями крови, а твоими лакомствами станут глаза, уши и языки. Тот, кто любит жизнь, будет приведен сегодня к тебе, но тот, кто готов умереть, будет приближен тобою. Махакала разорвет красный поток твоей жизни и пожрет твое тело на божественном праздничном пиршестве. Это он, опьяненный кровью, сокрушительный демон демонов. Слава Махакале, духу всех мертвецов. Ки ки ху ху! Ки ки ху ху! Ки ки ху ху!» Едва только заглохли звуки боевого клича, как вперед из рядов воинов выступил герольд Канченджанги и начал свое восхваление божества: «О, победитель врагов, совершивших все десять прегрешений! О, высочайший хранитель страны риса! О, властитель всех гордых существ, которым ты являешься в ледяном великолепии в образе непобедимого великана горы Дзод-нга (Канченджанги)! Увидь, что сегодня мы все склонились перед тобой. Ты наш вечно молодой бог войны, а твое сердце мягко так же, как Дхармакайя⁹². Ты светишь пятикратной чистотой нашей стране. К тебе устремляются победоносные отряды всех духов и богов, однако ты подобен штормовому ветру и едешь верхом на белом жеребце целомудрия. В неистовой ярости ты являешь врагу свои

три глаза до тех пор, пока мы не одерживаем победу. Теперь ты величественно возвышаешься на своем золотом троне, о наш повелитель Дзод-нга, наш бог войны, наш пятивершинный символ верности, чести, смелости, великодушия и победы! Все четыре ветра возвещают нам о твоей милости. Твой трон будет возвышаться так же крепко, как крепки алмазы в твоей короне. Ки ки ху ху. Ки ки ху ху. Ки ки хи ху!»

И тут со всех сторон раздается боевой клич: «Ки ки ху ху! Ки ки ху ху!» В вечернем солнечном свете блестящие мечи вспыхивают ярким светом и преклоняются перед божествами. Но один меч блестит больше других. Его обладатель начинает кружиться и возносить песнь оружию. «О, мое пропитанное кровью лезвие! О, мой меч жизни! Тысячи демонов ковали тебя из громового металла⁹³, тысячи богов тебя заклинали и заговаривали. Летом белые горные владыки закаляли тебя, а зимой земли вечного моря раскаляли тебя. Ты впитал в себя жар огня и прохладу озер. Тебя окунали в чудесные яды и шлифовали человеческими черепами. Ты значишь для нас больше, чем все сокровища мира. Когда я размахиваю тобой, то сыплется искры. Когда я опускаю, то с тебя стекает кровь. Ты лишашь жизни врагов, ты сносишь ветви инжира, тырываешь в клочья нечистых духов. Ты ужасный нацеленный меч. Для меня ты самый верный и самый дорогой из всех моих друзей. Твое страшное имя — “блестящий луч смерти”. Ки ки ху ху. Ки ки ху ху. Ки ки ху ху».

Божества встают со своих мест и, танцуя, направляются обратно в храм. Год спустя они вновь выйдут из него вечно молодыми, чтобы снова явить себя народу. Воины ликуют, звучат сигнальные выстрелы, летит глухой бой в барабаны. Теперь, когда боги вернулись обратно на свои ледяные вершины, махараджа приглашает нас изведать традиционного «мувара», сиккимского пшеничного пива. Оно пьется при помощи длинных и тонких бамбуковых палочек, которые, после сушки на жарком субтропическом солнце, выполняют функции соломинок. Напиток нам приходится по вкусу. Тем временем все воины, танцоры и удерживавшие жеребцов люди собрались приносить последнюю благодарственную жертву, для чего направляются торжественной процессией к храму, где исчезли божества. Впереди идут лепчасские воины, за ними следуют конюхи, танцоры.

Процессия заканчивается толпами ликующего и кричащего народа. Они совершают три ритуальных обхода храма⁹⁴. С концом церемонии последние солнечные лучи падают на ярмарочную площадь. Теперь знаменосец выходит вслед за красными ламами из храма. Важно вышагивая, он несет в руках корыто с бело-снежной мукой. Он приближается к центру танцевального круга. Вокруг него собираются воины, которые окунают острия мечей в муку, которая является символом святого снега. Подобно молниям мечи взлетают вверх. Взлетает облако «снега». Оно как бы направляется вверх к Канченджанги. При этом над толпой проносится ликующий крик: «Ло-за-ло, боги победили!» Покрытый белой мукой знаменосец неспешно направляется назад, за ним следуют военные танцоры. Прежде чем вассалы великих божеств исчезают в храме, их мечи, шлемы и щиты успевают еще раз блеснуть на солнце. Военный танец богов закончен принесением великой жертвы.

Мы от всего сердца были благодарны, что смогли столкнуться с этим кусочком Средневековья, увидеть истинную Азию.

Но не только в Гангтоке, но почти во всех крупных населенных пунктах и монастырях Сиккима после окончания чудовищных муссонных дождей были проведены «чертовы танцы», целью которых было задобрить демонов гор, уничтожить зло и привлечь добрых духов. Если сиккимцы в целом все-таки пришли к соприкосновению с испорченной европейской цивилизацией, то все же они продолжают пребывать во власти своих древних традиций и преданий. В желтых, синих, красных, зеленых одеждах, сделанных из тяжелого старого китайского шелка, танцоры с мечами повсюду вытекают из мрачных храмов, чтобы в лучах заходящего солнца продолжить свое культовое торжество. Одишавшие реки перестают шуметь, леса на горных склонах вновь тянутся вверх, а где-то высоко встречаются блестящие вечно заснеженные горные вершины и синее гималайское небо.

ПРОРЫВ НА СЕВЕР

Непроходимые леса Сиккима, где природа этой горной области почти не тронута человеком, во много раз пестрее и фантастичнее ламаистских танцев. Они вызывают восхищение

во всем, с чем приходилось столкнуться. Из Гангтока, столицы Сиккима, расположенной в южной части страны, мы направляемся на север. Нашему каравану предстоит сделать несколько суточных переходов. И почти каждый день мы сталкиваемся с чудом. Вечером первого дня мы разбиваем лагерь в нижней части ущелья долины реки Тиста. Мы находимся где-то в 560 метрах над уровнем моря. Мокрые от прошедших дождей джунгли заполнены оглушительным стрекотом бесчисленных цикад. Мы пытаемся спастись от укусов малярийных комаров. Жужжа, они роятся вокруг нас, не давая возможности ни заснуть, ни закрыть глаза. Буквально за один день мы попали из типичных тропиков в субтропическую зону. Папоротники становятся заметно меньше, а мхи — значительно больше. Меняется сам характер растительного мира. Мы, конечно, могли ошибиться, но на третий день перехода на высоте в 2800 метров стали замечать первые признаки родной нам флоры и фауны. Внезапно исчезает вечнозеленая растительность. Нас окружают мрачноватые и обширные хвойные чащи. На краю дороги все чаще и чаще встречаются метровые ели, которые смогли приспособиться не только к местному климату, но и продувным ветрам. В небольших долинах, которые встречаются нам по пути, в невероятном количестве и разнообразии красок цветут примулы, цветы, которые мы привыкли считать домашними. Сердце не может нарадоваться. На высоте в 4000 метров мы жадно втягиваем воздух и грезим. Нам кажется, что сейчас наша северная Родина ближе, чем когда-либо раньше. Из-за резкого подъема у нас начинаются приступы горной болезни. На несколько дней мы должны остановиться на отдых. Вопреки всем трудностям, и несмотря вынужденную задержку, эта область палеарктических лесов, украшенная пестрыми цветами где-то в большей степени, где-то в меньшей, существенно поднимает нам настроение. Она позволяет нам предчувствовать, какие блистательные результаты исследований ждут нас впереди. Но нам не чужды и простые человеческие чувства. Мне гораздо ближе скалы гор и могущество высокогорий Тибета и Гималаев, нежели пестрое изобилие жарких тропических стран.

Мой дневник рассказывает о рывке на север.

Нелегкий подъем в горы

Горный лагерь под Тангу. 12 июля. 4500 метров над уровнем моря. Основные горные массивы Гималаев остались у нас за спиной на юге. Мы приближаемся к тибетской физико-географической области. Флора, фауна и человек принадлежат здесь непостижимому горному массиву, самому огромному высокогорью Земли, Тибету.

21 июня прошло ровно два месяца с тех пор, как мы, стоя на палубе парохода, помахали на прощание Европе. Сейчас наш караван, состоящий из полусотни нагруженных ящиками и чемоданами мулов — нашего главного приобретения в Гангтоке, направляется на север. Последний отзвук западной цивилизации — дворец любезного махараджи Сикжима — остался у нас за спиной. Теперь нам ничего не остается, как отращивать бороды.

Вовсю светит солнце, что после недель проливных дождей кажется чудом. Мы видим в этом доброе предзнаменование и с легким сердцем двигаемся на север, навстречу дикой горной природе. В ближайших долинах мы видим клубы синего тумана. В утренних лучах солнца виднеются одетые в тропическую шубку гребни отдельных скал.

Но погода радовала нас недолго. Вечером, когда мы достигли долины реки Тиста, которая глубоко разрезает горный массив, начался муссонный дождь. На этот раз он еще сильнее, чем прежде. Только когда над джунглями сгустились сумерки, дождь стал ослабевать. И тут же повсюду, на кустарнике, на опушке лесов, начали мерцать бесчисленные огоньки святого Эльма. Картина была фантастическая. Нас окружала целая армия тропических светлячков. Совершенно мистическая картина. Это ощущение усилило глухое уханье филина, которое донеслось из-за скалы. В то время, когда для нас уже наступила ночь, и, казалось бы, остальная природа тоже должна была заснуть, в мокрой от дождя тьме раздается резкий крик «муссонной птицы». Этот пронзительный, заставляющий застыть кровь звук является голосом тропической кукушки. Он настолько зловецкий, что мы просыпаемся и еще долго не можем заснуть. «Brain-Fever-Bird» (птица, воспаляющая мозг) — так зовут англичане эту ночную пичугу. Теперь я согласен, что они полностью правы. Наверное, этот полуночный звук должен раздаваться в ушах больного малярией, который мечется в бреду по кровати.

Бушующая Тиста, чья грязная коричневатая вода несется со скоростью 25 километров час, где-то разбивается на поворотах об уходящие в неба скалы, покрывая их грязной пеной, а где-то встает на дыбы, чтобы преодолеть завалы из обломков и мусора. Иногда раздается угрожающий грохот, который напоминает ужасную музыку ламаистских монастырей. Бурный горный поток вымывает из почвы и уносит с собой груды щебня, которые обтачивают и шлифуют некогда угловатые обломки скал, придавая им округлые формы. Эта неистовая река на несколько дней становится нашим провожатым. Иногда она шумит так, что невозможно разобрать свои собственные слова. Ее буруны норовят покрыть нас водными брызгами с ног до голов. Река неистова до самых низовий. Она сама прокладывает себе путь через скалы, бурля и вознося свою грозную песню к покрытым джунглями скалам. Это пьянящее и непередаваемое впечатление! Это переживание достигает своей высшей точки, когда мы добираемся до рискованных висячих мостов. Нагруженные животные одно за другим переходят с узкой тропинки на канат-

ную переправу, угрожающе качающуюся из стороны в сторону. Мулы испуганно шатаются на мосту. Когда они видят между гнилыми потрескивающими досками бурлящие потоки воды, их охватывает дикий страх.

Когда мы оказываемся вновь в джунглях, покрывающих зеленым ковром влажные скалы, то нас поглощает царство ползучих растений и плауна. Количество и разнообразие растущего здесь папоротника кажется невероятным. Самые мелкие из его видов могут достичь кроны деревьев. Некоторые виды, более напоминающие деревья, достигают высоты 15 метров. Такое ощущение, что мы перенеслись на миллионы лет назад в роскошные леса каменноугольного периода. Происхождение некоторых цветущих растений было и вовсе непонятно. Одни виды растений извивались, подобно змеям, по покрытым мхом стволам великанов, стремившихся куда-то в небо. Другие папоротники высотой в человеческий рост создавали непроходимые препятствия. В их зарослях можно было по пятнадцать минут искать подстреленную птицу, не найти ее, а в итоге обнаружить, что к твоим ногам присосалось с дюжину пиявок, которые уже напилась твоей крови. В один день эти гады поставили рекорд. Тот день принес мне не только множество редких птиц, но и 53 раны на правой ноге и 45 — на левой. Тропические пиявки присасывались не только лодыжкам, но даже к пяткам. Там, где кожа нетолстая, а подкожные ткани тоньше всего, эти мучители вгрызаются в плоть, подобно циркулярной пиле, и впрыскивают в кровь, чтобы та не сворачивалась, вызывающий весьма неприятные ощущения хирудинин. В итоге кровь струйками заливает носки и гетры, так что вечером их можно выжимать. Но наши босые проводники выглядят просто ужасно. Их лодыжки покрыты толстой кровавой коркой, которая уже приобрела черный цвет. Хорошо, хоть лошади и мулы не страдают от этих кровопийц! Их спасают копыта и толстая кожа, покрытая шерстью. Надо отметить, что у пиявок невероятно тонкое обоняние. Нередко я наблюдал, как не заходящий в чашу караван выманивал из джунглей жаждущих крови пиявок. Нередко дорога кишела этими похожими на шило червями. Поэтому караван было лучше собирать плотной группой. Только изредка мы имели возможность насладиться дурманящей голову природой.

*Бруно Бегер объясняет тибетцам,
как пользоваться фотокамерой*

Но только удавалось забыть о боли, как все начиналось заново. Стоило только однажды пролить кровь, как не помогала никакая защита. Если присосалась одна пиявка, то можно было быть уверенным, что вскоре прибудет целая армия этих мучителей.

Быстрое движение каравана или другие меры предосторожности мало помогают. Как только кровь станет пробиваться через шнуровку ботинок, то тут наступает момент, когда время от времени приходится разыскивать и отрывать самых толстых кровососущих гадов. Иногда помогали соль и банка табака. Гетры и специальные голенища могли бы предохранить от многих пиявок, но я нашел, что это была слишком тяжелая одежда для нашего пути, в котором мы должны были пополнять нашу коллекцию. Если ценой за добычу новых видов птиц была моя кровопотеря, то я смирился с ней. Я был готов заплатить эту цену. Однако я понял, что не смогу долго выдержать этого. К вечеру третьего дня эти мучители настолько истерзали меня, что мои ноги распухли и сильно болели. В итоге я был вынужден прибегнуть к услугам Бегера, «доктора сахиба». А Тиста только поднималась, так как каждую ночь шли проливные дожди. Появлявшееся каждый день на несколько минут солнце не успе-

Наведение переправы через горную речку

вало высушить джунгли, которые превращались в итоге в парилку.

Круглые сутки мы ехали верхом и видели только капающие серые облака. Реакции притупились. Фантастические виды девственных лесов стали привычной картиной. Единственной радостью после долгой регистрации научных находок и наблюдений, а также заполнения путевого дневника было забраться в спальный мешок. Около 5 часов вечера, за редким исключением, начинались «большие дожди», которые стихали только под утро. Но, на наше счастье, мы были удачливы. В этот сезон погода могла быть значительно хуже. В итоге мы достигаем места назначения прежде, чем небо снова разверзлось. Мы находимся в пути уже с неделю, с надеждой, что вскоре наш путь на север закончится. Мы больше не обращаем внимания ни на горы, ни на цветы, ни на великолепие природы. Мы чувствуем только удушье гор, которые взирают на нас своими пустыми глазами демонических расселин да кидают нам в

лицо холодные лохмотья тумана. Мы видим дождь, дождь и снова дождь.

Здесь, в Центральных Гималаях, при удалении от побережья почти в тысячу километров, царят такие муссоны, которые могли бы стать классическим примером в климатологии.

В Цунганге, где мы работаем несколько дней, проводим антропологические замеры, геофизические исследования, собираем и фотографируем, впервые показались голые горы. Для нас они едва ли не избавление.

Мы замечаем огромных бабочек «парусников» (Papilionidae), которые в густом тумане почти без взмахов крыльев перебираются с цветка на цветок. Эти гигантские бабочки, как таинственное видение, появляются в тумане и так же таинственно исчезают в нем. Мы надеемся, что в снежных горах будем чувствовать себя бодрее. А пока мы укрываемся от дождя в маленькой палатке. Мы находимся на речном полуострове. Со всех сторон шумит и клокочет река Сик Ким. Здесь она вливается в Тисту, чтобы дать рождение новой реке в далеких скалистых просторах. Оба бушующих речных родителя дают своему дитяти — реке Лачен — все силы, что есть в них.

Нам остается еще два этапа пути. Наш путь проходит по кромке скал между небом и землей. Если взглянуть вниз, то видно, как на глубине в сотню метров бушует и беснуется река. Пока мы следуем еще по непролазным джунглям. Но вскоре папоротниковый лес начинает редеть. В некоторых местах мы замечаем небольшие луга и полянки. Теперь флора и фауна больше напоминают альпийские.

Уставшие и потемневшие от загара и грязи, мы разбиваем лагерь под огромными хвойными деревьями неимоверного диаметра. Мы все отчетливее понимаем — мы приближаемся к Тибету.

Мы рвемся дальше, к Тангу, который располагается на высоте 4 тысячи метров. Первая часть каравана уже прибыла туда. Предстоят еще несколько дней пути. Четыре дня и четыре ночи в пути с юга на север нас сопровождает туман. Дождевые облака, плотной завесой скрывающие от нас вершины гор, грозят обрушиться новым ливнем. Там внизу, в Тистатале, почти непрерывно идут дожди. Из ночи в ночь дождемеры показывают, что выпадает от 17 до 33 миллиметров осадков.

*После смертельно опасных переходов.
Крик радости: «Мы победили горы!»*

Последнюю часть каравана в Тангу ведет Винерт. Но дальнейший путь может быть прерван обвалами и селевыми потоками. Целые глыбы срываются вниз, перегораживая нам дорогу. Нам приходится расчищать путь. Валуны с шумом летят вниз в расщелину, погружаясь в беспокойную реку. Винерт вынужден задержаться, так как караванщики отказываются идти дальше в дождливый ад. Опасность обвалов угрожает не только животным, но и людям. Шансы прорваться на север слишком малы. Носильщики, которые против того, чтобы продолжать путь, требуют огромных сумм. Казалось, начался всемирный потоп. Винерт решает на последний рывок. Даже если он опоздает на несколько дней, то он все равно достигнет цели. Мы уже начинали беспокоиться, когда, к нашей великой радости, вошел веселый бородатый парень. Это было форменное испытание для Винерта. Посреди селевых потоков, напоминающих лаву, и падающих глыб он стал прорваться вперед. Для него начался сущий ад. Внезапные обвалы, грохочущие глыбы, треск и грохот сопровождали его. Винерт скакал, бежал, падал, обдирая кожу, рисковал, но двигался вперед. Он верил в свою судьбу.

В Тангу ощущались перемены. Несмотря на туманы и холодный ветер с гор, они были приятными. Перемены произош-

ли в нас самих, ставшими людьми, которые не просто верят в свою победу, но могут смело смотреть в лицо горному миру. Перемены произошли и в природе. Она стала настолько прекрасной и возвышенной, что на нас вновь нахлынули чувства.

Когда в ущельях Сиккима между отвесными скалами раздавалось дикое звучание Тисты, то мы должны были быть предельно осторожны, пробираясь по джунглям. Мы всегда помнили о кобрах. В любой момент такая змея могла подняться из плотных тростниковых зарослей с распушенным капюшоном, готовая совершить свой смертоносный бросок. Я помню, как каждый вечер мы были вынуждены глотать атербин и плазмохинин, чтобы не заболеть малярией.

А здесь? Горы-великаны были полностью в цветах! Бабочки, которые порхают по воздуху над матовыми склонами. Эти горы были невыразимо красивы. Впрочем, муссоны еще не прошли. Каждый день плыли тяжелые дождевые облака, которые напоминали титанические воздуходувные меха. На южных склонах гор они поднимались ввысь, чтобы уплотниться и сквозь проемы долин устремиться дальше на север, где они должны были разбиться о Тибетское нагорье.

Мы опять в горах. Наше внимание привлекает королевская курица⁹⁵, которая, издав резкий крик, прячется за грудой камней. Нас окутывают холодные туманы, которые не редкость на горных хребтах. Но взгляд радуется. Сквозь них я вижу пламенный мяч солнца, который поднимается над морем тумана. Буквально миг, и все меняется. Ошметки тумана разлетаются в разные стороны. Солнце скользит по ожившим откосам. Оно пылает, чтобы позволить восхититься этим прекрасным моментом. В его свете видно, что склоны покрыты цветами, напоминающими альпийские розы, чей цвет колеблется от нежно-розового до насыщенно-пурпурного. Маленькие мохнатые листики цветов издают живительный аромат — запах Гималаев, благоухание тибетских Альп. Над ответной пропастью навис скальный выступ. Камни здесь синеватого цвета. Но хочется думать, что они почерпнули лазурь у неба. Здесь виднеются маленькие фиолетовые примулы, там — целый пучок серебристых звезд эдельвейса. Рядом растут цветы, похожие на колокольчики, а чуть дальше — желтые лапчатки и золотистые лютики. На вы-

соте в 5000 метров над уровнем моря кажется странным соседство столь великолепных цветов и холодных, безжизненных скал. Жизнь и смерть всегда шли рука об руку. Цветы используют короткое местное лето, чтобы распустить свои бутоны. Но морозы опять превратят эти края в голые скалистые отроги. Кажется, что эти цветы имеют свое скромное право на очарование, так как пристально смотрят в лицо смерти. Они отчаянно приживаются на бедной каменистой почве, будут плодоносить, распространять семена, до тех пока неожиданно нагрянувшая с севера пурга не прекратит их жизненный цикл. Цветы ищут своими корнями пропитание в щелях скальной породы. Но затем на три четверти год они уничтожаются холодами. Но настает час, и цветы вновь распускаются, повторяя из года в год великое колдовство природы. Дуновение ветра будит меня. Я больше не вижу цветов. Мой взор устремляется к горам, чтобы обозреть их в целом. Он скользит по отвесным стенам, высоким хребтам, ослепительным ледникам. Эти горы всегда зовут. Смелые и дерзкие люди, балансируя между жизнью и смертью, тешили свое честолюбие тем, что они смогут быть ближе к солнцу. Поднимаясь на вершину, они испытывали великий триумф, который сто́ит души маленького человека.

Сиккимские ледяные великаны придают этой стране магический ареол. Это горы, где восседают боги и господствуют духи. Но отнюдь не человек, который прячется в убогих жилищах в долине, чтобы влачить жалкое существование, полное покорности и суеверий. И все же эти горы остаются недоступными. Мне кажется, что божества возвели их так высоко только для того, чтобы сковать желание человека действовать и скрыть от него все удивительное, что было в состоянии появиться в этой стране.

Люди штурмуют этих гордых богатырей, но каждый раз возвращаются побежденными из мира льда, стремительно покидая эту страну, чтобы вновь вкусить благ цивилизации. Они не хотят смотреть ни направо, ни налево. У них только одна цель — штурмовать вершины мира. В Тангу мы повстречали участников английской экспедиции, которая хотела покорить Эверест. Мы любовались их жадной деятельностью, их ребячеством, их непреклонной жесткой волей. Мы восхищены идеей, рабами ко-

торой они являются, но которая при всем этом делает их нестигаемыми и заставляет их глаза светиться.

«Ло-за-ло! Ло-за-ло!» — «Боги победили. Боги победили!» — так звучат призывы доверчивых тибетцев, если они вступают на горные перевалы. Они поклоняются всевластию гор. Однако белые полагают, что победят именно они. Многие из них не видят святую волю Создателя, которая царит в этой оторванной от всего мира местности. Нашей же целью должны были стать исследования закулисья этой чудесной страны. Мы должны были собрать о ней новые сведения.

КИНООХОТА НА ГОЛУБОГО БАРАНА

О млекопитающих Сиккима известно очень мало. Их почти не описывали. Есть неизвестные биологические виды, чьи следы тянутся далеко в стороне от караванных троп, проходящих по горам Гималаев. А потому они представляют особый интерес. В самых недоступных и далеких районах, там, где горы упираются ледяными стенами прямо в небо, обитают голубые бараны — дикие животные голубого цвета, над которыми, кажется, взяли свое покровительство ведьмы тумана и облаков. Неведомые серо-голубые животные с белыми ногами. Идеальные животные, которые каждый день проявляют альпинистскую ловкость. Немолодые самцы живут отдельно, а потому на них очень трудно охотиться. Однако самки постоянно со своими детенышами. В течение дня они пасутся на «альпийских» лугах. Они могут умело прятаться на утесах и в расселинах, если надо ускользнуть от жаждущей крови стаи красных волков⁹⁶ или притаившего снежного леопарда.

Несколько недель мы шли по следу голубого барана. Высокотомер с изрядной регулярностью сообщал, что мы поднимались на 4600, а иногда и на 5500 метров. Над нами возвышается еще один великан — вершина Канченджау, чей «рост» составляет 6920 метров. Где-то под нами находится едва заметная серебряная петля — там внизу поет свою неистовую песню река Лачен. Я сижу на валуне и мечтаю. Внезапный громкий крик улара отрывает меня от фантазий. Я слышу хлопанье крыльев и протяж-

ный свист. Птица, быстрая как стрела, летит в сторону долины. Она свистит, и этот звук отражается от каменных стен. Когда мне казалось, что птица должна была врезаться в скалу и на такой скорости полета разбиться, она отклоняется, огибает скалу, ныряет вниз, где скрывается от моего взгляда в одной из трещин. Между местом, где исчезла птица, и местом, где мы отдыхаем, зияет глубокая долина, которая внезапно освободилась от власти тумана. Земля там усыпана желтыми первоцветами, склоны светятся розовыми бутонами еще каких-то цветов.

На голых глыбах мелькнуло что-то серебристое. Это растет широколистная соссурея. В этой долине очень много этого растения. Просматриваю через бинокль с восьмикратным увеличением всю долину. Я рассматриваю каждую глыбу, каждую нишу в скале, все перевалы, где могли бы спрятаться днем стада голубых баранов. Но все напрасно. Опять ничего нет. Иногда мне кажется, что я все-таки увидел раскидистые рога голубого барана. Но каждый раз это оказывается либо причудливая глыба, либо тень от каменных обломков. Порой мне снится, что где-то на перевале близ хвойного леса показалось стадо баранов, но на деле это оказывается не чем иным, как обросшими камнями, которые дурачат меня своим беспорядочным расположением.

Всем нам ясно, что надо решаться продолжать наши поиски на горных хребтах, расселинах, в лабиринтах гор и попадающим нам на пути горным долинах. Мы крадемся дальше осторожно, как горные кошки. За мной следует Краузе, который постоянно держит кинокамеру наизготове. Затем прибывает Мигма, верный помощник Краузе. Он приносит пленки, объективы, приспособления — одним словом, все то, что может потребоваться кинооператору, когда он хочет быть во всеоружии во время охоты за редким животным.

Сколько дней мы пребываем здесь, наверху? Сколько унылых часов мы провели здесь, в тумане? Нам это уже безразлично. Мы потеряли представление о времени. В своем фанатичном терпении мы стали похожи на азиатов. В нас сохранилась лишь энергия и воля к победе. И именно эти качества должны привести нас к успеху. Может быть, великолепные, робкие дикие бараны заключили союз с ведьмами тумана, которые скры-

Эрнст Шефер выслеживает голубых баранов

вают их среди камней, предупреждая о нашем приближении отрывистым свистом, который вновь и вновь звучит в наших ушах, как злая насмешка?

День и ночь мы блуждаем по туману, что портит нам настроение и фактически лишает сна. Час идет за часом. Мы уже больше не можем видеть бородатые усталые лица друг друга. Почти на каждом волоске висит капелька тумана, который стекает струйками по нашим загорелым физиономиям. Минута сменяет минуты. Наши нервы на пределе, но мы не теряем надежды. Мы лежим на голой скале и всматриваемся ввысь, пытаясь проникнуть за пелену тумана. Где-то там находится солнце. Сквозь клубы оно просвечивает в виде фееричной короны, составленной из нескольких кругов. Долгожданное, любимое, спасительное солнце. Но между ним и нами находится туман, который мы проклинали. Мы готовы его расстрелять, только чтобы испытать одно счастливое мгновение — когда сквозь него прорвется золотистый поток света. Мы стоим, мы сидим, мы лежим на горном лугу в небольших углублениях. Мы защищаем линзы и объективы от запотевания и влажного налета. Иногда мы протягиваем руки навстречу друг другу. Мы пытаемся увидеть тень, что означает приближение восхода солнца. Но каждый раз нас

ждет разочарование. Одно разочарование за другим. Наши глаза воспалены.

В какой-то момент мы доели последнюю плитку живительного шоколада, жалкие остатки раскрошенной булки и несколько кусочков виноградного сахара. Нас одолевает голод, мы замерзаем на ветру, а наши лица горят как огонь. Каждый шаг грозит нам катастрофой. Мы рискуем сорваться вниз. У Краузе настолько сильные головные боли, что он едва может двигаться, не говоря уже о том, чтобы преодолеть горные перевалы, за которыми находится наш лагерь. Волей-неволей мы должны идти в обход, для чего нам надо спуститься в долину. Эта идея возникает в воспаленных мозгах многих почти одновременно. Но для начала надо устроиться на ночевку в мокрой одежде в одной из горных пещер. Нам предстоит рискованный и непредсказуемый спуск по гладкому и скользкому склону. Нередко мы падаем. И чем дальше мы продвигаемся, тем сложнее получается идти вперед. Наверху, где рододендроны в полном своем великолепии еще цветут своими крупными бутонами, нам казалось, что все будет проще. Нам также казалось, что будет очень просто пересечь ручей в самой низине. Но мы вторично обманулись. Внизу мы попадаем в такие запутанные и колючие заросли, что через них не смог бы прорваться даже самый сильный такин⁹⁷. Кустарник переплетен тысячами ветвей. Мы чувствуем себя пещерными людьми, так как пытаемся протиснуться сквозь заросли. В большинстве случаев нам приходится ползти на животе. Поднимаемся, но затем снова падаем, чтобы протискиваться между гнилыми ветвями и осколками камней. Мы ползем, пыхтя как паровозы. Ползем метром за метром, теряя последние запасы энергии. Когда мы наконец-то добираемся до «ручья», то видим, что это речка, причем глубокая и бурная. Чаша из рододендронов закрыта от нас обрывистым берегом. Нам ничего не остается, как ползти дальше до тех пор, пока к вечеру мы все-таки не достигаем лагеря.

Теперь все осталось позади. Голод утолен, весело дымят курительные трубки, забыт тягостный труд, и после того как из рук и тела вытащены все занозы и шипы, мы вновь болтаемся и смеемся вплоть до самой ночи.

Ко всем этим внешним проблемам, которые нам создает окружающая нас природа, добавляются чисто физические различия между отдельными участниками экспедиции, сказывающиеся на результатах нелегкой киноохоты в горах. Для некоторых она оказывается нелегким испытанием. Один дышит медленнее, другой — быстрее. Один привык действовать быстро, а другой склонен к рассудительности и осмотрительности. Каждый из них по-своему прав. Каждый стремится добиться успеха. Более тяжелый предпочитает высокогорные ботинки, а более легкий, надевая обувь на толстой подошве, время от времени обрушивает камни в пропасть, что делает его беспричинно нервным. Впрочем, сами голубые бараны, приученные легко скакать по камням, каждый раз скрываются, когда кто-то ненароком нарушает их покой. И как быстро они скрываются! Как-то, потеряв самообладание, я проворно устремился вперед. Краузе хочет, чтобы я сбавил темп, я же настаиваю, чтобы сам Краузе двигался побыстрее. Один видит ландшафт в целом и выслеживает баранов, другой рассматривает каждый цветок, а если видит редкого шмеля, то все бараны Земли становятся ему безразличными. Он гоняется с сачком за мохнатым насекомым до тех пор, пока оно не выбьется из сил и не закончит свою жизнь в нашей коллекции.

Энтомолог Эрнст Краузе, который в экспедиции выполнял функции фотографа и кинооператора

Наш высокогорный лагерь разбит на границе лесов. Из маленьких палаток вверх поднимается синеватый дым. После проделанной работы в лагерном городке мы намереваемся заслуженно отдохнуть. Анг Бао, один из наших шерпасов, чье фирменное блюдо в промозглую погоду мы ставим на огонь, пытается навести порядок в нашей палатке. Лагерь Краузе раз-

Наш высокогорный лагерь разбит на границе лесов. Из маленьких палаток вверх поднимается синеватый дым. После проделанной работы в лагерном городке мы намереваемся заслуженно отдохнуть. Анг Бао, один из наших шерпасов, чье фирменное блюдо в промозглую погоду мы ставим на огонь, пытается навести порядок в нашей палатке. Лагерь Краузе раз-

бит несколько поодаль, несколько позади моего. Мой чемодан является одновременно и обеденным и письменным столом, складом патронов, подсвечником и еще много чем. Из другой полезной и универсальной мебели в моей палатке находится еще где-то двадцать различных предметов. Все они находятся вразброс, но все-таки каждый на своем месте. Только так можно быстро найти необходимые для жизни и продолжения исследований вещи: инструменты, камеры, винтовки, сачки, книги, продукты, патроны, фуляры, кипятильники и т.д. Пасанг — это наш повар. Он делает лапшу, всегда только одну лапшу. Он раскатывает ее, режет, варит и пристально следит за чистотой своих рук. Но его действительное умение заключается в том, что он в состоянии подать эту замечательную лапшу на стол горячей при любой погоде. Даже если идет проливной дождь и капли, падающие нам под ноги, говорят о том, что крыша нашего шатра прохудилась и начинает активно протекать.

Часами мы заполняем свои путевые дневники и зачитываем их друг другу. Это наше единственное развлечение, которое в определенной мере заменяет нам театр.

Затем часами мы беседуем о нашей жизни. Все истории напоминают нам, что у нас есть обязательства, что мы вопреки всему тому, что творится вокруг, все же правильные люди.

Мы поём и потешаемся над нашими физиономиями, которые с каждым днем становятся все более отвратительными. Мы составляем планы на будущее. Мы проклинаем дождливую погоду, надеемся на солнце. И постоянно выглядываем наружу, чтобы посмотреть, не начала ли рассеиваться сплошная стена тумана. В итоге некоторые из дней мы проводим, забравшись поглубже в спальные мешки. И тут я прихожу к выводу, что резиновые надувные матрасы являются идеальными для того, чтобы спать на каменистой почве.

Знаешь ли ты что-нибудь о сверкающих и слегка голубоватых, ледяных горных перевалах? Завораживал ли тебя когда-нибудь синеватый блеск ледников, когда висячие снежные карнизы отражаются в сине-зеленых озерах, когда толстые шмели, бурча, перелетают с розового бутона одного цветка на другой, когда мотыльки своими крылышками купаются в нахлынувшем горном свете, когда солнце освещает весь райски лучащийся мир

гор, а ледяные дворцы упираются прямо в небо? Такой день нам был дарован после длившейся неделями утомительной работы, после многих напрасных попыток найти голубых баранов и мучительных часов тщетного ожидания успеха. Такой день, который позволил сложить все собранные нами фрагменты в нечто цельное.

Бегер и Винерт проводили свои изыскания где-то недалеко от нашего постоянного лагеря в Гайоканге. Наш кинооператор Краузе, комендант по лагерю, мой приятель из числа шерпасов Пенси и я направились в горы, поднимаясь все выше и выше. Наши сердца ликовали. Горные галки купали свое блестящее оперение в лучах восходящего солнца, долины словно встрепенулись. Пара ворбнов, которая сопровождает нас некоторое время, кувыркаются в воздухе. Иногда эти большие черные птицы издают мелодичный звук, более напоминающий глухой удар в гонг.

А мы все поднимаем и поднимаемся. Позади нас остается ледниковое озеро, которое теперь больше напоминает круглое зеркальце. Задыхаясь, мы преодолеваем перевал и продолжаем искать и вновь искать. Солнце уже давно миновало свой зенит и медленно склонялось на запад. От усталости мы стискивали зубы, но не видели никаких баранов. Да, настал день, по которому мы так долго тосковали, но наши действующие лица — голубые бараны, загадочные бараны — так и не появились. Зеленеющие долины, которые являются идеальными для того, чтобы снимать со стороны вечных снегов пасущихся там баранов, пребывают в величественном безмолвии. Там есть всё — нет только голубых баранов.

Я продвигался вперед, не отрывая бинокля от глаз. Мы разменивали километр за километром. В глазах начинает рябить. Проклиная все на свете, я ложусь на спину и глубоко втягиваю воздух. Ветер обдувает меня. Я собираюсь мыслями и встаю. В полевой бинокль уже привычно обыскиваю все окрестности. Где-то на расстоянии в 2—3 километра на каменных стенах я замечают светлое пятно, затем еще и еще. Пятна быстро двигаются, и я уже могу различить у них характерные широко раскинутые рога. Я не мог поверить в свою удачу. Это были двенадцать зрелых, спокойно пасущихся голубых баранов.

Я соскальзываю со склона и устремляюсь назад к моим спутникам. Каждый нерв напряжен. Откуда ни возьмись, появились силы. Краузе, Краузе, ты где? Нам представился долгожданный шанс! Почти вприпрыжку я бегу по каменистому склону. Я вижу Геера. Я машу ему, и он понимает все без слов. Через несколько минут мы уже обсуждаем план действий. Лицо Краузе почти ничего не выражает. Он проверяет еще раз камеру и объективы. Он напряженно, словно окаменев, всматривается вперед. Только ветер развеивает его длинные волосы. Мы устремляемся к заветному месту. Перескакиваем, бежим, приближаясь к нему все ближе и ближе.

На этот раз все должно получиться. Мы укрываемся за огромным валуном. Один за другим, проверяя ветер, чтобы не идти по нему, мы выскальзываем из-за скалы. Поднимая голову, мы замираем в изумлении. В каких-то 200 метрах от нас пасутся двенадцать великолепных голубых баранов, каждый из которых увенчан огромными рогами. Время от времени один из них закидывает голову вверх, чтобы жадно вдохнуть горный воздух и напряженно бить землю своими почти железными передними копытами. В итоге животное обзрывает все в округе. Мы предельно осторожны, так что бараны не видят ничего подозрительного. Нам удастся подкрасться к нам на расстояние в 40—50 метров. Вот оно, долгожданное мгновение!

В напряженном ожидании мы продолжаем лежать. Тем временем дикие горные животные выходят на солнце. Оказавшись на фоне ленты молочно-белых облаков, дикие животные смотрятся очень эффектно. Я с надеждой смотрю на Краузе. Теперь все зависит только от него! Его правый палец лежит на кнопке кинокамеры, но Краузе выжидает. Наконец я чуть не закричал от радости. Кинокамера зажужжала, поймав в кадр целую дюжину этих загадочных животных. Было запечатлено все: как они пасутся, как двигаются, как убегают, почувствовав опасность, как виртуозно скачут почти по отвесным скалам, пока наконец не превращаются в маленькие точки где-то на горизонте, окончательно скрывшись за горным перевалом.

Наконец мы можем дать волю своим чувствам. Смеется Краузе, смеется Геер, смеется даже Пенси — все радуются. Это наше избавление. В трехнедельном противостоянии с горами мы все-таки одержали победу.

На обратном пути к лагерю нас накрывает невероятной силы ливень. Ледяной ветер бьет нам в лицо. Мгновенно мы промокли до нитки. Что сейчас можно надеть на себя? Неужели божеества гор снова рассердились на нас? Но мы добились того, чего хотели.

БОЛЬШОЕ РЕШЕНИЕ

Прежде чем я расскажу о нашем первом проникновении в Тибет, хотелось бы поведать о его географическом положении, структуре его гор, которые являются самой большой горной системой на нашей Земле. Некими штрихами хотелось бы еще проинформировать о взаимосвязи ландшафта, растений, животных и человека. Если я говорю о Тибете, то подразумеваю под ним огромное высокогорье в Центральной Азии, чья высота в среднем составляет 4 тысячи метров над уровнем моря. При этом безразлично, относятся ли эти области в политическом отношении к Сиккиму, Бутану, Китаю, Непалу или Кашмиру, для меня это все равно Тибет. Это — удаленный малоисследованный горный регион, который простирается между горными цепями Гималаев на юге и Кунь-Лунем на севере. Ландшафт здесь определяется обширными степями и бороздами долин, которые пролегают в горах. Хотя обветренные плоско-волнистые гигантские горы Тибета определенно имеют древнее геологическое происхождение, но сама основа тибетского высокогорья относительно молода. Она возникла в недалеком геологическом прошлом во время третичного вздымания Гималаев. Многие из протяженных горных складок, которые в основном тянутся с востока на запад, а в областях Восточного Тибета в северо-западном и юго-восточном направлениях, можно рассматривать как геологическую волну, которая в свое время пошла из Гималаев. В данном случае нас интересует тот факт, что район Тибета возвысился как огромное плато, что привело к его полной изоляции от внешнего мира. С биологической точки зрения этот регион занимает совершенно особое положение, междисциплинарное исследование которого имеет очень большое значение для всей науки. Тибет с его высокогорным ландшафтом — это не толь-

ко область, где сохранился во многом архаичный уклад жизни, но и место вероятного возникновения целого ряда видов растений и животных, которые впоследствии значительно расширили своей ареал обитания. Но некоторые животные, которых мы не напрасно характеризуем как «живые ископаемые», смогли сохраниться до наших дней только в границах тибетского высокогорья. При биологическом рассмотрении Тибета можно обнаружить, что эта горная страна при продвижении на юг делится на три принципиально отличных друг от друга района. Самый северный из них, так называемый «Янг-танг», в силу своего пустынного характера и плохого климата слабо населен людьми. Там живут бесчисленные стада могучих яков, огромных диких буйволов, которые придают этому негостеприимному району неподражаемый шарм. Чуть далее на юг пролегает широкая степная переходная зона, которая населена кочующими полудикими племенами, промышляющими разбоем. Третья, самая южная часть Тибета, к которой с самого начала экспедиции мы и устремились, может быть обозначена как зона горного земледелия. Здесь имеется достаточное количество речушек, которые делают возможным возведение системы искусственного орошения. Летом же здесь выпадет достаточное количество осадков, что в свою очередь позволяет разводить многие зерновые культуры, характерные только для данной таинственной страны. Почти половина тибетского населения, которое составляет около 2 миллионов человек, проживает именно в данном районе. Но и здесь, подобно более северным районам, сказывается недостаток воды.

Большие перепады между горами и долинами Южного Тибета предполагают более выгодные условия для жизни человека, нежели север, который очень беден с точки зрения растительности. Если говорить о расовом образе тибетцев, то он не является единым. Это подтверждает гипотезу о том, что на формирование местного населения оказывалось как индоарийское, так и переднеазиатское влияние. Внешний облик некоторых племен прекрасно это подтверждает. Особое внимание на себя обращает тот факт, что данные племенные различия очень сильно сказываются на культурной и духовной жизни тибетцев. Все тибетцы — буддисты, которые принадлежат к север-

ной школе — Махаяна. Ранее уже упоминалось, что высокоэтическое учение Будды здесь смешалось с анимизмом проторелигиозных представлений тибетцев. Это смешение было настолько сильным, что первоначальный буддизм был нанизан на древнейшие природные культы. Мы называем этот трансформированный буддизм, по названию монахов, ламаизмом. Сам ламаизм распадается на множество сект и течений. О двух самых массовых и важных мы уже рассказывали выше.

Август 1938 года. Лагерь Гайоканг. 4600 метров над уровнем моря.

Мы прорвались с юга на север Гималаев. Вопреки всем трудностям создана целая сеть геомагнитных станций, исследованы и описаны странные племена и народности, постоянно пополняется наша биологическая коллекция, отсняты тысячи метров киноплёнки, что должно после нашего возвращения стать наглядным подтверждением нашей воли к победе и нашего творчества.

Мы объехали весь Сикким. Внизу долины буквально заливало днями и ночами напролет. Дожди, дожди и еще раз дожди! Непрерывный муссон гнал опустошительные водные массы, которые превращали небольшие ручейки в урчащие чудовища, отрывал от скал огромные глыбы и швырял их в глубину рек, перегораживал узкие дороги широкими потоками селя и выгонял, словно по взмаху волшебной палочки, из непролазных, душных джунглей миллионы кровожадных пиявок. Во время путешествия по джунглям мы утомились от дикой вечнозеленой растительности. Я радовался, когда наступил конец этому этапу путешествия, но мои товарищи опасались, как бы нас не ждали еще худшие приключения впереди. В любом случае, мы сделали очень многое, к тому же даже в самых отчаянных ситуациях мы не теряли чувства юмора.

Когда мы достигли высоты в 4 тысячи метров над уровнем моря, то нам приходилось долго акклиматизироваться в лагере в Гангу. Тогда нашими спутниками стали густые туманы и промокшая от влаги одежда. Муссон никак не хотел отступать! Кажется, все боги и демоны, подчиненные кровожадному Махакале и могущественнейшему Канченджанги, поклялись закрыть

нам путь в божественную страну. Между тем на юге цепь уходящих под самое небо гор превратилась в ледяные капельки. Нечистые духи и демоны должны были рано или поздно успокоиться! Теперь над нами солнечный свет. Даже если во второй половине дня из небесных мехов выливается дождь, то мы все равно понимаем, что мы достигли физико-географической зоны Тибета, с его засушливым континентальным климатом. Перед нами на севере, где-то далеко, виднеется растворяющаяся в небе полоска тибетского высокогорья. Она простирается от края до края горизонта и кажется нам бесконечной. Вечером начинают дуть холодные ветра, и последние солнечные лучи вспыхивают пастельными красками на пустынных просторах. Ночью температура падает, и наутро степь предстает нам играющей в лучах восходящего солнца отблесками тысяч замерзших кристалликов. Мы провели здесь несколько недель. Осуществляя научные исследования, мы добились неплохих результатов, что доставляло нам даже большую радость, чем условия, приспособленные для жизни человека.

В этой героической среде обитания можно обнаружить многих диких тибетских животных: огромных архаров; стремительных газелей, которые срываются с места подобно серебряной стреле, если чувствуют приближение охотника; диких тибетских лошадей кианов, чьи великолепные жеребцы начинают нервно бить копытом, если предчувствуют опасность. Сколько часов я посвятил этим животным, обитающим на «крыше мира»? Высоко наверху в Янгтанге находятся истоки рек Янцзы, Янлунг. Теперь мы находимся на землях нголоков, которые, несмотря на свою внешнюю отрешенность, не уступают упоминавшимся мною районам ни по дикости, ни по своему колдовскому очарованию. Когда я был один, то ко мне из раза в раз возвращалась старая степная мелодия:

*Они гордые, эти дикие лошади,
Неутомимо топчущие «крышу мира».*

Здесь мы подходим к границам Тибета. Это — страна нашей сокровенной мечты. Там, выше, лежат пограничные горные хребты. Здесь нет ни пограничников, ни барьеров, ни таможни,

ни шлагбаумов, только молитва на каменном изваянии, воздвигнутом когда-то, сотни лет назад. Именно оно и делит эти земли между двумя государствами: территориями нашего друга и покровителя махараджи Сиккима и землями Бога в человеческом обличии. Я обещал вице-королю Индии, а также министру иностранных дел британской Индии и политическому офицеру в Гангтоке, что не буду пересекать границу с Тибетом. Точнее, не буду пересекать ее, не имея на это «официального разрешения». Я, как немец, не был намерен изменять своему слову. Но никто не объяснил мне, что такое «официальное разрешение».

Ночью, когда свет луны падает на крышу нашего шатра, заливая его призрачным сиянием, когда крики диких гусей не дают мне заснуть, я размышляю над этой проблемой. В действительности мы все думаем об этом. Но с днями проходит наше опьянение от прошлых успехов, а решение так и не найдено.

Однако судьба была к нам благосклонна. Наше решение явилось едва ли не как гром среди ясно тибетского неба, как «Deus ex machina» («Бог из машины») в человеческом обличии. Все, что будет описано ниже, произошло в очень красивый день. Заканчивалось лето. Каждый занимался привычной ему работой. В лагере царил покойствие, а далекие горные ледники ослепительно сияли. Я, как орнитолог, возвращался с ближайших болот и предвкушал радость чашки горячего чая. Но, не успев достигнуть наших палаток, я вижу, что мне встречу бежит Геер, наш практичный и покладистый «шторесахиб». Он шепчет мне на ухо, что у нас в лагере находится очень высокопоставленный тибетец, министр влиятельного короля Таринга,

Бруно Бегер оказывает медицинскую помощь тибетцам

что наш антрополог Бегер оказывает ему медицинскую помощь. В моей голове тут же созрел план.

Речь шла об «официальном разрешении». Мне было безразлично, как дикому яку зимняя пурга, будет ли оно получено от английской стороны или от тибетской. Итак, вперед! В то время как Бегер занят тибетским аристократом, я при помощи Гера, Краузе и Винерта готовлю свою палатку к официальному визиту, для этого в ней раскладываются различные инструменты, которые должны были произвести впечатление. Я суматошно ищу хотя бы пару подходящих друг другу гетр, чтобы достойно представлять экспедицию. После того как все готово, на стол, который на самом деле является экспедиционным кофром, водружаются кинокамеры, полевые бинокли, высотомеры, объективы, чашки с горячим чаем и коробка с печеньем. В палатке имеется несколько стульев. Я накидываю на один из них свой надувной матрас, что по тибетскому обычаю должно было стать почетным местом для «большого человека». Подготовка закончена, занавес поднят, представление начинается.

Эта история не была бы полной и нуждалась бы в дополнениях, если бы я не рассказал о некоторых подробностях моего пребывания в Калькутте. Во-первых, я там должен был изображать само «смирение и покорность». Во-вторых, мне в письменной форме ответили, что правительство в Лондоне отклонило мою просьбу на выдачу разрешения для въезда в Тибет. Это мотивировалось тем, что тибетское правительство не желало нашего визита. То есть мне отказывали в «официальном разрешении». Но намекнули как бы между прочим, что для прохода в горную страну не имело значения, какая сторона выдавала разрешение. Между тем Бегера проинформировали, чтобы он привел ко мне в палатку слегка удивленного тибетского вельможу. За стол водрузились все сахибы, и начался разговор. Поначалу это был обмен дежурными фразами вежливости, который каждая из сторон пыталась использовать для того, чтобы выяснить истинные намерения друг друга. За чаем и печеньем мы перешли к цели визита тибетского министра. Он от нас не хочет ничего, за исключением овощей, которые он доставит своему повелителю. К счастью, он не подозревает, что я хочу от него много больше. Наше представление идет бесподобно. Мы посылаем

королю желаемые им овощи, в том числе 80 фунтов картофеля и других продуктов, в Тибете ценятся как изысканные деликатесы. В итоге министру удастся все сложнее и сложнее скрывать под маской непреклонного азиатского вельможи свое радостное возбуждение.

Я считаю, что настал нужный момент, и обрушиваю на министра, через своего непальского переводчика Кайзера Бахадура Тапу, целый ливень вежливых просьб и вопросов. При чем каждый из этих выстрелов я сопровождаю своим искренним и глубоким почтением к Тибету, тибетцами, Далай-ламе и Панчен-ламе. В итоге министр не выдержал такого натиска. Он обещал, что попробует добиться у короля разрешения на въезд в Тибет. Чтобы подстраховаться, на следующий день мы решили устроить почтенный прием в честь министра, который на этот раз ушел без особых подарков, которые мы должны были вручить завтра. Причем, чтобы заинтересовать его, мы подчеркнули, что несколько подарков полагаются лично ему.

Подарки для короля, королевы, принцессы и господина министра стали готовить буквально сразу же. Каждый жертвует тем, чем может: овощами, шоколадом, печеньем, соевыми булочками, сахаром, рисом, медикаментами, и другими жизненно необходимыми вещами. Мы отдаем все, в чем сами очень нуждались: кожаные перчатки, шерстяные рукавицы и носки, единственное оставшееся белым полотенце, мыло, которое мы почти не используем, так как оно пахнет цивилизацией, резиновые сапоги и вельветовые гетры. В подарках оказывается даже наш туристический несессер, в котором недостающие бутылочки и предметы заменяются медицинскими коробочками. Верхом аристократизма среди подарков выглядел тюбик крема «Ни-

*Переводчик
Кайзер Бахадур Тапа*

весь». Короче, собранная коллекция должна была вызвать зависть любого модника. Я же пополнил ее воистину королевским пожертвованием — надувными резиновыми матрасом и подушкой. Когда подарки упакованы, мы горды собой. Для нас, достаточно странных людей, не так уж часто настают мгновения в жизни, когда мы полностью довольны. Полное удовлетворение испытываю не только я, но и все мои товарищи. В тот памятный вечер, сидя между палатками и взирая на Канченджанги, я раскурил толстую, хотя и слегка заплесневевшую сигару. У всех отличное настроение. Когда становится почти совсем темно, я собираюсь с мыслями и решаю написать письмо королю Тарингу. Я направляюсь в большой шатер, который мы в шутку называем «немецкой залой», и диктую Кайзеру Бахадуру Тапе:

«Лагерь Гайоканг. Северный Сикким.

Ваше Величество, сегодня мы имели честь в нашем лагере принимать министра Вашего Величества Нгерпа Чанхла. Мы выражаем искреннюю радость, что нас поддерживают самыми различными вещами чудесной тибетской страны, которая с давних пор является предметом нашего повышенного интереса и моего личного восхищения. Я ценю те возможности, которые выпали мне в предыдущие годы, чтобы путешествовать по восточнотибетской провинции Хан, где я посетил такие крупные монастыри, как Батанг, Дерчже, Канцзе, Сешу, Дзогчен и Чжекундо. Мне также выпала великая честь считать умершего Панчен-ламу своим личным другом. Благодаря этой благословенной дружбе, его святейшество выдал мне паспорт, позволявший посещать владения князей Восточного Тибета. Но во время этой поездки из-за китайско-японского конфликта я не мог въехать в "страну великих ледников" через восточные провинции. С другой стороны, британско-индийское правительство было настолько любезно, что выдало мне разрешение на посещение Северного Сиккима, где я пребываю и в настоящий момент. В действительности мы, как участники немецкой экспедиции, были бы безмерно рады, если бы смогли лично выразить почтение и признательность нашей стране Его Величеству, тибетскому правительству и тибетскому народу. В этой связи я осмеливаюсь покорнейше просить Вас выдать нам благосклонное разрешение на продолжение путешествия в стране веч-

ных снегов и великих ледников. Для меня было бы великой честью и наградой, если бы Ваше Величество было готово дать мне аудиенцию. И я был бы также безмерно благодарен, если бы Ваше Величество смогло сообщить о целях, планах и добрых намерениях нашей экспедиции Высочайшему правительству Лхасы. Мы были бы безгранично рады, если бы смогли в качестве гостей Тибета посетить эту великолепную страну и ее священную столицу Лхасу, как первые представители своего народа. Это письмо будет передано Вашему Величеству нашим первым переводчиком. Одновременно с этим я позволяю себе преподнести Вашему Величеству несколько скромных подарков, которые я прошу принять как знак нашего почтения и уважения к Вашему Величеству, а также к Тибету и тибетскому народу в целом.

С почтением к Вашему Величеству Эрнст Шефер».

К нашему великому стыду, надо признать, что когда утром в половине седьмого министр вновь появился у нас, то мы еще спали. Это произошло отнюдь не из невежливости, а потому, что накануне мы действительно очень устали. После прошедшего длинного вечера я спал как никогда крепко. Мои мысли уже не крутились вокруг «официального разрешения», что само по себе было очень хорошим знаком.

Когда мы сидим при солнечном свете за завтраком, то подмигиваем друг другу. Работа на время отложена. Для короля и министра собрано два мешка подарков, которые водружены на мулов. Когда мы прощаемся с нашим переводчиком, то я, пожимая ему руку, шепчу на ухо, что он должен правильно воспользоваться представившимся нам шансом. Я даю ему недвусмысленно понять, что в случае удачи его ожидает повышение денежного содержания. Министр и Кайзер Бахадур Тапа садятся верхом и вскоре исчезают из нашего поля зрения.

Следующие дни проходят в привычной, казалось бы, для нас работе. Но мы ждем с нетерпением решения.

Краузе и я высоко в горах, под одной из каменных глыб, соорудили себе идеальное убежище, чтобы снимать на фоне огромного ледника золотистых ягнятников и огромных белых гималайских коршунов. Под конец дня с проклятиями вылезаем из нашей тюрьмы, куда мы себя сами заточили на много

*Кайзер Бахадур Тапа договаривается
с воинственными странниками из Восточного Тибета*

часов, отряхиваемся и видим Мингму, одного из помощников Краузе.

Мингма приносит весть: Кайзер Бахадур Тапа только что вернулся от короля Таринга. Из суеверия, во власти которых мы оказались в окружении этих детей природы, я позволил спуститься со скалы только моему приятелю. Он уговаривает меня пойти с ним вниз. Но я направляюсь собственным путем, чтобы прихватить для своей коллекции еще несколько небольших птичек. Только когда стало смеркаться, а промозглая погода сменилась мокрыми снегом, который шел вперемешку с градом и дождем, я, преисполненный тревог и ожиданий, гордо спускаюсь в лагерь и позволяю Кайзеру Бахадру Тапе доложить мне новости.

Он доставил мне от короля большой мешок жирного, но очень вкусного валяного мяса. Все мои приятели собираются вокруг виновника торжества, грызут сухое мясо и внимательно слушают рассказ нашего смелого переводчика, который после трудной поездки был хорошо принят у короля. Его превосходно угощали. В конце рассказа он торжественно достает письмо, написанное собственноручно королем, которое в знак глибо-

кого уважения завернуто в белый шелковый шарф, так называемый «хадак». После этого наш переводчик начинает читать. В письме, написанном тибетскими буквами, говорится, что Его Величество остался доволен подарками и на три дня настойчиво приглашает нас в свою летнюю резиденцию в Доптру. Король просил сообщить предварительно о дате нашего прибытия, так как должна быть проведена подготовка. А также должны были быть урегулированы все вопросы с нашими въездными документами. Ответ на приглашение мы должны были дать желательно в максимально короткие сроки, если возможно, в десять дней, так как Его Величество собирался на паломничество в один из крупных монастырей. Наша радость не знала границ. Мы получили «официальное разрешение». Тибет был для нас открыт. При этом не было никакой необходимости ставить в известность о данной лазейке ни вице-короля Индии, ни британско-индийское правительство. Я воздерживаюсь сообщать об этом даже нашему генеральному консулу, так как он заранее предупредил меня, что Тибет не входит в сферу его компетенции.

Несмотря на то что король пригласил к себе всех пятерых участников экспедиции, визит мы решили нанести вдвоем, чтобы на всякий случай заранее не вызывать подозрений у англичан. Теперь все зависело от того, насколько нам удастся воспользоваться приглашением, чтобы не прослыть в глазах короля бестактными или невежливыми. Дабы добиться своих целей, мне показалось логичным придерживаться золотой дипломатической середины. Не могу не отдать должное моим замечательным товарищам: они, видя необходимость для меня этого визита, сами от него отказались. Было решено: в Доптру я отправлюсь один, чтобы, во-первых, выразить наше почтение королю, а во-вторых, чтобы вести переговоры о нашем посещении Лхасы. Только продолжение нашего путешествия стоит того, чтобы пуститься в этот рискованную поездку. Из-за недостатка времени в выборе своего спутника я отдаю предпочтение Краузе, фотографическое мастерство и кинематографическое умение коего мы оцениваем как самые важные навыки, могущие быть ценным дополнением к переговорам, которые предстоит вести лично мне. Визит к королю Тарингу должен был стать нашим триумфом. И он станет нашим большим успехом.

Пока мы собираемся в путь, Геер направляется в двухнедельную поездку, чтобы пополнить наши припасы, а Бегер и Винерт решают основательно исследовать все районы Северо-Восточного Сиккима⁹⁸. Но получалось, что главный лагерь некоторое время оставался пустым и всеми покинутым, что могло вызвать ощущение сбежавшей экспедиции. Впрочем, утром второго дня наш маленький караван, окутанный плотным туманом, начинает свой путь на север. Мы едем по диким и почти пустынным просторам, преодолеваем два горных перевала, каждый высотой по 5000 метров. Мы одни в этой высокогорной степи. Радуют глаз пастельные краски этих бескрайних далей. Где-то далеко на севере, над блестящими горами, тянутся вереницы облаков. Кажется, что мы попали в совершенно другой мир, где законы мира земного не имеют никакой силы. Все это напоминает лунный ландшафт. Такие же странные формы, непостижимые в своих гигантских размерах. Я не нахожу слов, чтобы выразить свое настроение. Поэтому мы едем верхом и молчим.

Под нашими ногами находится «крыша мира». Здесь зловеще-тихо и таинственно-торжественно. Но какая-то магическая сила тянет нас, старается, чтобы мы продолжили свое путешествие. Чем длиннее становятся тени от гор, тем удивительнее делается игра тени и света. Здесь не видно ярких цветов, которые бы, наверное, соответствовали этому ландшафту столь же мало, как и порывы теплого ветерка. Ветер, который свистит здесь, холодный и пронзительный. Только яркие лучи солнца еще в состоянии поддерживать тут какую-то жизнь. Но воздух остается здесь холодным даже в самый разгар лета. Цвета этих краев тяжелые, приглушенные, начиная от фиолетового неба и заканчивая красно-коричневыми скалами, серо-зеленой зеленью и охряными полутонами вечерних пейзажей, которые прекрасно передают мягкое и все же грустно-печальное настроение западного неба.

Настоящее лето никогда не наступает на этой земле. Этот ландшафт странных контрастов можно постичь только в движении. Здесь все изменяется, все перетекает во что-то. Так и длящееся здесь два-три месяца лето стоит посередине между зимой с ее арктическими морозами и ледяными штормами, сходящими с гор, которые здесь читаются весной. Что сейчас? Весна или осень? А может быть, зима? Или все-таки лето? Тибет почти все-

гда одинаков. И только биологу под силу увидеть сезонные различия. Горная страна остается горной страной. Здесь весна — как осень. Здесь нет того очаровательно колдовства, которое на наших широтах сопровождает смену времен года, заставляющую людей то веселиться, то грустить, то тянет к романтике, то заставляет мыслить о судьбах мира. Тибет почти не меняется, он такой же, как и всегда. Но только здесь можно понять непостижимую силу природы, которая иногда дарует маленькие прелести, которые греют душу человек и радуют его сердце. Здешняя природа формирует своего человека, она строит его тело и вырабатывает его характер. Тибет такой огромный и могучий, как и большой океан. Однообразный, непостижимый, фантастический и дикий. Это страна для людей, которые хотят испытать свою судьбу.

Незаметно сгущаются сумерки. На севере бледно-свинцовый свет, который льется между темными чудищами облаков и ярко сверкающими серебряными шпилями горных вершин. Небо за нами на юге светится каким-то нереальным желто-зеленым блеском. Мы никогда его не видели таким, а потому это поражает. Это не нежная вечерняя заря родного северного неба, и не горящие пурпуром закаты южных широт. Это небо ледяных Гималаев, самой большой крепости на нашей планете. Я не могу оторвать глаз от небосвода. Я впитываю в себя воздух этих редких небесных расцветок. Я чувствую, как в душе начинают реветь лавины, выть ветра и вздрагивать горные великаны. Эти цвета зловещи, невероятно мощны и стихийны. При взгляде на них чувствуется мороз и холод. Эти цвета — символ жизни в данных краях.

Мы должны двигаться дальше, чтобы достигнуть Гиру, прежде чем совершенно стемнеет. Огромная равнина раскидывается перед нами на множество миль. Сложно сказать, где мы и сколько проехали, пока прямо перед нами совершенно неожиданно не возникает долина с изъеденными эрозией террасами скал. Мы оказываемся перед домами первого тибетского населенного пункта. Сотни разноцветных флажков с молитвами колышутся на вечернем ветру. Уже в сумерках мы разбираем палатку. Мы закрываемся в ней вместе с туземцами, которые поят нас «джо» — кислым молоком.

На следующие день мы много снимаем на камеру. К вечеру мы достигаем крепости Кампа-Дзонг — строения, которое резко возвышается на фоне тусклого неба.

Здесь нас дожидается Кайзер Бахадур Тапа, которого мы выслали вперед, чтобы он предупредил о нашем прибытии короля. Кайзер Бахадур Тапа ехал верхом два дня и две ночи, но выполнил порученное ему задание просто идеально. Но здесь нас ожидает и плохая новость. Генерал и губернатор провинции Кампа-Дзонг намерены отказать нам в продолжении поездки. Он не готов выдать нам разрешение на посещение Доптры, несмотря на то, что переводчик вручил им щедрые подарки.

Хотя тот факт, что подарки были приняты, не лишает нас надежды. Пока наши туземцы разбивали палатку, мы совершили первый осмотр местности. У палатки собралось множество любопытных. Мы сидели на спальных мешках, когда появился генерал и гражданский губернатор Кампа-Дзонга, который является ламой. Слуги ламы тут же ставят перед нами муку Чамбы⁹⁹, вяленое мясо и яйца. Мы вскакиваем и низко кланяемся, пожимаем руки знатным тибетцам, — один словом ведем себя так, как будто бы мы старые друзья. Тибетцы во многом наивны и очень восприимчивы к подобным проявлениям дружбы. Их очень легко захватить врасплох, демонстрируя свою расположенность.

Без каких-либо промедлений оба эти правителя садятся рядом с нами на надувные матрасы и как дети начинают играть вентилями надувных подушек. Пока мы жуем мясо, они курят сигареты. Они являются самым радушием. По понятным причинам во время нашей первой беседы я вообще не упоминаю о продолжении нашей поездки в Доптру. Это очень щекотливый момент. А пока для серьезных опасений нет никаких поводов. Пока тибетцы настроены весьма дружелюбно. Когда мы прощаемся, то они приглашают нас в свою совместную резиденцию¹⁰⁰, на ночной обед (в дословном переводе — «ночная еда»). Наша просьба сделать на этом мероприятии несколько фотографий со вспышкой весьма охотно приветствуется.

Уже поздно вечером нас забирает большая толпа служителей культа. Они должны позаботиться о нашем благополучии, а потому ведут нас темной ночью по ухабистой дороге под руки.

Наш путь заканчивается у правительственного здания.

Там нас проводят через темные, пахнущие чем-то затхлым коридоры в большую гостиную, где перед картинами и статуэтками святых горит бесчисленное количество маленьких масляных ламп. От них идет уютный приглушенный свет. Некоторое время мы убиваем время, пока не появляются оба властителя. Они очень богато одеты. Вежливым жестом нам предлагают сесть на почтенные места. Все является настолько понятным, что не требуется никакого специального переводчика. Поначалу ведется непринужденная беседа. Но разговор идет на таком ломаном языке, что даже Кайзер Бахадур Тапа не всегда в состоянии понять, что говорят хозяева дома.

Поэтому волей-неволей все официальные вещи, которые мне кажутся наиболее важными, ему приходится озвучивать на придворном тибетском наречии¹⁰¹.

Все идет хорошо. Мы отпускаем хозяевам комплименты, а они говорят о религии и угощают нас воистину превосходным цангом — светлым тибетским ячменным пивом. В полумраке Краузе начинает хлопотать, чтобы снарядить свою фотокамеру. Но у него что-то не получается. Отказывает фотовспышка. Краузе отпускает сквозь зубы проклятия. Когда через несколько минут она все-таки заработала, то обстановка начинает накаляться. Вероятно, тибетцы боятся нас. Не исключено, что даже ненавидят, как «белых чертей». В любом случае, настроение уже испорчено. Гражданский губернатор сидит, как идол. Он взирет на нас с гневной гримасой. Она настолько выразительна, что не требуется никаких слов, чтобы понять его мысли. Ситуацию даже с большой натяжкой нельзя было назвать благоприятной, с каждой минутой она становилась все более критичной. Дело в

Кампа-Дзонг

*Тибетские высокопоставленные чиновники
пробуют делать фотографии*

том, что Краузе то ли случайно, то ли в силу своей демонической сущности, то ли под воздействием выпитого «цанга» (сам он придерживался именно такой версии) разбивает вдребезги ценную древнюю китайскую чашку. В силу стечения столь неблагоприятных обстоятельств мы вынуждены констатировать, что сегодня вряд ли удастся исправить ситуацию. По этой причине мы предпочитаем ретироваться настолько быстро, насколько было возможно в данной обстановке. Перед этим мы пытаемся убедить тибетцев, что очень благодарны им. Мы отвешиваем несколько поклонов. Спокойно вздохнуть нам удастся только на улице, когда в лицо нам подул свежий ветер.

Я хочу избавить Краузе от мыслей, что именно он испортил этот вечер. Я говорю, что это было стечение обстоятельств. Но он сам, впрочем, как и я, не верит в это. Все слишком хорошо читалось по лицу властного губернатора. В палатке я говорю, что в силу плохой обстановки нам надо подкрепиться. Но по понятным причинам у Краузе плохой аппетит. Но оба мы спали исключительно крепко.

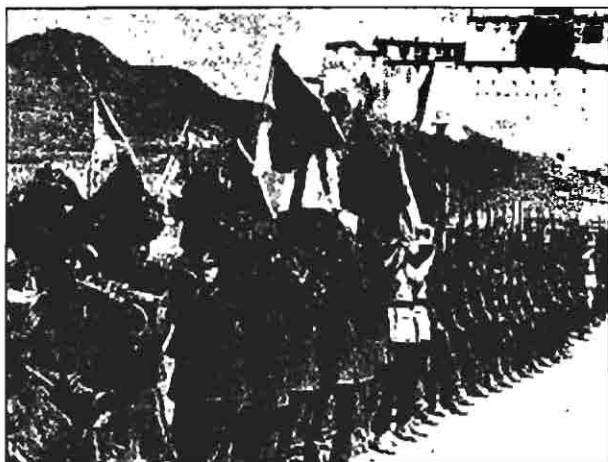
Мы просыпаемся очень рано и используем великолепное утро, чтобы сделать кинозарисовки и фотографии. Мы как раз снимали несколько сцен из жизни диких тибетцев (они загоня-

ли овечье стало, чтобы, связав животных, срезать с них длинными ножами шерсть), когда меня к себе пригласил губернатор. «Так, значит, наши дела не столь уж безнадежны», — мелькает у меня мысль. Я расчесываю бороду и водружаю на голову пробковый шлем. И прошу доложить обо мне. Я внутренне мобилизован и изливаю в типично азиатской манере всю лесть, на которую только был способен. А начинаю издалека, постепенно сжимая крути, чтобы перейти к нашей истинной цели. На помощь мне приходит только что прибывший переводчик, которого я сердечно приветствую. Кайзер Бахадур Тапа, всегда предельно тактичный в подобных вещах, просовывает в длинный рукав губернатору несколько серебряных рупий. К заседанию правителей в дальнейшем присоединяются командир форта в чине полковника и влиятельный аристократ из Шигаце, постоянного местопребывания Панчен-ламы.

«Они хотят меня окружить», — является моей первой мыслью. Но я гоню ее от себя. После почтительного приветствия я начинаю развивать клубок: Шигаце — Ташилунпо — монастырь маленького Панчен-ламы — Китай. Я свожу все к предельно понятным вещам, которые могли бы их заинтересовать.

Я кручу свою «граммофонную пластинку» без перерыва до тех пор, пока хмурые физиономии присутствующих не начинают добреть. Чтобы их лица окончательно просветлились, мне пришлось беспрерывно говорить почти полтора часа. Я лил водопад мягких слов, пока окончательно их не задобрил. Когда пришло время расставаться, мы поклонились друг другу. Для них я был полной противоположностью белых, которых им приходилось видеть. Они поняли, что я неплохо разбираюсь в религии. К тому же я путешествовал больше, чем кто-то из известных им людей. И когда победа у меня уже почти в кармане, я решил рассказать несколько забавных, но совершенно невинных историй про маленького Панчен-ламу. Я поведал им, что Панчен-лама изображен в одной из моих книг на особом месте. После этого меня хором спрашивают, высказывает ли каждый немец почтение этому изображению. На этот вопрос, к радости всех присутствующих, я даю утвердительный ответ. Я продолжаю и говорю, что я, несмотря на то что являюсь немцем, весьма почитаю маленького Панчен-ламу как

Военный парад в одной из тибетских крепостей

буддистское божество. После этого переводчик, отнесясь поклоны, заявляет, что я вопреки своему белому происхождению очень сильно чту Панчен-ламу. Это окончательно растопило лед недоверия. И теперь я решаю бить прямо в цель. Я прошу выдать нам въездные паспорта, чтобы продолжить поездку в Доптру. После некоторого раздумья гражданский губернатор, который, судя по всему, из всех присутствующих является самым главным, объясняет, что, к сожалению, не может выдать нам никаких документов, так как для этого должен направить запрос в Лхасу. Чтобы избежать осложнений, он предложил нам спокойно следовать дальше. Но при этом он просил никому не рассказывать об оказанной нам услуге. Прежде чем я успеваю попрощаться, генерал заверяет меня, что для него было бы большой честью, если бы на обратном пути мы три или четыре дня погостили у него в замке. После этого все участники почтенного собрания снимаются на фотокамеру. В знак высшей благодарности каждому из них я протягиваю обе руки. Я уверен, что правители Кампа-Дзонга дали нам лучшее из всех пожеланий, которые только можно было сделать отправляющимся в путь: «Всех Будд Вам в дорогу. Езжайте» И мы двинулись дальше.

К этому моменту наши мулы совсем изголодали. Это объяснялось тем, что в окрестностях крепости Кампа-Дзонга было строго запрещено пастись чужим животным¹⁰², хотя для тибетских пастбищ они ни разу не сделали ничего плохого. В итоге наших мулов едва ли не силой пришлось заставлять двигаться в направлении Доптры. Вероятно, мул Кайзера Бахадура Тапы рассказал моему мулу, что им предстоит впереди.

Если бы мы знали, что нас ожидает на следующий день, то назло всем генералам и губернаторам выпустили бы наших мулов на несколько часов на свободу, так как ни один даже самый сильный мул не может на пустой желудок перебраться через тибетские болота, ни рискуя закончить свою жизнь на их дне.

В силу нашей самонадеянности мы вбили себе в голову, что сможем достичь Доптры в тот же самый день. Мы торопились и гнали мулов через пески. Переднему мулу мы завязали глаза, чтобы он не замечал и не пугался ящериц, которыми кишела эта местность. Вокруг был песок, один песок, перемешанный со скудными жесткоколосницами. Ветер был такой сильный, что мы почти ничего не видели и не слышали.

Через час мы достигаем небольшого поселка Танга, где каждый человек, имея пять чувств и здравый рассудок, непременно разбил бы лагерь. Однако у нас нет ни разума, ни слуха, ни зрения. Трагедия начинается с того, что, не выдержав многочасовой езды, подо мной рухнула лошадь. Чтобы симфония степи стала более звучной, начинается сильный дождь. Теперь неприятности преследуют нас едва ли не каждую минуту. Караван разбредается. Мою лошадь за уздцы ведет Кайзер Бахадур Тапа. Неизбежным следствием этого является то, что наш переводчик сильно отстает и мы теряем его из виду почти на целый день.

Дождь усиливается. Я иду вперед сам и веду за собой людей. Я набросил на плечи прорезиненный плащ и двигаюсь навстречу отвесной, свинцово-черной стене непогоды. Я готов задать хороший темп, чтобы увлечь за собой остальных. Но это может длиться только до тех пор, пока все не теряются из виду. Время от времени раздается гром, который своими раскатами бежит по равнине и отражается где-то впереди от невидимых гор. В сумерках я вижу дикого гуся, крачку и травника¹⁰³. Это единственные живые существа, которые предстают моему взгляду.

Становится все угрюмее и угрюмее. Без сомнения, мы приближаемся к какому-то болоту или большому озеру у Доптры, появление которого по левую руку я ожидаю уже несколько часов. Согласно нашей карте, мы должны были уже давно достигнуть его. Но в действительности оно находится совершенно в другом месте. Ни одна карта Тибета не может претендовать на исключительную точность! Пески и пустынные земли становятся мягче. Несмотря на то что на мне достаточно легкие ботинки, при каждом шаге я погружаюсь в грязь почти по самые лодыжки. Шквальный ветер бьет мне в лицо. Но я все еще надеюсь на лучшее. Ведь где-то в данной долине должен находиться этот трижды проклятый Доптра. Когда же он, в конце-то концов, появится? В какой-то момент мне кажется, что мы кружимся по кругу, настолько однообразным и унылым является ландшафт, окружающий меня. Несмотря на высокогорный воздух и полностью промокшую одежду, я чувствую себе свежим. Но вот только я не нахожу дорогу. Километр за километром я ступаю по зыбким пескам, туда, где до сих пор должна быть дорога, пролегающая между болот. Пытаюсь ориентироваться на болотные кочки, но напрасно. Только длинные ряды полос, заполненных водой, намекают, что здесь некогда была «дорога». Эти полосы мне напоминают рельсы, которые убегают до горизонта и теряются где-то вдаль, сливаясь с дождливым небом. Когда пепельное хмурое небо омрачает все вокруг и свинцовые облака изливают километровые струи дождя на бесплодную землю, тогда по тибетским горным долинам сложно двигаться вперед. Этим миром правят бледные духи и жестокие мстительные демоны. Здесь свой смертельный танец танцует шторм и человек становится жертвой природных стихий. Когда видишь все это, то начинаешь ощущать себя лишь тенью, которая была отброшена в какой-то момент. Глаза видят лишь шторм, а уши слышат только пронзительное завывание ветра, но все эти ощущения укореняются в душе. И если спросить себя, как можно описать такое всемогущество, то не можешь дать на него ответ хотя бы в силу того, что на это не решается твоя душа.

Воистину я начинаю понимать жестких, как сама погода, краснокожих тибетцев, когда они описывают свою страну как оплот богов. Почти бессильные, мы, белые люди, пытаемся

противостоять разгулу стихий, а трезвый европейский ученый непременно ошибется, когда попытается постигнуть эти края. То, что он сформулирует, будет всего лишь жалким людским творением. Это будет подобно жемчужине, утратившей свой притягательный блеск. Ни один живущий человек не сможет погрузиться на такие глубины, но, пожалуй, только художник может попробовать передать тень или отражение этого величия. В действительности надо изучать душу этой страны, но она так же мало постижима, как душа тибетца, сияющая тысячами мистических видений. В ней происходит невероятная игра света и теней, это почти первобытная душа, которая могла появиться только в Тибете. Не случайно мистическое сияние Тибета тянет к себе представителей всех цивилизованных стран, а сама запретная страна воспринимается как нечто сверхъестественное, загадочное и демоническое.

В изобилии и разнообразии жизненных форм тропиков мне интересно как исследователю. Но если сравнивать многообразие тропической Азии с этой героической страной, то первая проигрывает. Местная природа тоже может дать очень многое исследователю, но гораздо больше она дает человеку, так как успеху ему придется мужественно добиваться здесь в одиночку.

Дождь продолжает шуметь, но его струи ослабевают. Наконец, посреди непроглядной ночи, окруженные водой, мы решаемся устроиться на ночлег. Это не самая простая затея, так как дождь атакует и брезент вырывается из мокрых пальцев. Во мраке очень сложно согнать животных. Еще сложнее их разгрузить. Но почти совершенно невозможно в такую погоду поставить палатку. Забывание колышков и натягивание канатов превращаются в мучительное испытание. Когда же мы наконец поставили ее и с чувством успокоения плюхнулись на мокрую землю, я чувствую себя почти счастливым. Мы радуемся, что в такую ночь у нас есть хоть какая-то крыша над головой. Мы раздеваемся и развешиваем полностью промокшую одежду. Кайзера Бахадра Тапы нет, он отстал. Мы начинаем скромную трапезу. Мы поглощаем плохо пахнущую соевую массу, которую купили в крепости у грязного уличного торговца, делаем по глотку шокаколы, которую запиваем из единственной фляги (все остальные ушли на подарки губернатору) чаем, отдающим ячьим навозом.

Лошади связаны между собой и отпущены в темноту¹⁰⁴. Пенси раскинул спальный мешок между нами. И вот мы погружаемся в праведный сон, о котором мы так давно мечтали.

Когда ранний свет наступающего утра пробивается в палатку, мы видим, что идет непрерывный морозящий дождик. Он стучит по нашей брезентовой крыше и поет свою занудную, монотонную песню. Выглядываю и вижу плотную стену ужасного зеленоватого тумана. Раздающиеся из него крики водоплавающих птиц говорят мне, что мы находимся близ берега озера. Но более четко сориентироваться не удастся. Нет даже никакой надежды, что нам удастся найти наших выючных животных. Мы вынуждены ждать, когда прояснится небо. Почва не вызывает особых опасений. Духи не могут более скрывать от нас Доптры и в любом случае сегодня мы должны добраться до резиденции короля Таринга.

Нам ничего не остается, кроме как подкрепиться холодной и невкусной едой, которой у нас оказалось предостаточно, а затем снова забраться с спальными мешками и продолжать спать дальше. Второй раз мы просыпаемся уже в районе 8 часов. Мы поднимаемся и начинаем готовиться к достижению Доптры. Временный ночлег разбирается. Мы начинаем финишный рывок по великой равнине. Я почти уверен, что Кайзер Бахадур Тапа, хорошо знающий эти края, смог еще ночью добраться до Доптры и с ним не случилось никакой беды. Ночная температура была около нуля градусов, так что не было серьезной опасности переохлаждения. Кроме этого, у этого 21-летнего сорванца настолько большой опыт, что вряд ли стоило беспокоиться. В то время как мы разбираем палатку, Пенси занимается поиском лошадей и мулов. Вряд ли можно описать мое удивление, когда перед нами предстали изможденный Кайзер Бахадур Тапа и его уставшая кляча. Он, как всегда, протягивает руку, говорит «салам», снимает шапку и низко кланяется. Он делает это так, как будто бы ничего не произошло. Даже в такой ситуации наш переводчик не отступал от принятых ритуалов. Чувствовалось, что он происходил из непальской благородной военной касты.

Еще вчерашним вечером Кайзер Бахадур Тапа натолкнулся на какой-то караван. Холодную ночь он провел в палатке погонщиков без еды и питья. Но теперь он выглядит снова све-

жим и бодрым, словно с ним ничего не произошло. Он является именно таким парнем, который нужен нашей экспедиции. Проходит некоторое время, прежде чем прибывает Пенси с животными. Довольные этим, мы начинаем готовить холодный противный суп из затхлой некипяченой озерной воды и промокшей под дождем муки. Получается нечто ужасное, но в силу того, что желудок почти пуст, я засасываю его в себя как насосом. Но трапеза не пошла мне впрок, от подобной похлебки начинаются непредвиденные последствия, как будто бы я выпил поллитра касторового масла. Уже перед отъездом в желудке возникают острые боли, странное ощущение кишечной слабости, что сопровождается сильным головокружением.

Так как к этому времени небо прояснилось и на горизонте можно было заметить руины старого замка Доптры, до которых было почти рукой подать, я принимаю решение. Несмотря на усиливающие боли в желудке, надо приложить все силы, чтобы найти караванную тропу, от которой в дождливой темноте мы отошли на несколько километров. Расстояние до Доптры Пенси оценивает в три-четыре мили. Я и Краузе и приходим к выводу, что должны добраться до цели в данных условиях¹⁰⁵ часа за полтора. С этой установкой я, полный надежд, направляюсь в путь по мягким от влаги пескам. Не успели мы проехать час, как меня скрючивает от кишечной колики. Она меня не отпускает. Но самое ужасное, что расстояние до Доптры почти не уменьшилось. Надо мной раскидывается ясно-синее, сияющее тибетское небо, покрытое бесчисленными снежниками, плывут перистые облака цвета слоновой кости. Они простираются от края до края горизонта, что делает эту необозримую безграничную страну еще более безграничной. Но вокруг меня только пески, вода да болота. Ужасная пустыня. Где-то начинает дрожать воздух, и мне кажется, что мне является призрачная фата-моргана. Время от времени эту коварную тишину разрывает металлический крик орлана-белохвоста.

Как только мои внутренности начинают успокаиваться, я замечаю, что надо мной кружит золотистый ягнятник. Я смотрю ему вслед и продолжаю свой путь. Далеко над болтами звенят призывные крики степных куриц. Где-то, выгибая шею, курлычут черные журавли. Я продолжаю двигаться по зыбким пес-

кам, пока не замечаю Кайзера Бахадура Тапу, который ведет наших животных на веревке, так как вскоре начнется болотистая почва. Не успеваю я сесть верхом, как мой живот снова пронзает колик. Я остаюсь в седле и хватаюсь за гриву, пока живот не отпускает. Краузе и другие караванщики не должны ничего заметить.

Нам повезло, и мы быстро находим потерянную дорогу, которая ведет нас через болота. Но чем болотистее становится местность, тем условнее становится дорога. В какой-то момент она исчезает полностью, а вокруг нас начинают свою пляску болотные пузыри. Двигаться в данном направлении больше нельзя. Нам надо пересечь огромные песчаные дюны, которые своими белыми песками напоминают мне пустыню Гоби. За ними мы обнаруживает реку шириной в 60—80 метров. Ее форсирование на первый взгляд кажется несложной задачей. Итак, вперед! Вода доходит нашим животным до живота. Течение реки настолько сильное, что нас относит где-то на 100 метров. Мы внезапно оказываемся посреди грязной стремнины, переходящей в болото.

Первым упал самый сильный мул Кайзера Бахадура Тапы. Когда я хочу повернуть, моя кляча теряет равновесие и падает. Ее тащит потоком, который норовит утопить животное. Мул нашего переводчика мощным рыком поднимается на ноги. Но от этого мощного движения он погружается в грязь почти по самое седло. Смертельно испуганный мул рвется изо всех сил до тех пор, пока не начинает ощущать под своими ногами относительно твердую почву. Я вижу, что мой мул того гляди утонет. Я выскакиваю из седла и сам погружаюсь по колено в песчаную болотину, которая засасывает меня все глубже и глубже. Пытаясь вытащить животное, я погружаюсь почти по пояс в ледяную жижу. Наконец задние ноги моей животины сантиметр за сантиметром вырываются из плена зыбких песков. Мне на помощь спешит Кайзер Бахадур Тапа. Теперь мы тянем из болота мула вдвоем.

Когда мы переводим дух, то от невероятных усилий во мне начинается очередная реакция. Мои кишки пронзает острая боль, мне кажется, что живот вот-вот разорвется на множество кусочков. В эти ужасные минуты мне видится, как в желудке у

*Эрнст Шефер
пытается вытащить лошадь из болота*

меня топорщатся сотни иголок. Меня охватывает приступ слабости, и я оседаю в седле посреди реки. Со лба капает холодный пот, я теряю контроль над собою. В итоге я вручаю себя в руки судьбы.

Только когда я прихожу в себя, меня охватывает отвращение — отвращение к самому себе. Кайзер Бахадур Тапа помогает мне очиститься, и я оседаю на берегу. Собравшись с силами, я продолжаю поиски перехода через реку. Мы находим новое место. Там река глубже и течение стремительнее, но животные чувствуют под ногами твердую, каменистую почву. Здесь мы успешно форсировали реку.

Вновь начинаются пески и тянущиеся вдаль склоны дюн. Вдобавок ко всему мы в очередной раз обнаруживаем, что Доптра не стала к нам ближе. Меня охватывает отчаяние. Я проклинаю себя и сотрясаю воздух, что был настолько глуп, поступив безрассудно. Но это отнюдь не исправляет ситуации, в которой мы оказались. У нас есть только один путь попытаться найти проход в болотистой почве. В итоге мы хлещем наших мулов, чтобы вытащить их из хлюпающей жижи. Но впереди

нас ждет самое большое испытание — это раскинувшееся от горизонта до горизонта полуболото-полуозеро. В свете солнца оно весело поблескивает, но картина нас отнюдь не радует. У нас есть только один путь. Там, за этой преградой, лежит все-таки приближившаяся к нам Доптра. У нас нет выбора!

Мы пробуем перейти водную преграду как минимум в десяти местах. Но каждый раз, начав вязнуть, мы возвращаемся. Мы пробуем снова и опять отступаем. Еще раз, и вновь неудача. Кайзер Бахадур Тапа занят тем, что изо всех сил пытается тянуть за собой животных. Но выбившиеся из силы мулы отказываются сделать хотя бы один шаг.

Наконец, после многочисленных попыток, когда мы уже стали терять надежду, находится сносный брод. Наши мулы не один раз падают. Окруженные водой со всех сторон, мы следуем по болоту, со злости отпуская ругательства в адрес любопытных крачек. После того как большая часть болота осталась у нас за спиной, мы оказываемся на сухом островке. Теперь нашей самой большой заботой является Краузе, мул которого везет на себе очень ценные в экспедиции фото- и киноплёнки, которые весьма чувствительны к влаге. Мы позволяем нашим животным «попасть» на островке. Когда караван отдохнул, возвращается наш смелый и верный Кайзер Бахадур Тапа. Наш отчаянный непалец со слезами ярости не раз пускался в рискованный путь, чтобы найти нам брод. Каждый раз Кайзер Бахадур Тапа делал это добровольно и всегда отлично справлялся со своим заданием.

Но в тот момент я падаю на мокрую землю и засыпаю. Я настолько утомлен, что мне все кажется бесполезным. Выбившись из сил, я стал трусливо-малодушным. Засыпая, чувствую, как горит у меня в животе.

Прошел где-то час. Проснувшись, я вижу скопившихся вокруг меня воронов и светлоголового орлана-белохвоста¹⁰⁶, которые ждали момента, чтобы поживиться мной. Я замечаю сияющих от счастья Краузе, Пенси и Кайзера Бахадура Тапу. Они смогли преодолеть все трудности, и теперь вернулись за мной. Судя по положению солнца, сейчас вторая половина дня. Вот теперь до Доптры остается действительно полтора часа пути.

Мы едем верхом и пытаемся держаться вместе. Выглядим мы ужасно. От сапог до самых воротников мы заляпаны гря-

зью, которая вперемешку с илом превратилась в толстую корку. Наши мулы падали еще несколько раз. Но теперь, когда опасность миновала, мы можем сделать несколько фотоснимков. Но большую часть пеленки мы хотим сохранить на обратный путь. Мы едем дальше и дальше, приближаясь к Доптре. Нам навстречу кто-то едет. Это спешит наш друг министр, которого король Таринг послал нам на помощь. Дело в том, что Его Величество несколько часов наблюдал за нашей битвой за жизнь в болотах. «Первый человек государства» решил прийти нам на помощь. Мы находим это весьма трогательным. Господин министр, идущий босиком, перепачкан грязью не меньше, чем мы. С радостью мы пожимаем друг другу руки. Это очень странная встреча. Министр, более-менее хорошо знающий местные дороги, сопровождает нас до самой королевской резиденции, где нас готовятся встретить не только король и его семья, но и все население Доптры. Когда мы приближаемся к замку, то начинаем различать его мощные стены, монастырь и близлежащие дома. Нас охватывает смущение, что в таком непотребном виде мы должны предстать перед королем. Однако министр настаивает на этом. При любых условиях мы должны нанести визит королю, так как наша встреча должна была состояться еще вчерашним вечером. Мы опоздали ровно на сутки, а потому Его Величество стал опасаться за нашу судьбу. Именно это заставило короля взять в руки полевой бинокль, который он не выпускал несколько часов. В итоге мы должны были смириться с нашим ужасным видом.

Вырвавшись из болота на ширь степей, мы внезапно обнаружили дорогу шириной метра в три, которая с обеих сторон была обрамлена камнями. Она вела нас непосредственно к королевской резиденции. Теперь мы не позволяем нашим мулам свернуть направо и налево, что они хотят сделать с завидной частотой, а заставляем их следовать по прямому пути. Под конец пути мы их почти не контролируем. Но водрузившись в седла и поддав им каблуками под ребра, мы торжественно въезжаем в Доптру. Перед воротами скопилось с полтора десятка королевских слуг. Все они одеты, в отличие от нас, в чистые одежды. Одни подхватывают наших животных под уздцы, а другие ведут нас через красивые зеленые сады. У нас фактически

не находится времени, чтобы восторгаться чистотой и ухоженностью этих роскошных рощ. Они окружают со всех сторон небольшой замок, к которому ведут посыпанные светлым гравием дорожки. Из него уже вышел встречающий нас король. Кроме него нас встречают шуршащая шелками королева, на голове которой гигантский головной убор, и принцесса, которая облачена в вечерний наряд монахини¹⁰⁷. Они спускаются по лестнице и любезно приглашают нас войти. Мы почтительно раскланиваемся и самым сердечным образом жмем друг другу руки.

При этом король в знак глубокого почтения кладет мне на руки свой первый подарок, белое шелковое покрывало. Король самым сердечным образом приветствует даже Кайзера Бахадура Тапу, который ведет себя очень тактично. Мы поднимаемся по лестнице в большую комнату. В это время я не перестаю кланяться и говорить королю комплименты, которые быстро сменяют друг друга. В великолепно обставленной гостиной нас угощают чаем.

На этой земле все еще есть люди, которые полностью замкнуты в своей культуре и не знают, да и не хотят ничего знать о проблемах большого мира. Эти люди, весьма деятельные в духовном отношении, обладают утонченными манерами, но предпочитают жить только в своем мире. Они ведут счастливое, пусть в чем-то и ограниченное существование, и не проявляют никаких симпатий или антипатий к западным нациям, ведущим активную борьбу между собой. Они предпочитают пребывать в покое. Они живут в магических местах и распространяют вокруг себя таинственный ореол. Эти люди, которых мы должны чтить, живут гордо и властно в духе времени, который соответствует нашим давно минувшим столетиям. Когда внезапно перед таким влиятельным тибетцем предстает измученный целеустремленный европеец, то он начинает ощущать всю атмосферу этих краев, которая воплощена в одном азиатском человеке. Самое удивительное в подобных встречах, которых на протяжении последних десяти лет во время своих азиатских экспедиций я имел великое множество, — это, что мы начинаем проникаться тем глубоким уважением, которое эти тибетцы выказывают совершенно незнакомым им людям.

Такие носители высокой чести из древних тибетских благородных родов являются правителями маленьких территорий.

Они превосходят всех властителей нашего мира в том, что они действительно являются королями. Неограниченными в своей власти и зависимыми лишь от фанатичной религиозной веры. Нередко они жестокие, но в большинстве случаев справедливые вожди, которые дисциплинируют своих людей и никому не позволяют вмешиваться в собственные дела. Эта полная самостоятельность, связанная лишь естественным уважением, которым они пользуются у местного населения, делает подобных людей весьма приятными в общении. Они не расспрашивают меня о нашей стране, не интересуются нашими обычаями и традициями. Им хватает вполне собственных знаний. Они живут по законам, которым тысячи лет. Они впитали в себя через сотни поколений культуру, живыми носителями которой они являются. Одним словом, в этом мире еще имеются люди, которые ведут мирную, но по-мужски гордую жизнь. Они счастливы и живут без забот, так как их мысли крутятся вокруг других вещей, нежели у нас, европейцев. Такие первые, несколько хаотические впечатления возникли у меня, когда мы встретились со сказочным королем Тарингом, правящим княжеским государством с центром в Дотпре¹⁰⁸. Нам предстояло три дня быть его гостями.

Все дни пребывания в Дотпре я почти не занимаюсь собственными исследованиями. Почти все время уходит на переговоры. Но несмотря на это, я испытываю редкостное спокойствие. Я уже почти добился выполнения великой цели. Ведь ни в Германии, ни в Англии, ни в Индии мне не удалось добиться разрешения попасть в Тибет. Однако больше всего я радуюсь за Краузе, у которого просто глаза разбегаются. Он снимает и снова снимает. Когда я свободен, я выполняю функции послушного ассистента оператора. Иногда мне приходится самому побыть режиссером.

Но вернемся к нашему чаепитию. Королева, постоянно шепчущая молитвы, почти не принимает участие в нашей беседе. Сам же король оказался весьма веселым и открытым человеком. Он многое рассказывает о Лхасе, чье правительство уведомил о целях и задачах нашей экспедиции. Наша первая аудиенция длится где-то часа полтора. Когда мы наконец прерываемся и расстаемся, то, к великому нашему удивлению, обнаруживаем,

что нас ждут множество слуг, которые должны нам помогать и прислуживать. Они ведут нас к специальной палатке, которая возведена на английский манер, где мы закрываемся, чтобы помыться.

Там нас ожидали теплая вода, японское мыло, белоснежные полотенца, которые, к нашему великому стыду, после использования надолго остались грязными. Тибетцы позаботились и о других гигиенических средствах, которые вряд ли стоит описывать на этих страницах. Все эти вещи кажутся нам необычными, но, к нашей радости, мы вновь к ним привыкаем. Отмывшись от корки грязи, мы только готовились отдохнуть от множества трудностей в нашей уютной палатке, как нам подали еду. Все последующие дни, которые мы провели в Доптре, нас кормили воистину по-королевски. Узнав о моем больном желудке, король перед трапезой собственноручно намотал мне на живот шелковый плед, что почти сразу же помогло. По крайней мере, в Доптре я никогда не жаловался на отсутствие апатита. Нам подавали китайские блюда самого тонкого приготовления, коих каждый раз было от десяти до пятнадцати штук. Нас потчевали великолепными огурцами, нежными салатами, вкусными овощами, бобами, бараньей грудинкой, свининой и неизменным «миен», китайским блюдом, состоящим из смеси риса и макарон. Наша трапеза длится долго. Мы сидим за столом, накрытым идеально белой скатертью, и вытираем капающий на бороду жир настоящими столовыми салфетками.

Позже я узнал, что король содержит целую армию собирателей деликатесов, которые достают лакомства в Шигацзе, Лхасе, Кхаме, Западном Китае, Непале, Бутане, Сиккиме. Именно этим объясняется тот факт, что в диком Тибете мы можем порадовать себе изысканной едой, которая приготовлена настолько искусно, что составила бы честь лучшим китайским поварам¹⁰⁹. По моему мнению, многие из этих блюд были неповторимы. Позже мне сообщили, что для нас все три дня каждый раз готовили новые, ранее не подававшиеся нам на стол блюда. Если снаружи выли холодные ветра, то мы попали в какую-то тибетскую сказочную страну, где текли молочные реки. Я редко доверял своему желудку, но на этот раз мне пришлось полагаться на исключительный вкус короля Таринга. Желудок Краузе

начал бастовать уже на второй день. Я соглашаюсь, что даже самому большому обжоре было бы сложно после стольких дней голода уничтожить за несколько часов такое количество деликатесов. После каждой трапезы нам подавался светлый чудесный «цанг», которому Краузе был особо рад. Не буду утаивать, и мне самому пришлось по вкусу это превосходное тибетское пиво. В итоге ни один вечер не проходил для нас в скучной обстановке. Мы много смеемся и шутим. Я даже предлагаю напеть Его Величеству несколько немецких песен. Король в диком восторге.

Регент Рединг Римпоче в торжественном облачении

У Краузе лучше слух, но у меня более звучный голос — в итоге мы даем неповторимый концерт. Даже Кайзер Бахадур Тапа, голос которого больше напоминает «регенбургских соборных воробьев», со всей своей нерешительностью затягивает непальскую песню о любви. По глупости я прошу короля тоже что-нибудь спеть. Но он тут же принимает королевскую осанку и делает серьезное лицо, которое подобает сохранять в присутствии королевы. Мы прощаемся за руки, чтобы направиться спать. Тут мы замечаем луну и затягиваем с Краузе: «Добрая луна, ты идешь так тихо». После этого Его Величество почтенно удаляется в свои покои.

Три дня полетели незаметно. Когда мы едем к озеру или проводим кино съемки в окрестностях крепости, за нами следуют слуги, которые несут термосы с горячим чаем. Если мы объезжаем близлежащие монастыри, то молодые тибетцы несут наши камеры и кино принадлежности. Наше любое желание исполняется моментально. Осталось решить еще одну задачу. Но наш заботливый король предполагает осуществить нашу просьбу и послать рекомендательное письмо в Лхасу, только если мы пре-

поднесем ему еще несколько подарков: цейссовский бинокль с десятикратным увеличением, дорожную аптечку и большое металлическое зеркало для королевы.

По старому доброму дипломатическому рецепту все переговоры ведутся только после еды, так как на сытый желудок в большинстве случаев можно что-нибудь выторговать. Но переговорам мешает пышнотелая и весьма энергичная королева, которая дает своему супругу советы, время от времени адресуя ему короткие реплики. После этого с неизменной регулярностью мы получаем отказ. Для нее это была задорная игра, во время которой она вставляла свои возражения в слова стандартных молитв.

Хотя покойный ныне английский поэт Киплинг не был другом немецкого народа, но наряду со своими бессмертными произведениями он ввел в оборот словосочетание «Female of the species» («Женщина с рождения»), что должно соответствовать немецкой пословице «Женщины хуже мужчин». Я прошу извинения у дам, так как я знаю, что имеется множество исключений, но в отношении махарани Сиккима и королевы Таринга это изречение является исключительно верным. В итоге нам приходится менять тактику и подлизываться к этой знатной матроне. В этом мы преуспеваем. Накануне нашего отъезда вся королевская семья провожала нас подарками в виде ковров и серебряных изделий, которые должны были весьма существенно пополнить нашу этнографическую коллекцию. Мы прощаемся на рассвете с нашим прелестным хозяином, который удостоивает нас великой чести. Он провожает нас до лошадей, после чего накидывает каждому на шею белоснежный широкий шелковый шарф.

ОТКРЫТИЕ ШАПИ

Следуют несколько месяцев, в которые, вдоль и поперек объездили глубокие долины и горные перевалы гималайского массива. В это время через Лхасу, Лондон, Силму и Гангток идут дипломатические переговоры. Мы с нетерпением ожидаем ответа регента и короля Тибета, которому я подал длинное

прошение. Кроме этого, были отправлены богатые подарки совету министров в Лхасе и его святейшеству регенту Хутукту Римпоче.

Почему бы в это время в радостных ожиданиях не предаться рассказам при свете мерцающего костра?

Мы упиваемся нашими ежедневными научными успехами. Трудные и очень сложные задания заставляют забыть, отгоняя печаль и заботы. На юге высятся гималайские гиганты, на севере расплывается в бесконечность океан тибетских степей.

Наши продукты подходят к концу. Рис, который мы едим едва ли не каждый день, надоел всем настолько, что с общего согласия я принимаю решение послать на юг за деньгами и свежими продуктами. Думаю, это сможет нам поднять настроение.

Несмотря на то что мы упустили момент, чтобы совершить еще один визит вежливости, добрая финская миссионерка из Лачена, прознав о наших трудностях, посылает своего воспитанника-туземца с множеством незамысловатых продуктов (собственноручно выращенные овощи и свежевыпеченный хлеб), которые в тот момент нам кажутся чудом. Какие это были превосходные дары! Каждый раз, когда мы наполняли ими рот, наши сердца переполнялись благодарностью, и мы чувствовали бы себя злыми мальчишками, если бы принципиально отказались от подарков христианской миссии. Мисс К., добрая душа, прислала нам милое заботливое письмо, в котором говорила, что, наверное, мы не откажемся «во льду и снегах» принять небольшой подарок и Божие благословение. Мы принимаем первое и покорно сносим второе. Мы отвечаем ей сердечным письмом.

Отныне дела у нас пошли, как у вошедшего в поговорку «Бога во Францию». Можно по-разному думать о миссионерах, об их более-менее полезной деятельности. Но нельзя не осознавать, что внутренние миссионеры и миссионеры, заброшенные в дикие края, были издавна одинокими исследователями, помогающими нам. Было бы глупо повернуться к этим идеалистам спиной. Если мы хотим непредвзято оценивать итоги их научно-исследовательской деятельности, то это было бы еще и весьма неблагоприятно.

Для нас, на наше нахальное счастье, деятельность финской миссионерки в Лачене вышла далеко за рамки ежедневного благословения. О чем я и хочу рассказать. Стараясь быть беспристрастным, о чем, собственно, судить самим читателям, я не могу все-таки удержаться от сострадательной улыбки. Все, что я расскажу дальше, является правдой. По ходу рассказа вы сами должны решить, верить в это или все-таки нет. Сам я не берусь выносить суждения по данному поводу, ибо, как ученый, должен строго придерживаться только фактов, которые я и перечислю далее.

Итак, христианин-туземец, посланник финской миссионерки, прибыл к нам. Он поднялся к нам в горы с выпечкой. На его умной голове надета лихая шляпа. Он немного говорит на английском языке. По-тибетски его звали Лопе, но после крещение он принял звучное имя Тимоти (Тимофей). Так как все наше последующее приключение будет непосредственно связано с «черных духом гор», что имеет очень много общего с религией и исконными тибетскими религиозными представлениями, то мы будем называть нашего героя менее христианским, но более коротким именем Тимо.

Памятным вечером июля 1938 года, после целого дня утомительных работ в горах, я встречаю Тимо в нашем лагере. Этот малый мне понравился с первого взгляда. В итоге мы сели поболтать у костерка, огонь в котором поддерживался высушенным ячьим навозом. В ходе беседы я расспрашиваю его обо всем, что уже знаю сам, и обо всем, что мне хотелось бы еще узнать: о животных, об охоте. Оговорюсь, что при разговоре с туземцем всегда надо уточнять, лжет ли он в надежде на хороший «бакшиш»¹¹⁰, или же все-таки говорит правду.

Вопреки или все-таки в силу его христианского вероисповедания мы приняли Тимо за непригодного ни к чему бродягу. Но он стал одним из наших лучших людей: остроумный, выносливый и стремящийся к хорошим поступкам парень 29 лет. Он счастливый отец двух крепких мальчишек, которых он тоже крестил. Во время вечерней беседы у костра темы нашего разговора перепрыгивают с одной на другую. Все начинается с королевского архара, затем переходит к киангам, голубым баранам, газелям. И тут я спрашиваю Тимо, предки которого им-

мигрировали из Бутана, знает ли он что-нибудь про стремительных такинов? Это дикое, легендарное высокогорное животное — наполовину корова, наполовину антилопа, длинноволосое и очень мрачное по своему внешнему виду. Науке было известно лишь несколько экземпляров данного вида. Нет, Тимо ничего не слышал про такинов. Позже мне удастся локализовать место обитания такиина в Лачунге в Восточном Сиккиме.

Но, — Тимо понижает голос и говорит очень загадочно, — в Сиккиме есть еще одно очень редкое животное, чем-то похожее на буйвола или на яка. Оно появляется внизу близ Цунгтанга в районе проживания лепчасов, на высоте в 4000 метров в самых крутых и самых недоступных горах. Туда никогда не осмеливался ходить ни один белый человек. «Шапи» — это сказочное существо, о котором лепчасы хранят гробовое молчание, так как оно живет на святой горе и такое же святое, как божество. Шапи — это черный дух гор, которому никто не мог причинять обид. Имелось только четыре или пять лепчасов, которые могли похвастать, что видели его. Мне всегда хотелось соприкоснуться поближе с народом, который уединился в джунглях, знал все уловки диких гор и мог жить, месяцами не разводя огня. Так вот он, Тимо, был единственным ныне живущим лепчасом, который собственными глазами видели шапи. Я тут же воодушевляюсь, во мне разгорается неистовый огонь — ярче, чем в самом костре. Шапи-шапи-шапи — мычу я, как бык, чувствуя, как кровь во мне начинает бурлить. Я моментально созвал всех сахибов у себя в палатке и пригласил Тимо, он должен был повторить им все то же самое, что рассказал мне. Мне представилось, что все волшебные духи Гималаев собрались на совет.

«Я верю этому парню, — вскакиваю я с места, — он не мог такого придумать. Я, конечно, не полностью разделяю его фантазии. Но, господа, это может стать самым большим успехом нашей экспедиции. Если это животное существует, то мы хотим и мы должны его обнаружить. И неважно, насколько трудным это будет. Я уже давно предполагаю, что в средней высоты горах живет неизвестный нам крупный зверь. Результаты исследований указывают именно на это». Мы встречаемся взглядами. Я вижу, что у всех горят глаза, в которых пульсирует энергия. «Черт побери, это может стать вещью, которая будет озна-

чать научный триумф Германии. Что тогда скажут господа англичане, которые отстаивают приоритетное право осуществления научных исследований в Центральной Азии? Которые считают себя слишком умными и верят, что никто лучше их не знает Тибет и Гималаи?»

О, святые небеса, а если это действительно правда, если шапи — не порождение азиатской фантазии, не какой-то «мигю», как называют снежного человека, не какая-то прямоходящая обезьяна? Это было бы чудесно.

Тимо утверждает, что четыре года назад он действительно видел шапи своими собственными глазами. Как-то ему потребовался по хозяйству лишайник уснея, которым женщины красят одежды в красивые цвета. Он собрался в дорогу, взяв с собой мешок муки цампа и длинный нож «хау» (мачете). Он два дня шел по джунглям, до тех пор, пока не достиг в поиске нужных растений палеоарктической зоны. Когда на третий день густые джунгли закончились, а лианы сменились елями и рододендронами, он первый раз столкнулся с первыми следами сказочных шапи. Когда он рассматривал снежные вершины, чтобы вовремя уклониться от опасных оползней, Тимо первый и последний раз столкнулся глаза в глаза с этими загадочными существами, которые растворились в горах, прежде чем он успел что-то сообразить. Их было целое стадо. Размером они были как «маленькие яки». Но в растрепанной шерсти они выглядели очень дикими.

Больше Тимо ничего не мог рассказать. Он даже не знал, обитают ли в тех местах шапи до сих пор. Он только раз за разом повторял, что те края были опасными, очень опасными. Он вообще сомневался, стоило ли туда идти с нашими носильщиками и палатками. Как он утверждал, там не было ни одного ровного места, чтобы можно было поставить палатку. Когда я подхожу к нему и говорю, что он должен вместе с нами направиться к тому месту, где видел шапи, то Тимо загорается этой идеей. Но для начала я беру с него слово, что он никому не скажет о наших планах. Я начинаю с того, что заучил слова Тимо о шапи наизусть. Теперь они постоянно крутятся в моей голове

Теперь мы приглашаем к себе всех наших людей: носильщиков, караванщиков и проводников. Мы спрашиваем их, слы-

шали ли они когда-нибудь о животном, которое на языке лепчасов звучит как «шапи». Все отрицательно мотают головами. Только Акхей, браконьер из Гангтока, наострил уши и, подумав, сказал: «Да». Ему было знакомо такое название животного. Но он не стал утверждать, что шапи было до сих пор существующим животным, равно как и не знал, что это слово относится к животному. В одном оторванном от всего мира селе лепчасов он слышал, как люди ругались и обзывали друг друга «шапи». Кроме этого, лепчасы называют самых безобразных людей «шапи»: у тебя лицо, как у шапи¹¹¹. Даже в цивилизованном мире в зависимости от темперамента, уровня образования и местопребывания мы можем назвать наших любимцев, равно как и закоренелых неприятелей, звериными именами.

После услышанных слов настроение у нас улучшилось. Но когда воодушевление стихло, стали возникать вполне закономерные колебания. В итоге все сахибы должны были высказать свое мнение по данному поводу. При этом мы договорились о нескольких вещах. Во-первых, шапи могут нас подождать достаточно долго, а вот оставлять начатую работу недоделанной было нехорошо. Во-вторых, при любых обстоятельствах мы должны были дожидаться конца сезона муссонных дождей, чтобы начать данное рискованное предприятие не в начале этого ужасного сезона, а хотя бы под его окончание. В итоге операция по поиску шапи откладывается, возможно, на следующий год. Надо дожидаться момента, когда погодные условия будут наиболее благоприятны для данной экспедиции. Кроме этого, мы должны были иметь гарантию, что к тому моменту количество удачных научных проектов оправдает все наше тибетское предприятие в целом. Решаться на рискованную операцию можно было в условиях, когда, как говорят альпинисты, «делаешь шаг, когда подстрахован следующий». Затем мы от руки набрасываем карту и пытаемся определить место обитания шапи. При этом Бегер вспоминает, что он, как-то глядя вниз с высокой скалы, на которой даже кружилась голова, заметил бредущих на север двух странных животных, которых, возможно, мы сейчас обсуждали. Наверное, он все-таки видел горных антилоп, которые в тех краях водились в изобилии. В результате мы почти все соглашаемся с предположени-

ем, что загадочное животное должно обитать в труднодоступных горах между долиной Талунг и долиной Лачен. Эти горы были белыми пятнами. Неизвестно, забредал ли кто-либо из европейцев сюда до этого. Теперь мы ведем себя как альпинисты, которые хотят покорить уже давно известную альпийскую вершину так, как этого никто не делал ранее. Если верить описанию Тимо, то можно было с уверенностью говорить, что речь шла о новой группе или даже виде такинов. Поэтому на обложке моего дневника я рисую загадочное животное в стиле первобытной наскальной живописи. Я описываю его так, как себе представляю. После этого Тимо с живым удовлетворением подтверждает, что и рисунок и мое описание очень похожи на увиденное им существо.

Краузе полагает, что это могла быть какая-то особая панда — он уже мечтает о Восточном Тибете. Винерт, напротив, как человек, работающий с четкими числами, слушал нашу беседу весьма скептически. Он не произнес ни слова, только тряс своей бородой и шевелюрой, которая больше напоминала гриву льва. Затем с важным видом жителя Восточной Пруссии он вымолвил: «Ну что же... вера движет горами». Геер, как всегда, был самым большим и несправимым оптимистом. Он был типичным баварцем, которым не знакомы сомнения. Когда пришло время действовать, именно он стал моим спутником.

В течение следующих месяцев мы пребываем в уверенности, что шапи — это разновидность такина. Мы возлагаем на эту версию большие надежды. Не проходит и дня, чтобы мы не вспоминали о сказочном животном. Вечером, когда красные отблески костра играют на наших загорелых лицах, мы строим планы. Нас охватывает воодушевление, которое не знает границ.

Месяцем позже мы прибываем в Лачен. Там Тимо показывает мне старую, абсолютно облезшую шкуру молодого шапи, который много лет назад забрел в долину. Попав в охотничьи уголья лепчасов, он тут же был убит камнями и ножами. Теперь начинается разгадывание ребусов. Я сразу же отказываюсь от версии, что это был такин. С этого времени я начинаю думать о животном, связанном с Кашмиром, Непалом и горами Симла. Оно называется «тар» и известно своим резким и весьма специфическим запахом. Среди английских охотников, которые

подстрелили его, тар пользуется славой благодаря своему мускусному запаху. Облезшая шкура пахнет именно так! Благодаря своему весьма восприимчивому органу обоняния я получил первые подсказки, в каком направлении двигаться дальше¹¹². Дни идут медленно, пока наконец не настает тот момент, когда мы, полные энтузиазма, с полным правом можем приступить к нашему самому большому зоологическому мероприятию. В горах между тем выпал снег, чья глубина иногда достигает метра. Десять дней нас заметает в Канченджанги. В итоге из-за снега не видно даже нашей самой большой палатки — «немецкой залы». Общая численность нашей экспедиции к данному моменту разрослась до 60 ртов. В итоге продовольствия вновь стало не хватать. Если бы святой Хуберт не послал нам несколько толстых голубых баранов, то мы оказались бы весьма в затруднительном положении в горах, где ночью морозы колебались между 12 и 18 градусами ниже нуля. Наутро наши окладистые бороды покрыты белым инеем.

Когда ветра разогнали облака и наконец тропическое высокогорное солнце начал палить и греть во всю силу, мы оказались неожиданно поражены снежной слепотой. Она вывела из строя ряд наших туземцев. Несмотря на наличие темных очков, пострадали и двое из нас. Время от времени нам приходится прерываться, чтобы отдохнули глаза. Когда слепота проходит, мы вновь принимаемся за работу, чтобы успеть закончить начатое.

Нагруженные научными трофеями, мы победоносно спускаемся на высоту в 2700 метров. Теперь у нас есть время выпастись и начать строить более конкретные планы по поиску шапи. Предстоящий путь нам приходится намечать весьма приблизительно. Туземцы не хотят или не могут указать нам ни точного направления, ни дать каких-нибудь ориентиров, чтобы прийти к месту, где обитают шапи. В итоге мы должны идти почти наугад в невидимые дали. Некоторые лаченцы, которые искали заблудившихся яков в этих жутковатых районах, описывают эти места как дьявольски опасные. В итоге Краузе едва ли может надеяться на то, что у него есть хоть какие-то шансы заснять на кинолентку неведомых шапи. В итоге он предпочитает сосредоточиться на диких джунглях вокруг Лачена. Бегер

занимается своими антропологическими и этнографическими изысканиями. Винерт решил на поездку к восточным хребтам, которые он надеялся перейти в каком-нибудь месте, если ему позволит погода. В итоге наша команда разделяется. Наше продовольствие разумно делится на несколько частей. Вечером, перед началом поисков, я стучу по плечу моему верному товарищу Гееру: «Старик, пора начинать». Геер свято убежден, что всегда, когда за дело беремся мы вдвоем, то оно начинается почти сразу же ладиться.

На следующее утро мы помахали рукой нашим приятелям, временно остающимся в лагере. Они кричат нам «ни пуха, ни пера», и наша маленькая походная колонна направляется в южном направлении.

Из-за обилия снега, который покрывает все горные хребты, а также джунгли и чащи рододендронов, мы почти сразу же отказываемся от плана двигаться вперед, в сторону перевалов. Теперь мы хотим осуществить опасный подъем непосредственно из субтропической долины. Мы прощаемся с палеоарктическим регионом и направляемся к Маншитангу, маленькой равнине, расположенной посреди джунглей. Здесь мы оставляем большинство наших носильщиков из числа лаченцев, которые были бы незаменимы в районе Канченджанги или Синиолчу, но в районе, куда мы устремляемся, они почти моментально выбились бы из сил, даже не приблизившись к намеченной нами цели. В нашей свите остаются Тимо и еще три коренастых браконьера.

Геер вместе с Тимо направляется в Цунгтанг, где нанимается четырнадцать крепких лепчасов. Они упорные, как дикие кошки, и способны карабкаться по деревьям, как обезьяны. Только они соответствуют требованиям, которые мы предъявляем в данном походе.

Между тем я хочу изучить долину и примыкающие к ней джунгли, которые почти вертикально возносятся по скалам вверх, на предмет возможности подъема. Кроме этого, я не забываю про свои орнитологические задачи и полутно изучаю птиц. Но затем я поручаю это задание трем лепчасам, которые не только чинят висящий над бурной рекой мост из лиан, но и, облачившись в тряпье, почти целый день продираются сквозь

джунгли в направлении реки, тем самым готовя нам «дорогу». За 12 часов утомительно работы они умудряются расчистить от 3 до 3,5 километров пути. Это поразительная производительность, которую мы не можем оплатить им слишком высоко, так как по ту сторону реки нас ожидает самое примечательное в данной ситуации — многоэтажные джунгли. Когда эти трое лепчасов в шипах и колючках возвращаются к вечеру, утомленные и полностью выжатые, в наш лагерь, я могу им только пожать руку, поблагодарить и выдать по три сигареты. Затем наступает ночь.

Прежде чем тусклые тени полностью покинули тесную долину, я уже проснулся и покинул палатку, чтобы посмотреть, как первые лучи солнца, словно забирающиеся друг на друга, окатывают багряным оттенком величественные соборы скал. Именно туда мы и должны направиться. Там, где горные хребты под острым углом уходят в лазурное небо, должны обитать эти сказочные существа. По мнению людей, ни одно живое существо не может найти там убежища. Эти каменные стены и утесы, чьи снежные карнизы синеватыми отблесками мерцают в моих глазах, могут обеспечить место разве что королевскому беркуту, который в расселине или большой трещине может свить себе гнездо. Но, ради всех святых, как там может обитать крупное млекопитающее? И как мы его должны там разыскивать? От этой картины у меня начинает кружиться голова.

К черту все! Мы должны справиться, это стоит того. Пусть лучше я останусь здесь внизу, в долине, нежели голова начнет кружиться там, наверху. Выбора нет, в этой выси мы должны провести три или четыре дня. Что тогда для нас будет значить жалкая земля, которая останется далеко под нами!

Я беру одеяло и расстилаю его. Когда лежишь горизонтально на спине, вещи выглядят совсем по-иному. В нашей жизни все зависит от того, с какой стороны смотреть на вещи, как и с каким настроением браться за дело. Я лежал так почти битый час, пока наш повар не позвал на завтрак. Я созываю нашу команду: Лозор — наш повар, он лепчас; Мандхой — непальский препарат; Акей — проводник из числа бутанцев. «Итак, юноши, видите, где солнце касается обрывистой скалы, где острый выступ скалы упирается прямо в небо? Там несколько дней будет находиться наш лагерь. Вы рады?»

«Однако очень опасно», — после раздумий соглашается наш повар. Мандхой не говорит ничего, он только улыбается. Акей выхватывает у меня из рук бинокль и долго смотрит вдаль, затем делает шаг назад, словно бы потерял равновесие, и вопросительно взирает на меня. «Ну а что думаешь ты?» — спрашиваю я его. «Я — как барасахиб». Я киваю ему и кладу руку ему на плечо. Акей произносит: «Да, да!» Этот сорванец в полном порядке, с ним можно и лошадей воровать, и на шапи охотиться!

Завтрак был превосходный, что в последнее время было редкостью.

Несмотря на то что в течение двух последующих дней в пути мы пополняем коллекцию еще 60 птицами¹¹³ и у нашей группы не было ни минуты свободного времени, мое настроение тяжелое, как глубокий вздох природы. А может быть, это упоительное спокойствие только предшествует буре? Это ведомо только Всевышнему. Я ненадолго задерживаюсь у одной из скал. Моя голова свободна, только охватывает легкая небесная тоска, когда я оглядываюсь назад. Тополя стоят у дороги уже без листьев, но джунгли зелены и полны жизни. Вокруг абсолютно тихо, только ветер время от времени шумит в кронах деревьев да листья падают на землю, чтобы снова стать землей. Кое-где еще стрекодут цикады. Наступает осень. Мягкая осень тропиков. Без ярких северных расцветок, но с той же самой тишиной. Было бы прекрасно, если бы такие дни не кончались.

Завтра возвращается Геер. Надо надеяться, что тогда все и начнется. Длительное ожидание в подобных ситуациях не является хорошим фактором. В прозрачном воздухе тихо кружатся семена чертополоха. Эти дни мне кажутся вечностью, а ночи — нестерпимой пыткой. Час медленно сменяется новым часом, а прошедший тонет в безграничном океане времени. Все должно получиться! Если у людей не было бы надежды, чем тогда являлась бы их жизнь?

Не создаем ли мы себя из надежды и тоски, из грусти и исполнения сурового мужского долга, за что мы держимся, чтобы черпать новые надежды?

Прежде чем наступает вечер и огромные летучие мыши начинают взмахивать своими кожаными крылами, мелькая в гус-

тых джунглях, большой тропический крапивник заводит свою песню в тишине лесов, будто бы желая вырвать диких животных из дневного сна. И тогда огромные тимелиевые кустарники начинают издавать свои адские звуки, орут обезьяны. Все это продолжается до тех пор, пока не подает свой голос ночная сова и ночные тени не закрывают ущелья.

На следующий день на равнине среди лесов Маншитанга царит оживление. Приближаются морозы, и тибетцы погнали свои стада с высокогорных пастбищ. Начинается сезон больших переходов. Краснокожие сыновья горной страны направляются верхом из Гималаев в Гангток, Калимпонг, Дарджилинг, чтобы продать шерсть, шкуры, ковры и другие пожитки. Рядом с моей палаткой расположилась целая ватага тибетцев со своими детьми и домочадцами. Их лошади пасутся. Высоко наверху сияют белым цветом острые зубцы гор Кулмен. Тишину залитого солнцем дня лишь иногда прерывают унылый крик канюка да звонкий свист боязливого фазана, доносящийся из джунглей. О нашей лишенной отпечатка времени осени напоминает богатство фиолетовых красок цветущих на мшистых столах деревьев орхидей. Девственные леса кишат пестрыми птицами, которых ранняя зима, спускающаяся с ледяных гор, заставляет спускаться ниже к земле. Ландшафт оживает цветными разнообразием: дятлами с ярко-алыми головами, какими-то неизвестными солнечными птичками, чье оперение переливается всеми цветами радуги, робкими дроздами, целой армией пищущих ленок и красногрудыми поползнями. Небо пронзительно голубое, оно уравнивает темные джунгли, сверкая белыми облаками, плывущими над нагромождением отвесных скал. А внизу продолжает шипеть прозрачная вода сине-зеленого цвета, которая продолжает свое вечное путешествие. Здесь можно было бы неделями предаваться мечтанием, если бы нас деятельно не побудили к дальнейшим действиям.

Во второй половине дня прибыл Геер, который нанял носильщиков в Цунганге и распределил между ними задачи. Прибыв в лагерь, он приносит радостную весть, что наша свита будет на месте завтра в 8 часов утра, а стало быть, тогда и надо будет выступать. Боже мой, надо же все привести в порядок и собраться, чтобы к завтра быть готовыми к походу. Проверяют-

ся все банки (плотно ли закрыты), а обувь смазывается. Только тогда мы готовы.

На следующее утро: «Подъем! Подъем!» Наши носильщики берут свои грузы и молча направляются к шумящей реке, где мост из лиан, раскачиваемый даже легким ветром, разделяет два наших мира. Мы принадлежим к тому, где обитают робкие лепчасы, которые иногда воруют вещи, но, завидев белого человека, тут же скрываются в джунглях. Торговый путь живет своей жизнью, позволяя нам свернуть на другую дорогу, которая вздрагивает, когда обрушивается скала и ведет нас в сопровождении дикой песни реки, которая плещется где-то прямо под нами. Но у нас другие планы. И если мы снова пошли этой дорогой, то хотим найти шапи или... Все в руках Божьих! Но не в лапах темных демонов горного мира, в которых верят наших носильщики-лепчасы.

Переход через реку, покрытую белой пеной, — занятие, которое щекочет нервы. Мост угрожающе раскачивается в обе стороны. Мы едва ли не ошупью находим дорогу по прогнившим стеблям бамбука, которые служат настилом, наброшенным на лианы. Все качается, трещит и вибрирует, а под нами с диким ревом несутся пенные буруны неистойвой реки. Большинство европейцев испугалось бы — их по мосту несли бы не менее испуганные носильщики. Но наши туземцы доверяют нам. Мы идем первыми, улыбаясь и подавая пример своим поведением. Повар совершает забавные кульбиты на мосту, даже крошечный Мандхой перебирается через мост, ни разу не скривив лица. Небольшие проблемы возникают с нашими новыми носильщиками. Они несут на себе слишком большой груз. Наши пожитки снимаются, перераспределяются, а затем несколько раз перехватываются крепкой лианой. Но через полчаса форсирование завершается и начинается форменная битва с джунглями. Выхвачены ножи «хау»¹¹⁴, под их стальными лезвиями трещат и рушатся все преграды. Все-таки хорошо, что мы накануне послали сюда наших туземцев, чтобы они проложили путь. За этот день мы едва ли прошли более 500 метров. Мы были все в шипах и легких ожогах от каких-то ядовитых растений. Но предвидя, что нам предстоит пройти по джунглям еще 3,5 километра, наше настроение портится. Лазанье по отвесным скалам, по-

крытым джунглями — занятие очень опасное. Наше продвижение напоминает какой-то нелепый хоровод — то вверх, то вниз. То бушующая река ревет буквально в метре от нас, то мы видим ее вертикально под нами где-то на глубине в сотню метров. Иногда наши туземцы падают кувырком. Они пытаются хвататься за гнилые ветки, но груз опрокидывает их и на время погребает под собой. В затхлом полумраке нельзя разобрать ничего на расстоянии в 20 шагов, а зловещий лабиринт джунглей никак не хочет заканчиваться. Не видно ни неба, ни земли. Повсюду господствуют только глухие серо-зеленые цвета. Жара стоит как в теплице, мы обливаемся потом, который струится по нашим лицам.

Тимо и я отрываемся от всех остальных далеко вперед. Когда он устает, то длинный нож беру я и начинаю орудовать им, расчищая путь, до тех пор, пока мы оба не останавливаемся, чтобы передохнуть. Мы взмокли от пота и влажности. Остановившись, вслушиваемся в эту дикую природу и иногда оглядываемся, не догнали ли нас наши туземцы-носильщики. Только когда поблизости раздается трек веток и мерный стук ножей, сопровождаемый глухими проклятиями, мы берем себя в руки и вновь продолжаем свой путь. Девственные леса почти вымерли. Лесной вальдшнеп, который выныривает из чащи где-то в метре от меня и так же стремительно исчезает, чуть было не испугал меня. Иногда мы видим недавно открытый нами вид пересмешника, да изредка слышим веселую песнь водного дрозда, но даже она не в состоянии заглушить рев бушующей реки. Медленно мы продвигаемся вперед. Травы, плауны и папоротники покрывают землю на многие мили, и ветки кустов и противные лианы постоянно бьют нас по лицу. Джунгли поднимаются на высоту в 60 метров, а потому лианы и корни деревьев свисают до самой земли как канаты. Ни одна птица не могла бы здесь летать прямо. Они обитают в этом призрачном лесу где-то на высоте в 50 метров, но и там им нет простора. Вдобавок ко всем этим неприятностям присоединяются небольшие болотца, в которые мы погружаемся по щиколотку. Для пушного разнообразия кое-где встречаются обломки скал, которые, преграждая нам путь, лежат, опутанные растениями. Расселины, затянутые мхом и ковром из травы, могут в любой момент по-

глотить неосторожного человека. Очень редко встречаются открытые пространства, которые тянутся не более 20—30 метров. Там мы можем видеть реку, примыкающую прямо к скалам. Залитые внезапные светом, мы тяжело ступаем по мягкому песку, на котором оставлена масса следов горалов и серау¹⁵, до тех пор, пока полумрак джунглей вновь не поглощает нас. Сопровождаемая грохотом воды, эта дорога тысячи видений ведет нас в многокрасочную вечность. Но вряд ли может быть что-то более зловещее, чем дикие, непролазные джунгли. Они венчают все то, что мы здесь ранее видели. Если бы мы двигались в куртках, которые могли спасти от шипов и крапивы, то мы, наверное, утонули бы в собственном поту. Облаченные только в легкие рубашки цвета хаки, мы вынуждены полагаться только на собственную сноровку. Любая неловкость тут же наказывалась. В этих огромных чащах возникают собственные маленькие леса из тропической крапивы, которые достигают высоты в 2—3 метра. Каждое неосторожное движение превращается в мучительную пытку. Эта гигантская тропическая крапива обжигает как огонь. Воистину дьявольское порождение. Ее даже нельзя сравнивать с нашей маленькой, безвредной европейской крапивой. Я проклинал все на свете. Я бы предпочел голым залезть в заросли нашей крапивы или сесть на муравейник, нежели испытать еще раз прикосновение этого тропического монстра. Что же нам может помочь? Джунгли смеялись над нами. Но мы должны были продвигаться вперед.

После того как первые километры этой ужасной местности, сопровождавшиеся упорным многочасовым трудом, остались у нас за спиной, мы увидели наконец-то просвет и почувствовали под свои ногами камни. Садимся на валу и ждем наших носильщиков. Ожидание длится очень долго. И вот, к нашей радости, мы видим выплывающее из темноты джунглей лицо выбившегося из сил Геера. Он был арьергардом нашей группы. Несмотря на то что наши носильщики несли вполне посильные грузы и вызвались идти с нами добровольно, а потому не должны были жаловаться, мы оказываемся перед опасностью возникновения бунта. Носильщики не хотят идти дальше. Они уже были сыты по горло этим походом и требовали немедленно разбить лагерь. Их вожак говорит: «Многоуважаемые господа, будь-

те благосклонны и войдите в наше положение. Мы, носильщики, очень устали. Там наверху, — он указывает на высоченную горную стену, — мы не сможем найти ни одного подходящего места, чтобы разбить лагерь, а потому замерзнем. Лучше было бы встать завтра рано утром и за один день добраться до места обитания шапи».

Тем временем перед нами исчезают джунгли и появляется открытое небо. То, что предстает нашему взору, вызывает у нас оторопь, по спине побегает холодок. Перед нами невероятных размеров отвесная стена, от одного вида которой веет темной силой. На первый взгляд, там действительно негде разместиться. Но я разыскиваю взглядом там небольшое ущелье. Оно может брать свое начало у подножия этой дьявольской скалы. «Бедные парни, мне жалко их, но я полагаю, что мы должны двигаться вперед. Что думаешь?» — спрашиваю я Геера. «Ясно дело, они хотят продлить экспедицию на день, чтобы получить больше денег, мол, надо разбить лагерь», — эти носильщики знали, что каждый день обходился нам очень дорого. Мы же должны были экономить наше богатство, нашу валюту, отказываясь от траты каждой третьей рупии¹¹⁶. Если бы у нас было бы больше денег, то наши дела шли не в пример быстрее. Однако нам ничего не остается, как призвать на помощь «магию», которая очевидна для детей природы, но в действительности является только хитроумным трюком.

В итоге я продолжаю: «Если вы полагаете, что мы не найдем так места для лагеря, то смею заверить, что, здесь на этой лесной дороге, не менее опасно. Посмотрите на эту трость!» Я указываю на бамбуковую палку, которую держит в руках Геер. «Вы же все слышали, что шторесахиб может при помощи ее останавливать смертоносные горные обвалы». В самом деле, о Геере и его трости в этих краях ходили просто фантастические истории. Всюду, где бы мы ни появлялись, он был известен как «великий лама». В Зему, где гигантский ледник длиной в 20 километров отходил от Канченджанги и терялся в хаосе огромных гор, не раз приходилось сталкиваться с лавинами и облавами. Однажды наши носильщики были на волосок от гибели. Но Геер, приняв мужественное, волевое решение, спас их. Когда караван с нашими пожитками и провиантом, которым командовал

шторесахиб, приблизился к 500-метровой скале, начался обвал. Глыбы и камни летели прямо на маленькую кучку людей. Туземцы, застряв по пояс в снегу, обезумели от страха. Они потеряли голову и уже было хотели, подобно стаду тупых овец, броситься в ледяную речку, где непременно погибли бы, но Геер инстинктивно оценил ситуацию и понял, что только его личное самообладание может спасти их от беды. Он крикнул Акею: «Удержи носильщиков! И смотрите внимательно, что я делаю». Он стоял посреди камнепада. Вокруг него рушились глыбы, а он не двигался с места. Небеса ему благоволили, так как во время этого бедствия в него попал лишь маленький камешек, угодивший в колено. Но Геер не сдвинулся с места. Когда сверху катился огромный валун, который летел прямо на нашего товарища, тот поднял свою знаменитую бамбуковую палку и указал на эту глыбу. В тот же момент огромный камень ударился о другую глыбу и остался лежать на месте. Произошло чудо, которое туземцы видел своими собственными глазами. Отныне они были уверены, что шторесахиб был в состоянии останавливать камнепады и обвалы. Тогда туземцы лишь втянули голову в плечи и, не озираясь, пыхтели, как яки, посреди обвала, который был шириной в 60—80 метров. Они имели непоколебимо веру в шторесахиба, который явил им чудо, как великий лама страны божеств. Но Геер, с его нестерпимо болевшим коленом, не был таким. Однако смертоносные глыбы умчались прочь.

Спасенные носильщики облепили Геера как репейники и целый час не отступали от него. Когда же Геер прибыл в Цунганг, чтобы нанять там людей для участия в нашем походе за шапи, там не было отбоя от желающих, так как все прослышали рассказы о чудесах, которые творятся в большой немецкой экспедиции. Эта чудесная история, к которой я апеллирую, приводит к весьма успешному результату. Наши носильщики без лишних слов берут груз и, выгнув спины, продолжают путь. Я смог убедить их в том, что наш «наш великий лама» при помощи своей волшебной трости уже подготовил нам место для лагеря.

Без каких-либо намеков на ворчание и возмущение наши усердные лепчасы выстраиваются в ряды и мерным шагом начинают нелегкий подъем.

В целом это восхождение стало для нас самым большим испытанием из всех, которые только были ниспосланы нам. Узкая долина, которая принимает нас, почти со всех сторон замкнута отвесными скалами. Нам приходится вставать друг другу на плечи, чтобы, используя такие импровизированные ступеньки, подниматься вверх. Лепчасам гораздо легче — они карабкаются по скалам, как обезьяны. Наверху ужасно холодно и пустынно, здесь могут обитать разве что суровые сарау. Эта версия подтверждается многочисленными следами и признаками пребывания здесь этой робкой горной антилопы. Над нами возвышаются на сотни метров крутые стены скал. Они притягивают нас как магнит!

Если бы мы не поставили себе задачу найти загадочных сказочных существ, если бы в данных условиях подъем на эти горы не был первым этапом к нашему успеху, тогда бы, как благоразумные люди, мы отказались бы от данной затеи. Мы бы просто сказали себе: «Не получилось. Но у других ведь тоже не получилось. Почему мы должны быть первыми, кто осуществил это рискованное предприятие?» Но разве оно не стоит того? Знаем, что стоит. И этого нам вполне достаточно.

И мы воодушевляемся этим дьявольским аттракционом, когда нам надо карабкаться по утесам, зубцам и выступам. Гонимые своим желанием, мы будем обходить опасные горные участки. Нам не раз придется вброд форсировать горные реки, когда наши носильщики будут скакать за нами, как белки.

Трудности, с которыми мы сталкиваемся, лишь помогают нам перенести наш путь. Мы оказываемся в самом диком месте этих диких гор, от чего испытываем легкомысленную радость. Если эти шапи жили не так высоко, разве их уже не открыли бы для науки? Чем удаленнее, тем лучше. Чем больше становится водопадов, чем круче становятся горы, чем глубже становятся пропасти, чем сильнее идут более похожие на густую лаву селевые потоки, тем активнее становится наш азарт. Чем труднее для подъема становятся покрытые водорослями скалы, чем неприступнее делаются бастионы гор и хребты, которые божественная природа возвела вокруг этого сказочного животного, тем сильнее нам хочется его обнаружить. Наш интерес к «черному духу гор» усиливается с каждым часом.

В итоге мы ползем все выше и выше. Нагруженные нашим багажом носильщики давно отстали от нас. До нашего слуха доносится лишь удаляющийся с каждым часом рев реки. Я решаю остановиться у высохшего потока селя и дожидаться Геера, который весьма рискованно скачет с глыбы на глыбу. Солнце, которое, пожалуй, только летом в зените освещает эту узкую долину, поднялось уже очень высоко. Рвущиеся в небо зубцы гор поблескивают пурпурным цветом. На их склонах сбиваются в плотную массу покрывала облаков.

«Собственно, теперь можно подумать о том, чтобы разбить палаточный лагерь», — едва ли не хором говорим мы. Мы озираемся. Смотрим наверх и по сторонам. Геер посылает вопросительный взор. Все настолько хорошо, что даже смущает. Мы планируем расположиться у небольшого водопада близ одной из скал, где течет вода.

«Что думаешь?» «Да, — отвечает Геер задумчиво. — Если мы навалим камней, то может получиться родник».

Когда мы решаем приблизиться к журчащему горному ручейку, чтобы получше изучить эту местность, скала метает вниз несколько огромных обломков. Они, поднимая кучу пыли и разваливаясь на несколько кусков, падают именно туда, где час спустя стояла бы наша палатка. «Ну что за подлость!» «Ты слишком рано радуешься, старая скала! Тебе никогда не переломать нам кости!» «Надо бы подняться на сотню или двести метров выше, там должен быть такой же небольшой водопад».

И действительно, мы находим почти идеально ровную площадку в несколько квадратных метров, на которой нет риска быть засыпанными камнями. «Я бы обосновался здесь, — говорит Геер. — Когда носильщики доберутся, мы уберем валуны. Из джунглей сверху мы принесем дрова, и все будет в полном порядке». Тимо остается с Геером. Он хочет помочь ему в подготовке площадки для лагеря. В это время я вместе с охотником-лепчасом поднимаюсь еще на 500 метров, чтобы прикинуть наш завтрашний путь, а заодно попытаться приблизиться к горалам и серау.

На нашу беду, начинает моросить дождик. Но нам все-таки удается добраться до выбранной цели, и тут, я готов признать с великим стыдом, я не знаю, что делать дальше. Подниматься

еще выше не представляется возможным, так как путь завален обломками скал и любое приближение к ним является большой опасностью. С высоты 100—150 метров падает горный ручей. Он падет на камни и разбивается на тысячи брызг, превращая эту тесную площадку в сплошную изморось. Слева находится отвесная скала. Справа рискует начаться оползень, так что подниматься с грузом по нему является опасной затеей. Пути дальше нет.

Нам только и остается, что войти в пещеру, чтобы выкурить там по одной полупромокшей сигарете и посмотреть на все происходящее глазами двух фаталистов. Нужно было основательно поразмыслить, что делать в данной ситуации, не особо полагаясь на помощь богов. Языком жестов — ревуший водопад не давал возможности разобрать ни одного слова — я в соответствии со всеми правилами мимического искусства пытаюсь объяснить лепчасу, что мы застряли на этом горном карнизе и пути дальше нет. Я подозреваю, как окажется, не беспочвенно, что суеверные лепчасы хотят сбить меня с пути. Они делают это для того, чтобы проклятые белые в их дьявольской спешке не смогли в конце концов заполучить их священного животного. В качестве ответа лепчас с хитрой лисьей физиономией вытягивает руку из пещеры, как бы проверяя направление ветра, а затем отряхивает ее и, улыбаясь, качает головой. Он словно хочет сказать: «Я сделал все, что мог, но боги сильнее нас». Я понимаю, что мне может помочь только один человек, и его зовут Тимо. Во всяком случае, я знаю, что завтра к вечеру мы должны были быть уже посреди мест, где обитали шапи. В то, что Тимо наврал нам, я никогда бы не поверил.

На обратном пути мы находим еще несколько источников, вода в которых очень сильно отдает минеральной солью. Известковый налет покрывает тонким слоем тропы горалов и серау. В одном месте на соляной почве я вижу почти метровое углубление, подобное тем, что делают горные антилопы, чтобы отдохнуть и освежиться. В другом месте из гранитной скалы бьют небольшие молочно-белые источники. Именно там во впадине у скалы я обнаруживаю старый, почти окаменевший помет животного. Он особой формы, которой я раньше никогда не видел¹¹⁷. Как это часто делают туземцы, я поднимаю засохшие ис-

пражнения, растирая их между пальцами. Нет никакого сомнения, они здесь с прошлой зимы.

«Что это?» — я показываю помет лепчасу. Он тут же делает непроницаемое лицо и таращит на меня глаза. Лицо старого браконьера ничего не выражает. У меня возникло желание съездить ему по физиономии, но я только лишь кричу: «Какому животному принадлежит этот помет?» Его глазки начинают бегать; понимая, что отказ ответить может иметь для него печальные последствия, лепчас соглашается, что это помет шапи. Я тут же набил свою сумку этими старыми испражнениями.

Когда мы спускаемся с каменного карниза, то я нахожу место, просто идеально подходящее для того, чтобы разбить палаточный лагерь. Тут Геер еще раз отличился: он был почти внесен в пантеон лепчасов, так как умудрился поставить палатку без единой складки. Выбоины и неровности на каменной площадке были заполнены песком, так что ночь мы проводим в сладком сне. Мы собираемся с силами для нового дня, которому было суждено стать одним из самых удачных дней нашей экспедиции. Днем, который никогда не сотрется из нашей памяти. Если он не был самым знаменательным днем нашего путешествия, то все равно был богат событиями настолько интересными, что я вряд ли испытывал нечто подобное раньше.

Все началось с исключительно чистого и прозрачного неба. Когда красное солнце роняло лучи на стены скал, то те бросали на нас сотни мерцающих искорок. Встав рано, буквально на заре, мы радостно прислушивались к бушевавшему рядом водопаду и видели, как смягчаются и отступают черные тени. Находившиеся над нами небольшие джунгли были опутаны туманом.

Мы торопливо завтракаем и собираемся в путь. Тимо пытается убедить лепчасов прочитать христианскую молитву, чтобы избавить их от суеверий. Он то угрожает, то сулит все блага мира. После вчерашней находки у нас нет никаких сомнений в том, что шапи — не выдумка. Они реально существуют. Но нам предстоит найти их, а для этого нам нужны лепчасы, хотя бы для того, чтобы окончательно не заблудиться. Лабиринты в этих горах просто ужасные. Наш лагерь, располагающийся посреди скалистого ущелья, словно оказался в мышеловке.

Нам не помешал бы добрый совет. Но спрашиваем мы совсем немного. Мы подбадриваем нашу команду и набираемся мужества. Лепчасы тем временем набивают свои животы жареным рисом¹⁸. Они карабкаются, как акробаты, по скалам и только иногда ищут место, чтобы присесть. Мы тем временем идем в разных направлениях, чтобы осмотреть при помощи биноклей максимально возможную площадь. Все кажется безнадежным, но мы предчувствуем, что нам предстоит что-то великое. Это просто чувствуется. Вскоре мы возвращаемся в покинутый нами лагерь, откуда уже начинается тянуться синеватый дымок костра, который быстро разносится ветром.

Даны последние указания. После этого я, Тимо и наиболее лояльно настроенный охотник-лепчас, в полном смысле слова надежный парень, направляемся по тому же пути, что я проделывал вчера. Пересекая небольшой горный ручей, мы вновь приближаемся к горному водопаду. По моему мнению, дальше пути нет. Я спокойно позволяю Тимо и лепчасу попробовать подняться наверх чуть левее высокого грязекаменного нагромождения. Мне самому это не удастся, по крайней мере до тех пор, пока я не встречаюсь с этими детьми природы. Я всегда удивлялся их спокойствию и осмотрительности. Очень осторожно, чтобы не вызвать обвал, они преодолевают одну глыбу за другой. Такое ощущение, что они делали это ежедневно. Я следую за ними. Я начинаю подозревать, что лепчасы, с лица которых постоянно не сходит легкая улыбка, обладают каким-то особым шестым чувством. Их взор, острый как у орла, способный даже из камня выдавить воду, непрерывно устремлен куда-то вверх.

Когда лепчас наконец останавливается и дает мне время перевести дыхание, в голове мелькает: «Ну вот, все закончилось. Теперь он скажет, что не знает, что дальше делать». Но юркий азиат наклоняется, поднимает ногу и упруго прыгает, как дикая кошка. Чудится, что он знает здесь каждый камешек, каждую точку опоры. Когда подпрыгивает Тимо, я считаю его безумцем. Когда они приняли все меры, чтобы подпереть камни другими камнями, я начинаю карабкаться за ними. На мне тяжелые сапоги, а потому мне не удастся двигаться столь же точно. Поэтому я поднимаюсь очень медленно, я выверяю каждый шаг, преж-

де чем делаю его. Иногда они оба буквально втаскивают меня наверх, я почти взлетаю.

Босой лепчас помогает поддерживать себя широкими плоскими пальцами ноги. Словно гимнаст, он скачет все выше и выше. Тимо следует за ним едва ли не след в след. Я плетусь где-то позади. Иногда я рискую сорваться. Вот-вот, и полетел бы вниз. Я проклиная свою обувь. Сползание на каких-то пять сантиметров может означать неминуемую смерть. Но я стискиваю зубы и ползу, пока мы не достигаем высоты 40—50 метров над руслом речки и спасительный карниз не становится значительно ближе. Но тут появляется новая проблема — в скалах фактически исчезли все выступы и трещины.

Скользкая стена высотой в 10 метров кажется неприступной даже для лепчаса. Будь она неладна!

Придерживаемый с двух сторон своими спутниками, я бросаю взгляд вниз. Наши носильщики, приведенные в движение Геером, кажутся мне крохотными черными точками, которые лезут на скалы. Они держат направление на нас! У меня только одна мысль — только бы им удалось.

Наши пальцы хватаются за стену и соскальзывают, не находя опоры. Меня охватывает душасщее чувство безнадежности и беспомощности, какое бывает только во сне.

Но тут мы осматриваем друг друга и громко смеемся. Откуда-то у нас появились новые силы. Итак, вперед!

Тимо и я сцепляем руки и подсаживаем лепчаса. Он встает на наш замок двумя ногами, после чего мы начинаем медленно поднимать его. Он встает нам на плечи, на головы... Толчок... и парень приклеивается к отвесной стене всеми четырьмя конечностями. Теперь он мне напоминает поползня, который скользит по стволу дерева. Но лепчас спрыгивает. Он считает, что слишком широко расставил ноги. Снова толчок, прыжок, и туземец достигает стебля бамбука. Ему удалось забраться на стену.

Теперь снизу я подсаживаю Тимо. Лепчас протягивает ему сверху жесткую бамбуковую палку. И несколько минут спустя Тимо стоит на твердой почве. Оба они отламывают длинные стебли бамбука, за которые я мог бы ухватиться. В итоге они почти безопасно доставляют меня наверх.

У нас позади самое трудное. Но что мы имеем? Геера, носильщиков и наше оборудование? Удастся ли?

Ну почему мы оставили в Лачене канат и веревки? Сейчас они нам ой как пригодились бы! Но с другой стороны, это значительно уменьшило вес нашей поклажи, которая в силу ограниченного количества носильщиков не должна быть слишком тяжелой. Но сейчас это может стоить нам головы¹¹⁹. Что-то не так, и нас могли по частям собирать где-нибудь внизу.

Итак, вскоре нож хау выхвачен, нарублены и расщеплены длинные стволы бамбука. Они растрепаны на волокна, из которых сплетены веревки, которые привязываются к корням деревьев и сбрасываются по отвесной стене. Чтобы проверить прочность данной конструкции, лепчас и Тимо дважды поднимаются и спускаются по ним. Только так мы можем помочь нашим носильщикам, которые и так являют чудеса трудолюбия и выносливости.

Волнительный момент. Некоторые носильщики противятся, чтобы им помогали. Они сами плетут веревки и поднимают на них наш груз. Это представление продолжается почти целый час, пока все носильщики и Геер не прибывают благополучно в высокогорные джунгли. Наш авантюрный поход в горы продолжается.

Если вчера нам приходилось продираться через чащи лесов с тропической крапивой и беспорядочно переплетенными лианами, то теперь мы оказываемся в субтропических джунглях, где преобладает бамбук. Их лучше всего сравнивать с титаническим пшеничным полем. Теперь нам предстоит прорываться через лес тысячи кинжалов. Длится это шесть или семь часов. Всюду, куда ни кинь взгляд, бамбук. Он даже на земле. Под листвой гниют твердые обломки бамбуковых ветвей, которые постоянно втыкаются в подошвы босых ног наших носильщиков.

Но действительно опасными являются лишь пересечения покрытых толстым слоем водорослей канав, по которым можно соскользнуть на сотни метров вниз. Кругом болотистая местность. Стебель бамбука, за который, пошатнувшись, я хочу ухватиться, вырывается из земли вместе с корнями. Меня охватывает паника, я теряю равновесие. Сейчас для меня все закон-

чится трагически. Но тут подсказывает храбрый охотник-лепчас, который хватает меня за руку, дергает меня и придает мне устойчивую позицию. Не случись этого, я бы скатился по самой длинной горке. Катание, скорее всего, было бы последним в моей жизни.

Солнце слепит нам глаза, и мы почти ничего не замечаем. Попадая в полумрак, мы тоже ничего не видим. Я вижу только бесконечные полосы. Мы почти весь путь молчим. Мы слышим только стук ножей хау, рубящих бамбук, да гнилую воду, хлюпающую у нас под ногами. Лепчас, идущий передо мной, с фанатичным остервенением сносит стебли бамбука, расчищая путь нашей группе. Каково же мое удивление, когда я замечаю острый сруб уже почерневшего от времени бамбукового побега. Это значит, что здесь до нас были люди. Кто знает, может быть, много лет назад наш охотник сам поднимался в эти края, чтобы выследить шапи и убить его ради мускуса? Старый лис многозначительно молчит и лишь расплывается в хитрой улыбке, когда я говорю, что много лет назад срубленный бамбук — это его рук дело.

Многое мне непонятно. Мне неясно, чем я должен восторгаться больше: невероятным чутьем этих недоверчивых людей, являющихся почти хищными животными, или упорством и выдержкой, едва ли понятными европейцу, с которыми наши носильщики продолжают свой трудный путь. Каждый раз, когда мы опускаемся, чтобы перевести дыхание и немножко потянуться, наш отдых длится не более 5—10 минут, до тех пор, пока нас не догоняет первый носильщик. Они всегда идут вслед за нами, улыбаются. А когда они опускают свою ношу и мы угощаем их несколькими сигарами, то они вне себя от счастья. Все сигареты тут же скуриваются без остатка. Не сетуя и не ворча, они приседают на корточки, как стая больших обезьян. Они чистят свои раны, которые нанесли им кинжалы сломанных бамбуков, и так же покорно продолжают свой путь.

Геер и я не перестаем поражаться лепчасами. У нас не укладывается в голове, что эти люди добровольно пришли к нам на службу, что они последовательно исполняют все наши приказы со страдальческими отрешенными лицами. При этом они вы-

носливы, как кошки. Даже наш повар, сам из лепчасов, и непалец Мандхой хором утверждают, что никогда с подобным не сталкивались. При этом, несмотря на то что оба не несут никакой поклажи, они еле держатся на ногах.

Под вечер мы достигаем новой климатической зоны, и растительность меняется. Заросли бамбука, которые до этого момента простирались насколько хватало глаз, становятся редкими. Все чаще попадаются рододендроны, чья высота составляет 8—10 метров, а листья по своему размеру достигают 40 сантиметров в длину и 15 сантиметров в ширину¹²⁰. Они придают окружающей местности зловещий и унылый вид. Их полуметровые в обхвате стволы извиты и изломаны настолько причудливо, что не можешь избавиться от мысли, что ты попал в сказочный лес. Все напоминает о заколдованных чащах из наших детских историй, где тайком под корнями вели свое незаметное существование забавные кобольды и хитрые гномы.

Как только солнце стало садиться и коснулось крон деревьев, посреди нашего пути выросла огромная скала. В ней виднелась пещера. Наломанные и засохшие ветви у входа в пещеру говорят мне, то здесь когда-то ночевали охотники-лепчасы.

Именно здесь мы хотим разбить свой лагерь. Поэтому мы просто оставляем всю лишнюю одежду и предметы и, соблюдая все меры предосторожности, пробираемся вперед по крутому склону, чтобы забраться там на деревья и оглядеться. Там, на другой стороне ущелья, мы видим открытое пространство. Высоко над густой листвой сверкает белый снег. Самое удивительное состоит в том, что мы почти с высоты птичьего полетазираем на наш старый лагерь. К этому моменту мы поднялись на высоту около 3000 метров. Завтра нам предстоит подняться еще на 1000—1300 метров, чтобы достичь границы, на которой заканчиваются леса.

Чтобы быть более уверенным в завтрашних планах, я забираюсь на дерево еще выше. В самом деле, я вижу, как заканчиваются джунгли и моему взгляду предстают неслыханно дикие края. Слева внизу видно продолжение вчерашней теснины, которая возвышается как минимум на 2000 метров. Вся эта при-

родная конструкция увенчана почти идеальной пирамидой. Вот она, священная гора лепчасов — Пиму Канчен!

Правая сторона долины представляет собой единый, голый каменный оползень, груды обломков скал, которая почти на тысячу метров поднимается ввысь по склону. Даже сейчас до меня доносятся звуки камнепадов и гром падающих глыб.

Через расколотую гору были видны горные дворцы, где, как я надеялся, на осеннее стойбище останутся шапи. Так как там лежало еще не очень много снега, то можно было предположить, что эти животные не ушли в удаленные уголки джунглей. Буквально незадолго до этого мы нашли на одной квадратной глыбе большое количество старых экскрементов животных, что еще раз подтверждало мою версию. В сумерках уходящего дня я разрабатываю вплоть до мельчайших деталей план действий на завтра.

Это рискованный план, но он дает гарантию того, что мы сможем в кратчайшие сроки обнаружить места обитания разыскиваемого нами животного. Но здесь, наверху мы, вряд ли сможем находиться более четырнадцати дней, так как мы не предусмотрели трудностей, которые могут возникнуть с продовольствием.

Задание Геера заключалось в том, что он со своими туземцами должен был подняться еще на тысячу метров, пробиться через джунгли и хвойные леса, чтобы разбить новый лагерь как можно ближе к линии снегов. Кроме этого, он должен был подыскать ровную площадку, где вечером должны были расположиться я, Тимо и охотник-лепчас. Мне самому не оставалось ничего иного, как двигаться к находящемуся в серой тени оползню и преодолеть его.

Все было несложно в планах, но на практике осуществить данную затею оказалось не так уж просто. Никто из нас не имеет ни малейшего представления, возможно ли вообще пробраться наверх и поставить палатки в безопасном от камнепадов месте. Осторожный лепчас пытается меня отговорить. Извергая целый поток слов, он пытается меня убедить в том, что несколько дней было бы целесообразно работать, выдвигаясь из данного лагеря. По-видимому, он боится, что мы причиним вред его шапи, а потому хочет предотвратить наш поход любыми средствами. С другой стороны, он находится под моим влиянием, а

потому вряд ли решится обвести нас вокруг пальца. Это вдвойне сложно, так как я уже имею представление о том, в какой местности нам предстоит работать. Тимо, напротив, очень воодушевлен. Он отвергает все сомнения лепчаса о том, что там слишком опасно, что за линией снегов мы можем не найти воду. Тимо рвется в бой.

Ближе к ночи мы возвращаемся в лагерь у пещеры. Геер каким-то чудом умудрился поставить палатки посреди джунглей на крутом склоне. Под защитой крон деревьев, при свете разгорающегося костра наше жилище кажется каким-то уютным кукольным домиком. Скучный ужин сготовлен, и мы позволяем себе после тяжелых дневных трудов поболтать. После того как путевые дневники заполнены, а наш верный повар сообщил, что завтрак на будущее утро уже почти готов, мы, успокоенные, ложимся спать. Завтра будет не только очень тяжелый день, но и очень ранний подъем. Если мы, конечно, хотим справиться с заданиями, намеченными на будущий день. Ночь выдалась очень тихая.

Утром нас будит крик трагопана¹²¹, который раздается совсем близко с лагерем. Мы поднимаемся с рассветом, чтобы начинать действовать. Предусмотрительно я упаковываю термос с еще дымящимся рисом и кроме прочего захватываю с собой еще два свитера. В этот день у меня гораздо больше шансов, что я буду ночевать в холодном снегу или в морозной пещере, нежели во влажных джунглях, как в эту ночь. Эти веселые перспективы отнюдь не портят нам настроения, а значит, не должны портить и сам день.

Кроме этого, мы преисполнены уверенности, и потому с чистой совестью готовы посвятить себя нашим заданиям.

Моим самым заветным желанием в этот день является намерение получить предельно ясный ответ на вопрос: есть здесь шапи или все-таки их здесь нет? Бодрые и целеустремленные, жадно вдыхая горный воздух, мы входим в ослепительно прекрасное высокогорное утро.

Когда после длящегося часами упорного карабка навверх я присел на камень, чтобы отдохнуть, в спокойствии и невозмутимости рассмотреть дикий пейзаж, раскинувшийся вокруг меня, мне впервые в голову приходит осознанная мысль. Разве

не чудо, что этот дикий благородный зверь Сиккима, шапи, до сегодняшнего дня совершенно ускользнул от наших английских предшественников? Один уже этот факт как нельзя лучше характеризует Сикким. Его дикие долины еще никогда не посещались белыми людьми. Отсюда даже орел вряд ли мог долететь за час до Золотого храма столицы.

Таким образом, эта маленькая страна самых возвышенных природных красот и самых больших контрастов остается все еще страной загадок и тайн. Как призраки, по джунглям бродят лепчасы, которые так строго оберегают свои тайны, будто бы речь идет об охране их королевства. Я мечтаю и слушаю нашего охотника-лепчаса, который в почтении преклоняется перед вершиной Пимпу Канчен. Для него она — божество. Оно охраняет шапи, животное тумана царства расколотых гор, зияющих трещин и необозримого великолепия цветов. Здесь голубые примулы распространяют свое колдовство небесного цвета даже в ноябре. Здесь бесформенные рододендроны имеют титанические размеры. Здесь обрывки облаков-блуждают в бешеном танце, а холодные скалы звенят от бьющей их воды и грохота многочисленных камнепадов. Высоко над нами золотистый ягнятник плывет в кругах полета. Но мы должны идти дальше по селю, по камням, по оползням. Под нашими ногами исчезает зияющее ущелье, которое мы вскоре теряем даже из вида. Мы поднимаемся по крутым склонам и видим, как под нашими ногами вниз соскальзывают многотонные глыбы, которые утаскивают за собой лавину более мелких камней. Мы сидим, ползаем, ходим, но мы постоянно обыскиваем почву. Мы делаем это до тех пор, пока я, сияющий от счастья, не поднимаюсь, держа в пальцах темный волос шапи. У нас появляется новая надежда. Чем выше мы поднимаемся, тем живописнее становится пейзаж. Скалы вокруг такие чудесные, что это сложно себе даже представить.

Не здесь ли, меж сверкающими снежными лужайками и нависающими камнями, пасутся шапи? Нужно понимать, что так оно и есть. Следы на жесткой почве, которые мы встречаем все чаще и чаще, являются доказательством этого предположения. Итак, нам надо все выше и выше.

К этому времени я потерял ощущение реальности. Для меня все уже не имело ни начала, ни конца. Но мы должны подни-

маться по склонам. И мы поднимаемся, с каждым часом приближаясь к месту нашего назначения.

Сейчас я удивляюсь, как мы не сломали себе шею в первые же полчаса пути. Иногда прерываясь на отдых, мы поднялись на 600 метров, чтобы обыскать новую местность. Можно было бы оглянуться назад, вниз, но мне становиться страшно, и я еще сильнее впиваюсь подошвами ботинок, в которые специально вбиты гвоздики, в каменистую почву. Мои спутники, босые как гекконы¹²², легко карабкаются по скользкому склону. Внезапно оба устремляются ко мне, будто бы за ними гнался нечистый дух. Они тяжело дышат, не могут произнести ни слова, только отчаянно смотрят наверх и указывают туда руками. Они тычут в район границы снегов, где имелся небольшой источник.

Я перехватываю их взгляд, и мы тут же все приседаем, затем тихо ползем в одну из щелей в скале. Там, наверху, выстроившись в длинный ряд, двигаются темные точки. Они напоминают нитку жемчуга, которая протянулась от скалы до водного источника. «Шапи! Шапи!» — срывается с уст дрожащего как осинный лист охотника. Тимо и лепчас придерживают меня с двух сторон, чтобы я не сорвался вниз. Я слегка приподнимаюсь и пытаюсь в бинокль разобрать неуклюжие очертания сказочных животных. Я насчитал девять животных. Через некоторое время их остается только пять. Остальные исчезают в скалах. Сбитые их копытами камни катятся нам навстречу, таща за собой новые камни. Но оползень быстро остановился, подняв облако пыли. Испугавшись грохота камней, шапи с дивной сноровкой скачут с валуна на валун, сохраняя свое построение цепочкой. Животные черной окраски пристально вглядываются вниз. Они неподвижно смотрят прямо на нас.

Божественная картина! Незабываемый вызывающий взгляд этих самым великолепных существ сиккимского неисследованного горного мира, в котором читалась инстинктивная робость, запомнился нам на всю жизнь.

У большинства зрелых баранов раскидистые рога, длинная шерсть, которая производит впечатление, что голова этих животных без шеи переходит непосредственно в черное сильное, мускулистое тело. Теперь я могу разобрать самок шапи и подросших детенышей. Все смотрят вниз, чтобы найти возможную

опасность. Наконец животные, в которых не менее 200 фунтов веса, начинают легко прыгать по скалам, словно они резиновые мячики, а не бараны. Когда я нахожу их взглядом через несколько минут, то эти искусные скалолазы поднялись где-то на высоту в 100 метров. Они преодолели это расстояние за невероятно короткий промежуток времени и готовы скрыться за скалами. Для нас это непостижимо. При более близком изучении местности я обнаружил, что нет никакой возможности приблизиться к этим пугливыми животным на расстояние выстрела. Да и на охоту в этой обманчивой скалистой местности мог решиться только безумец. В итоге нам ничего не остается, как подняться на 600—800 метров, чтобы попытаться выследить диких животных непосредственно у скал. Хотя момент для этого выбран не самый подходящий, без каких-либо сомнений мы решили им воспользоваться.

Наша поспешность вызвана тем, что над долиной в 20—30 километрах от нас начинают собираться тучи. Приблизительно через три-четыре часа они должны были достигнуть нас! Но тогда мы едва ли сможем еще раз выследить шапи. Вперед и только вперед, даже если мы при этом переломаем себе все кости! Мы поднимаемся стремительно, фактически не организуя привалов, во время которых мы могли хотя бы толком отдохнуть. За нами следуют призраки облаков, которые длинной темной вереницей приближаются к нам. Как раз когда мы оказались на самом опасном участке нашего пути, над нами начал накрапывать дождь. Очевидно, что шапи предпочтут перебраться в другое место. Я не могу точно оценить расстояние на этой дьявольской местности, я даже не могу прикинуть, когда эти черные животные окажутся на расстоянии выстрела. Это какое-то сумасшествие! После того, как шесть пуль безрезультатно шлепнулись в далекие скалы, мы начинаем на полном серьезе задаваться вопросом, не отводят ли нам глаза горные духи. Хотя лепчас, кажется, уже знал заранее, что шапи были невосприимчивы к данным пулям.

Мы продолжаем карабкаться по скалам, и через несколько часов достигаем их гребня. На несколько мгновений нас окутывают плотные облака. С быстротой молнии они поднимаются вверх и достигают нас. Мы ничего не можем разобрать на

расстоянии в двадцать шагов. Вдобавок ко всему дует ледяной ветер. Мы потеряли видимость почти на целый день.

На другой стороне гребня скал мы приседаем в запутанной чаще кустарника. Становится холодно. Выждав момент, мы продолжаем свое движение. Но прорываться при помощи ножей хау через заросли в два человеческих роста кажется нам слишком длинным и весьма утомительным занятием. Поэтому мы выходим из кустарника, огибаем его и свободно спускаемся по каменным склонам. Камни под нашими ногами не держатся на месте! Они летят вниз на тысячу метров. Жутковато.

Но скоро мы попадаем в неудобное место, где нам путь преграждает скала. Мы вынуждены ее огибать. Приходится вытаскивать ножи и вновь погружаться в запутанный кустарник. Лезвия ножей издают громкие звуки — нам приходится рубить крепкие как железо сучья. В итоге нам все-таки удается прорваться. Мы крадемся к выступающему гребню. Справа от нас море рододендронов, а слева — неприступная скала. Нам приходится прыгать по покрытым мхом каменным глыбам. Внезапно одна из них оседает под Тимо, который идет рядом со мной. Раздается гром и грохот. Каменная лавина устремляется вниз.

Тимо на моих глазах начинает соскальзывать вниз. Я хватаю его за голову двумя руками, остановив буквально перед пропастью, где бесследно исчезают камень за камнем. Я крепче упираюсь ногами в землю, чтобы дотащить Тимо до линии рододендронов. Я останавливаюсь и пытаюсь все осмыслить, только когда под ногами земля становится мягче, а сам слышу, как трещат корни и втеки. Значит, мы выбрались из обвала, конструкция из корней деревьев сможет нас удержать.

Внезапно лепчас издает страшный крик, который до сих пор стоит в моих ушах. Он напоминает вопль человекоподобной обезьяны, которая предчувствует свою смерть. Он ужасный и горестный. От него перехватывает дыхание. Но в секунду смертельной опасности все силы мобилизуются.

В отчаянии я швыряю Тимо из всех сил, так что несколько мгновений он буквально парит. То, что случается дальше, очень сложно описать словами. Все происходит слишком быстро. Во всяком случае, я чувствую, как лепчас хватается за мою руку. Мы образуем цепь. Мы устремляемся все втроем, сцепив-

шись друг с другом, от предательского гребня вверх, в безопасную чащу. Мы спасены.

У меня в висках стучит кровь. Тимо скривился в странной улыбке. Только лепчас, встряхнув головой, ставит свои босые ноги на снег и продолжает путь. Для него это само собой разумеющееся. Чуть позже мы сидим на скалах и внимательно прислушиваемся к туману. Время от времени мы кидаем взгляд и зияющую глубину, но облака закрывают ее от нас. Последующие пять дней мы идем в холодном, плотном тумане, который на самом деле является облаками. Мы прячемся в пещеру, чтобы готовиться к привалу. Время от времени мы прислушиваемся. Некоторое время спустя до нас доносятся приглушенные голоса. Несколько минут мы сомневаемся. Однако до нас все ясней доносится стук топоров. Это наши носильщики. Мы ликуем. Для нас это значит, что не надо спать в промозглой ледяной пещере, а можно будет забраться в теплый спальный мешок. Сейчас для нас не надо чего-то большего. Как мы только передохнули, мы выходим из пещеры и по пояс в снегу направляемся к двум носильщикам, которых Геер выслал на наши поиски. Когда мы возвращаемся в лагерь, я рассказываю сияющему от радости Гееру, как все было.

Но заполучить шапи оказалось нелегко. Почти пять полных дней нас окружает влажный туман. Мы сидим в своих двух палатках и страдаем от бездеятельности, которая начинает нам действовать на нервы.

Но внутри холодной палатки все выглядит замечательным. С потолка падают капли и загоняют нас поглубже в спальные мешки. Так что едва ли не целыми днями можно писать путевые дневники. В путь я направляюсь, имея в провожатых Геера. Он является самым спокойствием. Его фатализм в подобных безвыходных ситуациях является просто сокровищем. По ночам он спит спокойно, как медведь в берлоге, лишь иногда издавая храп. Я же, напротив, не могу заснуть. Все мои мысли крутятся вокруг Лхасы. Я начинаю в буквальном смысле слова изводить себя. Утром Геер привычно выходит в наш палаточный лагерь. Посмеиваясь, он читает мне лекцию о благодатности смирения. Он предлагает не думать о вещах, на которые нельзя повлиять и которые нельзя изменить. После этого он вновь за-

бирается в спальный мешок и продолжает спать. Позже, днем, я декламирую отрывок из «Фауста», после чего между нами вспыхивает спор о мстительных горных духах. Но прежде чем мы начали спорить, мой приятель от души выпался. В эти дни он спит сном праведника. Просыпаясь, он думает, что это лучшее, что он мог бы сделать в данных условиях. Он никогда не нервничает и не портит себе настроение.

После еды мы спонтанно начинаем шуметь. В тот день мы ели на первое рисовый суп с луком, а на второе — рис с яблоками. Никакого мяса. Изю дня в день мы едим одно и то же. Каждый день мы не пьем ничего другого, кроме чая, который имеет привкус древесной золы. Да и то этот чай является едва ли не десертом. Изю дня в день одно и то же.

Так проходят эти пять ужасных дней. Мы уже едва ли можем передвигаться по палаткам, которые высотой чуть больше метра.

Вечером мы долго сидим у костра и беседуем с лепчасами. От них мы узнаем, что бог Канченджанги дал в жену божеству Пимпу Канчен свою единственную дочь, приданым которой как раз являлись шапи. Поэтому шапи являются священными животными. Особенно они чтятся в окрестностях горы Пимпу Канчен.

На пятый день мы направляемся к месту большого оползня. Гсер видит впервые в своей жизни шапи. Мы находим их там, где и сами увидели в первый раз. Они, как и прежде, легко двигаются по смертельно опасной для жизни местности. Когда я указываю на разрыв в облаках, который находится на расстоянии в километр, он радостно кричит: «Да они же похожи на медведей!» Сравнение не самое плохое, так как эти доисторические горные животные, хотя и являются жвачными, но в своих длинных темных шкурах (у самцов с длинными светлыми гривами, спадающими до колен) они действительно похожи на медведей, только травоядных. Но когда мы охотимся на них последующие десять дней, то понимаем, что охота на шапи гораздо сложнее, чем охота на медведя. По сравнению с тем, что нам предстояло, охота на медведя была просто детской забавой. И хотя выпавший снег загнал животных в более низкие районы гор, но это не меняло факта, что предстоявшая нам охота была очень опасным для жизни делом.

Охотник Акай и носильщики лепчасы

Однажды Геер чуть не сорвется в пропасть. В последний момент его подхватит ловкий лепчас.

Целыми днями мы ползаем по джунглям и по обваливающимся скалам. Целыми днями мы ведем опасную для жизни игру, но все тщетно. Каждый раз шапи оставляют нас с носом. Нам кажется, что никогда не удастся поймать шапи. Я даже начинаю подумывать о проклятии лепчасов. Сами же они посмеиваются над нами. Так длится до тех пор, пока старый охотник не сообщил мне наутро, что молил ночью божество Пимпу Канчен, чтобы он нам ниспослал одного шапи, в качестве платы за наше усердие и труды.

Этим утром я почему-то склонен доверять этому старому охотнику с внешностью хитрого лиса. Но к вечеру я возвращаюсь в лагерь пустой. Я вынужден, к своему стыду, признать, что промахнулся. Пуля не попала в черное как смоль животное. Я вновь сомневаюсь, подействовала ли молитва старого охотника. Но я поклялся узнать размеры шапи, как бы сложно это ни было.

На следующий день мне повезло. Мой первый шапи с пулей в правом боку с высоты в сотню метров падает вниз. Упав, он остается лежать. Я ликую. Но теперь предстоит многочасовая работа, чтобы извлечь из пропасти убитое животное, вес которого составлял не менее 250 фунтов. Когда в свете садящегося

ся солнца мы стоим перед «черным духом гор», то сердце мое выпрыгивает от радости. Это настолько странное и причудливое животное, что я никогда не видел в своей жизни ничего подобного. У меня нет никаких сомнений в том, что это сказочное животное с закрученными рогами, чем-то похожее на тара, является не известным науке новым видом. Наша многодневная рискованная операция увенчалась успехом. Мы оставляем эти страшные места. Иногда у меня замирало сердце, когда я видел, как несущие мою драгоценную добычу лепчасы скакали по шатким камням, рискуя свалиться вниз. Нагруженные, они шли целыми днями до тех пор, пока все-таки не заработали по серебряной рупии. Мы охотно платим им эти деньги, так как они очень рисковали в походе, который увенчался нашим открытием.

Мы были довольны и смогли только благодарить горное божество. После 15-дневного пребывания в горах нам удалось составить необходимую для науки серию шапи¹²³. Наши сердца были переполнены радостью и гордостью.

НАШ ПОХОД В ЛХАСУ

Я никогда не забуду тот день, когда услышал радостный победный крик моего приятеля Геера. Он, задыхаясь, бежал по высокой траве. В руке он держал долгожданное письмо, запечатанное пятью печатями. Он вручает мне официальное сообщение тибетского правительства. Позволю себе привести его буквальный перевод.

«Для ознакомления передать немецкому господину, доктору Шеферу, мастеру ста наук.

От всего сердца благодарим за Ваше письмо, которое мы получили 12-го дня 9-го английского месяца вместе с двумя ящиками подарков, которые содержали граммофон, музыкальные пластинки и два полевых бинокля.

То, что касается лично Вас и сопровождающих Вас немцев: господина Винерта, господина Геера, господина Краузе и господина Бегера (всего не менее пяти персон), вместе с которыми Вы намеревались в качестве первых немцев посетить Лхасу и осмот-

*Регент Рединг Римпоче
со своим слугой*

реть священные тибетские монастыри, то мы доводим до Вашего сведения, что въезд в Тибет раз и навсегда запрещен всем иностранцам.

Хотя из опыта мы знаем, как трудно заниматься хотя бы двумя делами сразу же, но желаем, чтобы все Ваши начинания сбылись. Мы понимаем, что Вашей истинной целью является желание увидеть нашу святую страну, познакомиться с ее религиозными учреждениями, а также укрепить дружбу. Для ознакомления с ней мы даем Вам разрешение посетить Лхасу и оставаться там в течение 14 дней. Разумеется, это делается при условии, что Вы обязуетесь не

причинять горя тибетскому населению, не убивать никаких птиц и животных, что могло бы в высшей мере оскорбить религиозные чувства тибетцев, причем не только духовенства, но и обычных граждан.

Отнеситесь к этому благосклонно!

Отправлено кашагам, тибетским советом министров в 3-й день 1-го месяца года огненного тигра».

Это был огромный успех.

У нас на руках было приглашение тибетского правительства, и нас, как первых немцев, желали видеть в священной столице Лхасе. Наше ликование было неопишным! Наши текущие научные проекты в Северном Сиккиме завершались. Форсированными темпами мы возвращаемся в Гангток, чтобы начать готовиться к большой экспедиции в Лхасу. Мы не можем планировать конкретные сроки, но, принимая во внимание политическую напряженность, возникшую в отношениях между Германией и Англией, мы считаем необходимым отправляться в путь безотлагательно, чтобы достичь Лхасы как можно быстрее.

Караван нашего самого большого предприятия стартует в декабре 1938 года, несмотря на то, что ожидалось наступление морозов.

Ко всему этому можно добавить, что 21 декабря 1938 года в праздник зимнего солнцестояния мы пересекли тибетскую границу и направились к горному озеру, которое располагалось на высоте в 4000 метров. Для нас это великий день. Мы сидим вокруг нашего маленького радиоприемника и слушаем слова рейхсфюрера СС Г. Гимmlера, который является нашим покровителем. Его спокойный голос, переносимый радиоволнами, звучит откуда-то из Судетской области. Мы молча хватаем факелы и направляемся, сопровождаемые нашей верной туземной командой, к берегу озера, где в отблесках огня мы клянемся, что вопреки всем трудностям и самой смерти мы выполним наше великое задание. В начале нового светового года мы стоим на границе огромной таинственной страны. Все зимние заботы забыты. Нам предстоит что-то грандиозное и чудесное.

Когда тяжелые ночные тени, окутанные долинным туманом, начинают таять и исчезать, 22 декабря 1938 года наш караван продолжает свой путь. Несколько часов спустя мы поднимаемся на высшую точку в этих краях — вершину Нату-ла, отделяющую Сикким от Тибета. Лучший солнечный свет заливает горы, когда наши верные провожатые останавливаются у обо¹²⁴, чтобы привязать флажок с молитвой и принести жертву горным божествам. Далеко на юге, над индийской равниной, раскинулось безграничное море серебристых облаков. Но на севере и на востоке небо безоблачно.

Перед нами лежит долина Чумби, которая, как клин тибетского ландшафта, идет далеко на юг, пролегая между Бутаном и Непалом. Достаточно близко громоздятся зубчатые гребни бутанских Гималаев, которые постепенно растут в северо-восточном направлении, чтобы открыть нашему взору грандиозную панораму закованного в вечные льды могучего Чомолари. Эта красивая гора возвышается на расстоянии в 70 километров. В течение целой недели она будет нашей постоянной спутницей, нашей провожатой. У восточных проходов Чумби, прикрываемых с запада горным массивом Паухунри, виднеется

Тибетские воины

эта самая величественная гора мира, которая даже прекраснее Синиолчу! Она возвышается над степями на высоту в 7300 метров, и в отличие от Синиолчу она не теряется среди соседствующих с ней гор.

Тибетский ландшафт немислим без долины Чумби. Она уже давно является яблоком раздора между Бутаном, Сиккимом и Тибетом. Обрамленная с двух сторон горными хребтами, она ведет из Ятунга через Сикким прямо в Индию. По сути, это единственные врата в Тибет. Жители этой плодородной местности, охраняемой почти со всех сторон величавыми горными хребтами, являют собой смесь тибетцев, бутанцев и сиккимцев. По этой причине очень сложно выявить их расовые корни. В прошлые времена махараджа Сиккима, чьи владения некогда простирались до Чомолари, пребывал во время сезона муссонных дождей именно в долине Чумби. Но затем она была завоевана тибетцами. После этого воинственные бутанцы, используя проходы в горах, стали наводить ужас на жителей долины.

Во время разбойничьих набегов из Бутана они убивали мирных жителей, угоняли их скот. Только англичанам удалось навести порядок в гималайском «треугольнике»¹²⁵, что они стали использовать в собственных целях.

Почти все крупные караванные пути, идущие по тибетским краям на высоте 4400 метров, проходят у подножия Чомолари. Но здесь располагается и Пари, населенный пункт, который наряду с Литангом в Восточном Тибете я считаю самым грязным местом на земле. Пари — это почтовая станция и перевалочный пункт для караванов, которые идут из Индии в Лхасу и наоборот. Дела здесь ведет тибетский губернатор, которого назначает правительство в Лхасе. Он должен здесь представлять интересы (в первую очередь торговые) Тибета. Мы знакомимся с гу-

*Тибетский преступник,
отбывающий наказание*

бериатором и находим в его лице доброго друга и помощника. Весь день в степях вокруг Пари лютует пронзительный холодный ветер, что мешает моим товарищам работать. Винерт пытается вести наблюдения в своей палатке, которую он поставил несколько в стороне. Он трудится с усердием дикаря, пока наконец ему не удастся завершить своим геомагнитные замеры. Мы несказанно довольны тем, что этот ужасный населенный пункт остался у нас за спиной. Миновав Танг-ла, мы углубляемся в степи. По пути мы снимаем киянгов, этих диких тибетских лошадей-ослов, которые нашли свое место обитания в этой бедной растительностью местности у пойм рек. На их счастье, в этих краях зимой выпадает очень незначительное количество снега. В противном случае эти невзыскательные и выносливые животные были бы обречены на мучительную голодную смерть.

Совершенно замерзшие, но с приподнятым настроением, ближе к вечеру мы въезжаем в населенный пункт Туна, состоящий из нескольких плотно прижатых друг к другу домов¹²⁶. Окрестности Туны являют нашему взору импозантную панораму блестящих вершин бутанских Гималаев, которые, как пальцы,

Соревнования лучников

устремлены в небо. Над ними скопились тучи, которые летом закрывают занавесом дождей все ледяные вершины. Более наглядно нельзя себе представить рубеж между двумя климатическими поясами. На юге, в Гималаях и Индии, царит ад муссонных ливней, а на севере простираются залитые солнцем высокогорные степи Тибета.

Это может прозвучать невероятным, но факт остается фактом. Здесь, в Туне, на высоте в 4800 метров над уровнем моря, весьма успешно выращивается ячмень.

Наш путь, проходящий через Дотчен, приводит нас в Калу, где мы надолго прощаемся со степными просторами. Мы берем курс на северо-восток, к Гьянцзе (4130 метров над уровнем моря), третьему по величине городу Тибета. Время от времени нам попадаются караваны с шерстью, которые направляются в Индию. Дикие тибетцы с огрубевшими от ветра лицами, в лихих лисьих шапках на головах, невозмутимо продолжают свой путь. Иногда нас обгоняют тибетские почтовые повозки, которые сделаны полностью из кожи. На символическом копые, возвышающемся над этими повозками, позвякивают колокольчики. Правящие повозкой тибетцы являются веселыми и неприхотливыми людьми. Именно благодаря им осуществляется обмен почтой между Лхасой и сиккимским пограничьем. Звук колокольчиков должен предупреждать шайки разбойников, что это не торговый караван. Это не только символ азиатских почталюнов, но и их специфическая защита. Чем дальше мы двигаемся на север, тем ниже становятся ландшафты. Небольшие горы, которые являются редкостью в этих степях, представляются мне могучими пристанями, которые с нескольких сторон окаймляют искусственно орошаемые поля и скудные поселки азиатов.

Неделю за неделей мы видим залитый солнцем ландшафт. Он почти не меняется с того момента, когда мы впервые пересекли тибетскую границу. Захватывающая игра света и тени, которая сопровождает нас с раннего утра до позднего вечера, примиряет нас с безграничными просторами. Впрочем, летом над этой бескрайней страной иногда двигаются снежно-белые, скомканные облака, которые несутся, как табун лошадей.

Два дня спустя мы достигаем Гьянцзе. Справа и слева от нас громоздятся гранитные скалы. Эта величественная балюстрада окаймляет всю дорогу, ведущую нас в «красное ущелье». При выезде из этого ущелья мы видим одинокую статую Будды, которая должна благословлять усталых путников и караванщиков, охраняя их от угрозы камнепадов. Весной 1904 года в этих краях шло ожесточенное сражение между экспедиционным корпусом Френсиса Янгхасбэнда и отчаянно воевавшими тибетцами, которые хотели оградить свою страну от влияния жаждавшей власти европейской державы. Многие сотни тибетцев полегли здесь под ураганным огнем пушек и пулеметов, которым они могли противопоставить только древние кремневые ружья, которые заряжались вручную через ствол. Англичане штурмовали горные склоны и захватили весь Южный Тибет. После

Летние празднества в Гьянцзе

этого тибетская армия собралась у крепости Гьянцзе, чтобы дать свое последнее сражение. Несмотря на героическое сопротивление тибетцев, они были разбиты и путь на Лхасу был открыт. Именно там в 1904 году Великобритания навязала этой горной стране свои условия. С великим ужасом и горечью тибетцы вспоминают о тех временах. Один из них сказал мне, что это была неравная борьба: «Против хорошо вооруженных воинов вышли почти дети». Чем ближе мы приближаемся к Гьянцзе, тем шире становятся долины, тем больше мы встречаем людей. Повсюду виднеются села и деревушки. Внезапно появившаяся искусственная роща, которая окружена каменной стеной, является первым признаком роста благосостояния местных жителей.

Высоко на горных склонах или на скальных террасах вдали возвышаются небольшие ламаистские монастыри. Чем ближе мы приближаемся к Гьянцзе, весьма культурному городу, тем больше становится монастырей. Все чаще и чаще нам попадаются живописные руины. Мы непосредственно сталкиваемся с остатками древней культуры, которая не имеет ничего общего с современной тибетской архитектурой. На высокой горной террасе мы видим древний монастырь, который привлекает наше

*Лама благословляет
нищего странника*

повышенное внимание. А рядом с ним находятся руины, остатки строения древней загадочной цивилизации. И то, и другое, соседствуя, одновременно попадет в поле нашего зрения.

Неожиданно горы расступаются, и перед нами открывается продуваемая ветрами земледельческая равнина окрестностей Гьянцзе. Пейзаж оживляется многочисленными кружащими в диком танце смерчами, которые, как призраки, носят над землей. Летом, когда посреди засушливой долины на песчаном грунте цветут не-

большие рощицы, колосятся поля, укрытые голыми горами, это место должно быть раем, оазисом высокоразвитой человеческой культуры, который возник на лунном ландшафте Тибета.

Как для многих тибетских долин, так и для Гьянцзе весьма характерно, что на ней в результате когда-то бушевавшей вулканической деятельности вдруг появляются крутые горные вершины и возвышения каменной породы. Это остаточные вершины, которые находились когда-то в тесной связи с близлежащими горными массивами. Но сегодня они высятся лишь как острова геологического мусора, которыми покрыты все равнины Тибета. «Страна утопает в своих собственных обломках породы», — сказал как-то выдающийся тибетский геолог. И он был прав. Немногочисленные тибетские реки не обладают той разрушительной силой, которая способна тащить за собой к далеким морям каменные глыбы и валуны. В итоге страна задыхается в массе каменных обломков своих гигантских гор. Многие из далеких степных озер пересыхают именно по этой причине. Там, где сейчас располагаются поля, где деревушка примыкает к деревушке, где мозаично разбросаны крепости, некогда могучие природные стихии являли свою мощь и неистовство.

В этих южных краях тибетцы развивали не только земледелие, но и животноводство, итогами которого мы не можем любоваться. Наряду с ячменем, пшеницей, горохом и гречихой здесь возделывается также картофель, который пришел в Тибет через Бутан еще во времена Уоррена Гастингса. Интересно отметить, что тибетцы вывели особый сорт ячменя, который вызревает всего за два месяца. Этот представляющий для нас исключительный интерес сорт «60-дневного» ячменя возделывается только в Халдене и Штайлхангене, где возможно наладить искусственное орошение. Лишь в июне, когда проходят первые слабые дожди, начинается сев этого ячменя, который убирают уже в августе, а в сентябре начинают новый сев.

Среди домашних животных наряду с собаками, кошками, курицами, свиньями и овцами здесь можно увидеть прирученных яков. В хозяйстве используются самые разные гибриды яка и коровы. Все зависит от того, какие функции ему отведены: должно ли животное давать молоко или мясо, или вообще использоваться как тягловое.

Праздничное выступление борцов

Весной можно увидеть, как яки, чьи рога и головы украшены разноцветными кистями, тянут за собой плуг, послушно двигаясь вдоль борозды. Тибетец, который пашет подобным способом, немногословен — можно слышать лишь, как он усердно бормочет под нос молитвы, а следующие за ним жена и дети сеют зерно.

Тибетцы — это весьма доверчивые и исключительно набожные люди. Для них ламаизм — это не только форма связи с духовным миром, но и суть всей их жизни. Поэтому животных украшают цветными кистями. Эти амулеты должны отогнать злых духов.

В Тибете все проникнуто религией. Каждое проявление жизни для тибетца связано с религиозными представлениями. Летом, когда тибетским крестьянам выпадает несколько спокойных дней между посевом и сбором урожая, они стекаются со всех окрестностей долины Гьянцзе в величественный монастырь Пелкор Чеде, чтобы принять участие в ламаистских танцах и быть свидетелями тому, как злые духи, которые могли бы собраться в долине, изгоняются. Во время этого летнего праздника, проходящего под открытым небом, тибетцы демонстрируют свой веселый национальный характер. Если есть на свете люди, которые могут презирать время, праздновать и находить

успокоение и счастье в безделье, то это прежде всего тибетцы — люди, которые умеют жить.

Если есть в мире страна, где устанавливаются догмы и оглашаются законы, которые никого не направляют, и никто не заботится об их соблюдении, но они блюдутся, чтобы сохранить уважение себе и к своей семье, то эта страна — Тибет. Тибетцы не обременены условностями, им неведомы представления о морали и нравственности в их европейско-христианском смысле. Они живут в свое удовольствие, справляют праздники, пьют цанг, любят женщин и обожают побездельничать. Они счастливы и довольны, как маленькие дети во время веселой игры.

Даже ламы желтой секты в целом не обращают внимания на множество предписаний и запретов, которые возлагаются на них религией. Даже высшие служители культа являются здесь слишком человеческими.

Фантастически красивые, дикие ламаистские танцы, которые проходят во время летнего праздника в Гьянцзе, сопровождаются пиршествами под открытым небом, стрельбой из лука, соревнованиями всадников, скачками и другими красочными, живописными играми.

Гьянцзе, несмотря на свое значение крупного торгового центра, также является центром тибетского ковроткачества. Тутая, плотная, почти жесткая «дикая шерсть» тибетских овец как нельзя лучше подходит для изготовления ковров. К счастью, европейские концерны не протянули свои щупальца до этих областей высокогорного Тибета. Тибетские ковры изготавливаются при помощи естественных красителей, которые проделывают долгий путь из горных лесов Бутана и Сиккима. Там они добываются из коры, листьев, корней и таинственных плодов. Ковроткачество в Тибете не имеет фабричного размаха — оно привилегия состоятельных крупных семей. Сами ковры производятся ремесленным способом в специальных помещениях или прямо на низких крышах домов, в которых проживают знатные семейства. Ткачи сидят скрючившись перед своими станками и монотонно поют грустные песни, считая звонкие хлопки челнока да иногда прерываясь на чтение молитв в таком же однообразном ритме. Есть что-то прекрасное в этой связи в знатных домах Тибета между господами и слугами, между дама-

ми и служанками. Все принадлежат к одной семье, но каждый знает, где проходят границы дозволенного. Есть прекрасная тибетская пословица, которая гласит: «Если скончается господин китайского слуги, то тот умрет с голоду. Если умрет повелитель тибетской семьи, то слуги будут ездить на лошадях». Нет никаких сомнений в том, что тибетцы — это истинные азиаты, которые беспощадны и жестоки в обращении со своими врагами. Тибетцы — мастера выдумывать дьявольские пытки и бесчеловечные мучения, но при этом они очень мягко и приветливо обходятся с животным, слугами, женщинами и своими друзьями.

Изо дня в день над зимними просторами и пустыми пашнями близ Гьянцзе бушуют сильные ветра, поднимающие в воздух кучи песка и пыли. Мы, получив свежих животных, вновь поднимаемся в горы, чтобы на этот раз достичь Лхасы. Через величественную Каро-ла едем в восточном направлении в районе сверкающего бирюзой озера Ямдрок Цо (4400 метров над уровнем моря). Даже днем становится холодно. Мы радуемся, если за сутки удастся покрыть расстояние в 40—50 километров. Ледяные ветра так и норовят выбить нас из седел. Но какие незабываемые переживания нам доставляют виды озера Ямдрок Цо!

Фотография бедного тибетца

Когда заканчиваются границы тибетского земледелия, а вместе с ними и места проживания оседлых тибетцев, мы вновь встречаем многочисленных кочевников, которые передвигаются от выгона к выгону. Они ведут беспокойное путевое существование и изредка успокаиваются, чтобы дать своим коням отдохнуть. В этих заброшенных пустошах, продуваемых со всех сторон ветрами, мы все чаще и чаще встречаем путников — странников с копьем или посохом в руках, которые тащат все пожитки на своем горбе. Они направляются в да-

лекие страны, чтобы влачить жалкое существование, выпрашивая милостыню или грабя одиноких путников. Имеются и фанатичные, полубезумные паломники, которые пытаются дойти до Лхасы, стоя на коленях. Такие в постоянном поклоне кружатся вокруг оплота ламаизма. Но есть и совершенно другие, волки в овечьем обличье. Они одеты в одеяния лам и держат в руках четки. Но за их поясом спрятан острый как бритва кинжал. Такие выходят на караванные тропы, чтобы дожидаться доверчивую жертву. Но большинство паломников обоего пола — безвредные чудаки, которые увешаны амулетами и волшебными коробочками. Они прибывают из восточной провинции Кхам, где живут не только самые гордые и прекрасные тибетцы, но и самые жестокие и кровожадные разбойники.

Тибетский паломник

Мы проводим в окрестностях озера последние дни. Синеватый призрачный лед, сковавший величественное Ямдрок Цо, и застывшие зубцы могучих ледников создают воистину фееричную картину. В какой-то момент дорога резко поворачивает, и озеро остается у нас за спиной. Направляясь на север, мы поднимаемся на перевал высотой в 4700 метров. Верховья Камба-ла являются исторической и естественной границей между двумя самыми большими и самыми важными провинциями Тибета: «Ю»¹²⁷ и «Цанг»¹²⁸. Здесь мы опять видим удивительную панораму. За нами, где-то 300 метров внизу, тянутся степные горы и лежит ярко-голубое, удивительно спокойное озеро. По обе стороны мы видим гребни гор. Перед нами мы в первый раз замечаем серебряную блестящую петлю, которую образует река Цангпо (Брахмапутра) — главная водная артерия Южного Тибета.

ми и служанками. Все принадлежат к одной семье, но каждый знает, где проходят границы дозволенного. Есть прекрасная тибетская поговорка, которая гласит: «Если скончается господин китайского слуги, то тот умрет с голоду. Если умрет повелитель тибетской семьи, то слуги будут ездить на лошадях». Нет никаких сомнений в том, что тибетцы — это истинные азиаты, которые беспощадны и жестоки в обращении со своими врагами. Тибетцы — мастера выдумывать дьявольские пытки и бесчеловечные мучения, но при этом они очень мягко и приветливо обходятся с животным, слугами, женщинами и своими друзьями.

Изо дня в день над зимними просторами и пустыми пашнями близ Гьянцзе бушуют сильные ветра, поднимающие в воздух кучи песка и пыли. Мы, получив свежих животных, вновь поднимаемся в горы, чтобы на этот раз достичь Лхасы. Через величественную Каро-ла едем в восточном направлении в районе сверкающего бирюзой озера Ямдрок Цо (4400 метров над уровнем моря). Даже днем становится холодно. Мы радуемся, если за сутки удастся покрыть расстояние в 40—50 километров. Ледяные ветра так и норовят выбить нас из седел. Но какие незабываемые переживания нам доставляют виды озера Ямдрок Цо!

Фотография бедного тибетца

Когда заканчиваются границы тибетского земледелия, а вместе с ними и места проживания оседлых тибетцев, мы вновь встречаем многочисленных кочевников, которые перемещаются от выгона к выгону. Они ведут беспокойное путешествие и изредка успокаиваются, чтобы дать своим коням отдохнуть. В этих заброшенных пустошах, продуваемых со всех сторон ветрами, мы все чаще и чаще встречаем путников — странников с копьем или посохом в руках, которые ташат все пожитки на своем горбе. Они направляются в да-

легкие страны, чтобы влачить жалкое существование, выпрашивая милостыню или грабя одиноких путников. Имеются и фанатичные, полубезумные паломники, которые пытаются дойти до Лхасы, стоя на коленях. Такие в постоянном поклоне кружатся вокруг оплота ламаизма. Но есть и совершенно другие, волки в овечьем обличе. Они одеты в одеяния лам и держат в руках четки. Но за их поясом спрятан острый как бритва кинжал. Такие выходят на караванные тропы, чтобы дождаться доверчивую жертву.

Тибетский паломник

Но большинство паломников обоего пола — безвредные чудачки, которые увешаны амулетами и волшебными коробочками. Они прибывают из восточной провинции Кхам, где живут не только самые гордые и прекрасные тибетцы, но и самые жестокие и кровожадные разбойники.

Мы проводим в окрестностях озера последние дни. Синеватый призрачный лед, сковавший величественное Ямдрок Цо, и застывшие зубцы могучих ледников создают воистину фееричную картину. В какой-то момент дорога резко поворачивает, и озеро остается у нас за спиной. Направляясь на север, мы поднимаемся на перевал высотой в 4700 метров. Верховья Камба-ла являются исторической и естественной границей между двумя самыми большими и самыми важными провинциями Тибета: «Ю»¹²⁷ и «Цанг»¹²⁸. Здесь мы опять видим удивительную панораму. За нами, где-то 300 метров внизу, тянутся степные горы и лежит ярко-голубое, удивительно спокойное озеро. По обе стороны мы видим гребни гор. Перед нами мы в первый раз замечаем серебряную блестящую петлю, которую образует река Цангпо (Брахмапутра) — главная водная артерия Южного Тибета.

Экспедицию приветствуют в Лхасе

Зимой эта река, мягко текущая между горами, едва ли шире сотни метров. Однако летом, когда начинается таяние снега и грохочут сильные грозы, она превращается в бурный поток, который с ревом несется с запада на восток, чтобы пронести свои воды через Индию. Там от водопада к водопаду она меняет свое направление. В районе Калькутты она сливается с Гангом и широкой дельтой впадает в Бенгальский залив, окончательно растворяясь в водах Индийского океана. В тихом благоговении и с внутренней радостью мы достигаем наивысшей точки данных мест. Теперь события сменяют друг друга с неожиданной стремительностью. Два дня назад на неуклюжих суденышках мы переправляемся через Брахмапутру. Вечером мы выезжаем в небольшую тибетскую местность Чусул, которая располагается к северу от реки. Комендант замка и гражданский губернатор встречают нас с распростертыми объятиями. По поручению правительства мне передают белое шелковое церемониальное покрывало¹²⁹. В просторном чистом доме, куда нас проводила делегация высокопоставленных тибетских чиновников, я присаживаюсь на почетное место — под балдахином. В почтенном поклоне к нам приближаются несколько слуг, которые хотят нам вручить несколько подарков от тибетского правительства. Вскоре после этого появляется священнослужитель из Лхасы, который интересуется, в каком часу мы намерены на следующий день въехать в священную столицу. Поскольку тибетское правитель-

ство и высшие духовные лица Лхасы хотели нам организовать подобающий прием, то я предельно точно сообщаю о времени нашего прибытия.

Я узнаю о том, что высшие чины правительства в генеральском звании и ламаистский аббат (именно так указано в отчете Шефера — А. В.) хотят встретить нас за 3—4 мили до города, чтобы выказать нам уважение Лхасы. Во время торжественной церемонии обмена белыми шелковыми покрывалами нам объявляют, что как первые немцы, посещающие священную столицу этой таинственной страны, мы являемся самыми желанными гостями. Именно тогда, когда мы почти достигли самой желанной цели нашей экспедиции, за нашими спинами начались политические интриги. Но об этом я расскажу отдельно. Но в тот момент нам ничто не могло помешать, чтобы утром второго дня в первый раз увидеть вдаль башни и зубцы золотых крыш Поталы. Там мы ведем себя как азиаты. Перед городом слезаем с лошадей и раскланиваемся перед оплотом ламаизма, этим Ватиканом буддийской религии. Несколько часов спустя мне предоставлена высокая честь ввести первую немецкую экспедицию под сень царственного дворца Потала.

За несколько дней пребывания в столице страны богов мне удастся разрушить все интриги, которые тонкой паучьей сетью стали плестись вокруг нас. Из первоначально запланированного двухнедельного пребывания в Лхасе наш визит превратился в двухмесячное нахождение в этом священном городе. Почти сразу же с «живыми божествами» и представителями тибетского правительства нас стали связывать узы сердечной дружбы. Время, проведенное в Лхасе, — это самое большое мое научное переживание. Вряд ли мне придется пережить еще раз нечто подобное.

Мы покидаем гостеприимную Лхасу, когда священные черные журавли, зимовавшие здесь, собираются улетать. Потянулись косяками дикие гуси, начинают ворковать сизые голуби, а в гнездах воронов вылупились птенцы. Нас ждут впереди новые задания.

Я вбил себе в голову, что мне, как первому белому исследователю, надо изучить древнюю столицу Тибета Ялунг-Подранг. Несколько дней мы следуем на восток. За это время мы пере-

*Фотографии
высокопоставленных тибетцев*

шли перевал Гокар-ла, высота которого составляет 5200 метров. Прибыв в Самье, мы вновь оказываемся в долине величавой Брахмапутры. Мы следуем вниз по ее течению. Мы продолжаем свое весьма утомительное путешествие по песчаным пустыням до тех пор, пока не оказываемся в Цетанге на реке Цангпо, одном из крупных тибетских городов, в котором проживает более трех тысяч жителей.

Цетанг очень знаменит. Здесь, согласно верованиям тибетцев, от связи самца обезьяны и демоницы произошел людской род. Именно здесь в Тибете возникло земледелие. Здесь рождалось множество святых. Этот город не раз посещал великий Падмасамбхава. Крыши города блистают новогодними украшениями. Повсюду шелестят флажки с молитвами. А на прибрежных ивах начинают набухать почки — первый признак того, что скоро наступит новый вегетативный период.

Для Цетанга являются характерными многочисленные чортены, которые живописно возвышаются над окрестностями.

В этих строениях вечному покою преданы тела великих лам. По своей архитектуре они восходят к индийским ступам. В целом почти все религиозные памятники похожи на пирамиды.

В данном случае они должны символизировать ламаистский пантеон и отдельные элементы Вселенной: землю, воду, воздух, огонь. Навершие этого сооружения должно обозначать эфир — трансцендентную материю Вселенной. Но это лишь одна из многих интерпретаций, которую тибетцы дают конструкции чортенов. Другая версия деления основной части постройки на четыре части является не чем иным, как архитектурным воплощением формулы таинственной молитвы: «Ом мани падме хум». За день мы тысячи раз слышим эти слова. Мы читаем их на камнях у обочины дороги, на скалах, на стенах домов — она почти повсюду. Она написана на каждой ручной молитвенной мельнице. Мы встречаемся с ней в монастырях и на горных склонах, где она выложена гигантскими буквами из белого кварцита. Эта загадочная формула витает над страной. К чему ни прислушайся, куда ни глянь, рано ли утром, поздно ли вечером, в тусклых ли залах храмов или на заоблачных перевалах, в домах ли богатых или в хижинах нищих, из года в год миллиарды раз повторяется: «Ом мани падме хум — Ом мани падме хум».

Цетанг находится у входа в защищенную от всех ветров райскую долину Ялунг-Подранг. На половине пути между этими двумя городами находится некое подобие крепости, мощное здание с высокой наблюдательной башней, которая возносится над всей долиной. Это строение является еще одним свидетельством того, что здесь мы сталкиваемся с древнейшими пластами культуры Тибета¹³⁹. Здание уже не раз реконструировано, но в народных представлениях оно остается «старейшим» строением Тибета, с которым связано множество древних сказаний и легенд. Именно здесь должны были жить первые люди — потомки волосатой обезьяны и скалящей зубы чертовки. Отсюда они сначала заселили долину Ялунг-Подранг, а затем и весь мир. Сейчас в этом высоком здании находится храм во имя милосердной богини и любящей матери ламаизма тысячеглазой Долмы (Тара), историческим прототипом которой была одна из двух супруг тибетского царя Сронг-Цан-Гамбо.

Поначалу Ялунг-Подранг несколько разочаровывает. От руин древнего города и величественного царского дворца, к сожалению, почти ничего не осталось. Хорошо сохранились на-

блюдательные вышки, которые в свое время возводились близ дворца первых королей Тибета. Они должны были прикрывать самые важные стратегические направления. Сегодня же они оставшиеся свидетели того, как смелые воины помогали прежним правителям Тибета.

Далее мы следуем очень сложным маршрутом. Мощные ветра, более напоминающие песчаные бури, пытаются помериться с нами силами. Песок забивает нам глаза, уши, засыпается под одежду, скрипит на зубах, когда мы едим. На протяжении всего нашего пути мы видим гигантские дюны, которые достигают высоты 30—50 метров. В некоторых местах мы с немалым удивлением видим горные склоны, которые на сотни метров в высоту засыпаны волнистыми песками.

В нескончаемых пустынях долины Брахмапутры мы едем по светлому вьющемуся песку. Мы часто сбиваемся с пути и вынуждены заново искать дорогу. Только в небольших долинах, укрытых от ветров и песчаных бурь горами, мы находим небольшие оазисы земледелия. Именно там находятся редкие поселки, в которых все-таки живут люди. В один день мы въезжаем в Чамбалинг, где находится одноименный чортен, который является самым большим в Тибете. Могучее сооружение, в нижних павильонах которого находится монументальное изваяние ламаистского мессии — Чамбы. Высота статуи достигает 50 метров. На разных уровнях этого строения можно обнаружить культурные сокровища этой божественной страны.

После того как мы решили сократить маршрут нашей экспедиции, мы направляемся по ущельям в Римпунг, который расположен в верховьях Цангпо. На огромной скале, которая с двух сторон омывается реками, над городом возвышается «цзонг», замок тибетского губернатора. В тибетском языке слово «дзонг» имеет отношение не только к самому замку, где размещается резиденция местного правителя «цзонгпена», но и в переносном смысле относится ко всему району, который соответствует немецкому ландкрайзу. «Цзонгпены» назначаются и освобождаются от своей должности центральным правительством в Лхасе. Каждый год они должны отправлять в Лхасу определенные подношения в зерне, муке и масле, а также в зависимости от

величины района выплачивать налоги. Но по сути «цзонгпены» являются маленькими королями, которые нещадно эксплуатируют свой район. Они повсеместно занимаются вымогательством, так как обладают полным правом на свое усмотрение сажать в тюрьму или отпускать на свободу, а также казнить и миловать.

Вокруг этих древних тибетских замков сама по себе возникает романтическая атмосфера. Они невольно навевают мысли о нашем европейском Средневековье. Гордо и повелительно они стоят на высоких скалах. Их каменные стены, возможно, проживут еще столетия, подобно тому, как они уже пережили не один век.

В Шигацзе нас застает тибетская весна. Птицы возвращаются на ручьи и болота, которые дают воду ячменным полям. За какую-то одну ночь окрестности покрываются тысячами фиолетовых цветочков. Кроме примул, расцветают синие вики и голубые касатики, которые в мае—июне превращают все пространство от Шигацзе до Гьянцзе в сплошное море цветов. Только горы не меняют своей цвет. Они так и остаются голыми и одинокими.

В Ташилунпо, в монастыре, который дает не только приют четырем тысячам монахов, но и является резиденцией Панчен-ламы, нас, как почетных гостей, радушно встречает его старый настоятель. На эти дни он станет нашим покровителем и верным другом.

Несколько недель мы успешно обследуем окрестности Шигацзе. Пока не начался сезон муссонных дождей, мы намереваемся изучить горы к северу от Брахмапутры. Но тучи сгустились не только в небе, но и над дальнейшей судьбой нашей экспедиции. До меня доносятся отголоски враждебных слухов, которые со временем растут и наконец превращаются в настоящий поток клеветы и злословия в мой адрес. День ото дня напряженность растет. Почтовое сообщение с нами насильственно прервано. Иногда мы ловим отголоски новостей по нашему коротковолновому радиоприемнику. Мы вынуждены спешно попрощаться с нашими тибетскими друзьями, после чего еще раз направляемся в Гьянцзе по самой короткой дороге. Оттуда пос-

ЭРНСТ ШЕФЕР

ле преодоления множества трудностей нам удастся направиться в Индию.

В августе 1939 года, погрузив наш багаж на пароход, мы направляемся назад. Мы сами летим самолетом из Калькутты. Наш обратный путь в Германию лежит через Карачи, Басру, Багдад и Афины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Klages L. Rhythmen und Runen. Leipzig, 1944. S. 253.

² Beger, Bruno. Mit der deutschen Tibetexpedition Ernst Schaefer 1938/39 nach Lhasa. Wiesbaden 1998. S. 112.

³ Давид-Неэль, А. Посвящения и посвященные в Тибете. — М.: Центрполиграф, 2004. С. 7.

⁴ Schaefer Ernst. Geheimnis Tibet - Erster Bericht der Deutschen Tibet-Expedition Ernst Schäfer 1938/39 - Schirmherr Reichsführer SS — München 1943. S. 48.

⁵ Voelkischer Beobachter vom 2. 02. 39 — Beilage Illustrierter Beobachter Folge 5. 130 f.

⁶ Hoefler, Otto. Kultische Geheimbuende der Germanen, Bd. I, Frankfurt/M., 1934.

⁷ Wolfram, Richard. Schwerttanz und Maennerbund. 2 Bde., 1936/ 37. S. 291.

⁸ Zschaetzsch, Karl. Atlantis, die Urheimat der Arier. Berlin, 1922 (= 1935 = 1996).

⁹ Wieland, Hermann. Atlantis, Edda und Bibel. Weissenburg, 1925. S. 26.

¹⁰ Schmid, Frenzolf. Urtexte der Ersten Göttlichen Offenbarung. Attalantische Ur-Bibel. Das Goldene Buch der Menschheit. Mit den ersten Offenbarungen aus der Paradieszeit zurückreichend auf 85 000 Jahre vor Christi Geburt. Pforzheim im Baden, 1931. S. 177—188.

¹¹ Gorsleben, Rudolf John. Hoch-Zeit der Menschheit. Leipzig. 1930. S. 255.

¹² Newman, John Ronald. The outer wheel of time: Vajrayana buddhist cosmology in the Kalacakra Tantra-Madison 1987. P. 456.

¹³ List, Guido von. Die Ursprache der Ario-Germanen und ihre Mysteriensprache. Wien. 1914. S. 47 ff.

¹⁴ Патай Рафаэль. Иудейская Богиня. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 166.

¹⁵ Бенн Готфрид. Остров Пасхи // Бенн Готфрид. Собрание стихотворений. СПб: Евразия. Ultima Thule. 1997. С. 153.

¹⁶ Klausen, Aneas und die Penaten (Hamburg und Gotha) II. S. 872 ff. В греческом языке слова, начинающиеся на *tro* и сходные по смыслу, встречаются еще чаще; для примера достаточно привести *trochos* (круг, конная дорожка, кругооборот, колесо, стена вокруг чего-либо, змеиные кольца), *trochmalos* (каменная ограда полей), *troullus* (круглый купол), *Trophonios* (мастер сооружения круглых строений).

¹⁷ Krause, Ernst (Carus Sterne). Die Trojaburgen Nordeuropas. Ihr Zusammenhang mit der indogermanischen Trojasage von der entführten und gefangenen Sonnenfrau (Syrith, Brünhild, Ariadne, Helena), den Trojaspielen, Schwert- und Labyrinthtanzen. Glogau, 1893. S. 11—12.

¹⁸ Dorr, Hermann. Megalithische Himmelskunde in Marchen und Mythe. Düsseldorf, Esoterische Akademie Alteuropa, 1983. S. 12.

¹⁹ Meyer, John. Ahnengrab und Brautstein. Halle, 1944.

²⁰ Шелер, Макс. Ordo amoris // Шелер Макс. Избранные произведения. — М.: Гнозис, 1994, с. 376.

²¹ Wille, Hermann. Germanische Gotteshäuser. Leipzig, 1933. S. 76.

²² Русское выражение «ата-та», которым пугают детишек, когда те не в меру шалят, переводится с готского языка как «предок (отец) твой», в том, вероятно, смысле, что мир предков находится всегда рядом.

²³ Meyer, John. Ahnengrab und Brautstein. Halle, 1944.

²⁴ Kirchner, Horst. Die Menhire in Mitteleuropa und der Menhirgedanke. Wiesbaden, 1955.

²⁵ Подробнее об энергии Ур см. цикл исследований двух русских физиков под названием «Куль УРРА»: Паничев А.М., Гульков А.Н. Куль УРРА: Подходы к новой биологии, экологии и медицине. Изд. 2-е. — М.: Белые Альвы, 2004, Паничев А.М., Гульков А.Н. Русский Путь. (Духовный аспект перехода к Новой эпохе). — М.: Белые Альвы, 2005, Паничев А.М., Гульков А.Н. Религия и путь человека. Из цикла «Куль УРРА» Изд. 2-е. — М.: Белые Альвы, 2004.

²⁶ Yori (Alexander von Borckhoff). Ur We We. Uranische Weltwende — Vom Sinn dieser Zeit. Berlin, 1932.

²⁷ На тему этой позднеантичной веры в грядущее появление «нового рода» имеется прекрасная книга Эдуарда Нордена:

Norden, Eduard. Die Geburt des Kindes. Geschichte einer religioesen Idee. (1924), Stuttgart, 1969.

²⁸ *Блаватская Е.П.* Тайная доктрина. Том 1. — М.: Эксмо, 2006. С. 138, 176.

²⁹ Скорее всего, Либенфельс имеет в виду книгу Германа Лэфельдта «Космическое изменение и образ жизни на Земле», вышедшую в одном из астрологических издательств Гамбурга незадолго до этого: *Lefeldt, Hermann.* Kosmische Waltung und erdische Lebensgestaltung. Hamburg. Uranus-Verlag.

³⁰ *Kummer, Siegfried Adolf.* Heilige Runenmacht: Wiedergeburt des Armanentums durch Runenubungen und Tanze. Hamburg: Uranus-Verlag, 1932. S. 5.

³¹ *Вурт, Герман Феликс.* Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы. / Пер. с нем. Кондратьева А.В. — М.: Вече, 2007. — 531 с.: ил. — (Ariana Mystica). С. 413—414.

³² *Bergman, Ernst.* Die 25 Thesen der Deutschreligion. Ein Katechismus. 1934. S. 3.

³³ *Liebfels, Lanz von.* Bibliomystikon oder Die Geheimbibel der Eingeweihten. Bd. IX, Teil.1. Christus und der elektrotheonische Mensch des Uranuszeitalters. Wien, 1934. S. 79—81.

³⁴ Общее место (лат.).

³⁵ *Illion, Theodor.* Ratselhaftes Tibet. Hamburg: Uranus-Verlag 1936. S. 143; *Illion, Theodor.* Tibeter über das Abendland. Salzburg: Ignota-Verlag 1947. S. 215; *Illion, Theodor.* Darkness over Tibet. London: Rider & Co. 1933. S. 192.

³⁶ *Illion, Theodor.* Tibet II — Bruecke zwischen Innenwelt und Aussenwelt. Peiting, Ed. Neue Perspektiven. 2000. S. 10.

³⁷ *Ibid.* S. 89.

³⁸ *Ibid.* S. 95—96.

³⁹ *Aschoff, Jurgen.* Kommentierte Bibliographie zur tibetischen Medizin. Ulm, 1996. S. 195

⁴⁰ *Moon, Peter.* Die Schwarze Sonne. Montauks Nazi-Tibet Verbindung. Peiting, 1999. S. 178.

⁴¹ *Nagel Brigitte.* Die Welteislehre. Ihre Geschichte und Rolle im «Dritten Reich». Verlag fuer Geschichte der Naturwissenschaft und Technik, Stuttgart. 2000.

⁴² *Illion, Theodor.* Tibet II — Bruecke zwischen Innenwelt und Aussenwelt. Peiting, Ed. Neue Perspektiven. 2000. S. 10.

⁴³ *Ossendowski, Ferdinand. Tiere, Menschen und Goetter. Frankfurt am Mein, 1924. Немецкий перевод выполнен с издания: Ossendowski, Ferdinand. Beasts, Men and Gods, New York 1924.*

⁴⁴ *Оссендовский А. Ф. Люди, Боги, звери. — М.: Яуза, 2005. С. 280.*

⁴⁵ По Оссендовскому, выход агартийцев «в силе и славе» должен произойти в 2029 году.

⁴⁶ *Serrano, Miguel. Das Goldene Band. Esoterischer Hitlerismus. Deutsche Uebers. von F. Urtho, o.O., o.J. S. 26.*

⁴⁷ *Д'Альвейдр Сент-Ив. Миссия Индии в Европе. // Д'Альвейдр Сент-Ив, Генон Р. Оракулы Великой Тайны. Между Шамбалой и Агартой. — М.: Эксмо, Яуза, 2005. С. 23, 100.*

⁴⁸ *Hedin, Sven. Ossendowski und die Wahrheit. Berlin, 1925.*

⁴⁹ *Grünwedel, Albert. Der Weg nach S'hambhala (S'ambalai lam yig). München, 1915.*

⁵⁰ *Сидоров Серафим. Буддизм: история, каноны, культура. — М.: ДИК: Астрель: АСТ, 2005. С. 318 сл.*

⁵¹ *Сидоров С.А. Ук. соч. С. 319.*

⁵² *Newman, John Ronald. The outer wheel of time: Vajrayana buddhist cosmology in the Kalacakra Tantra — Madison 1987 — Übersetzungen des Shri Kalachakra und des Kommentars von Pundarika — Vimalaprabha.*

⁵³ *Файдыш Е.А. Мистический космос. Путеводитель по тонкоматериальным мирам и параллельным пространствам. — М., 2002. С. 276.*

⁵⁴ *Tucci, Guisepppe. Travels of Tibetan Pilgrims in the Swat Valley // Greater Indian Studies, № 2, Calcutta, 1940, pp. 2—4.*

⁵⁵ *Douglas, Gregory. Geheimakte Gestapo-Mueller. Dokumente und Zeugnisse aus den US-Geheimarchiven. Berg am Starnberger See, 1995. S. 50—51.*

⁵⁶ О нем см. далее в книге А.В. Васильченко.

⁵⁷ *Briefwechsel Johannes Schuberts mit Bruno Beger und Ernst Schafer. Herausgegeben von Hartmut Walravens (Berlin) // NOAG, 2004. S. 174 ff.*

⁵⁸ *Suenner, Ruediger. Schwarze Sonne. Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik. 3. Aufl., Freiburg im Breisgau. 2006, S. 48.*

⁵⁹ Основной наш источник в последующем изложении — книга великого магистра «Ордена Новых Тамплиеров» Рудольфа Мунда: *Mund, Rudolf J. Wiliguts Geheimlehre. Fragmente einer verschollenen Religion*. O.O., 2002.

⁶⁰ *Kummer Bernhard*. Midgards Untergang-Germanischer Kult und Glaube in den letzten heidnischen Jahrhunderten. (Veröffentlichungen des Forschungsinstituts für vergleichende Religionsgeschichte an der Universität Leipzig, hrg. Prof. Dr. Hans Haas, II. Reihe, Heft 7). Leipzig. Verlag Pfeiffer, 1927.

⁶¹ *Кондратьев А.В.* Веды, ритуалисты и мифологи в религиоведении Третьего Рейха // *Религиоведение*, 2006, № 4, с. 3—20.

⁶² *Schleipfer, Adolf*. The Wiligut Saga. // *Flowers, Stephen, Moynihan, Michael*. The Secret King. The Myth and Reality of Nazi Occultism. Los Angeles, Dominion Press, 2001. P. 170.

⁶³ An Interview with Gabriele Dechend. Extracted from correspondence with Manfred Lenz (1997). // *Flowers, Stephen, Moynihan, Michael*. The Secret King, p. 180.

⁶⁴ *Сидоров С.А.*, Ук. соч., с. 324.

⁶⁵ *Бейли Алиса*. Посвящение человеческое и солнечное. — М.: Белые альвы, 1999. С. 40.

⁶⁶ *Ruediger, Emil*, (Dipl. Ing). Die Kraft der zwei Sonnen. Brisinga-Halsband-Mythe. Darmstadt, 1994. S. 150.

⁶⁷ *Greve, Reinhard*. Das Tibet-Bild der Nationalsozialisten // *Dodin Thierry, Raether Heinz*. Mythos Tibet — Wahrnehmungen, Projektionen Phantasien. Koeln, 1997.

⁶⁸ *Suenner, Ruediger, Schwarze Sonne*. Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik, Freiburg, 2006; S. 50, *Lange, Hans Juergen*, Weisthor — Karl Maria Wiligut. Himmlers Rasputin und seine Erben, Engerda, 1998. S. 68.

⁶⁹ *Hannoversches Tageblatt* от 18. 06. 1937.

⁷⁰ *Udo Holey, Jan*. Die Innere Welt. Das Geheimnis der Schwarzen Sonne. O.O., 1998, PDF.

⁷¹ *Линденберг, Кристоф*. Технология зла. К истории становления национал-социализма. — М.: Энигма, 1997. С. 7. См. также недавнюю книгу, автор которой также развеивает нависшую над Хаусхофером оккультную репутацию: *Gugenberger, Eduard*. Boten der Apokalypse: Visionaere und Vollstrecker des Dritten Reichs, Wien, 2002. S. 59 ff.

⁷² *Равенскрофт Тревор*. Копье Судьбы. — СПб.: Амфора, 2006. С. 322.

⁷³ *Линденберг Кристоф*. Технология зла. К истории становления национал-социализма. — М.: Энигма, 1997. С. 13—14.

⁷⁴ Детальное описание путешествия можно прочитать в приложении.

⁷⁵ Горячая смесь чая, соли, молока яка и масла из того же молока.

⁷⁶ Данный вариант отчета, составленный Эрнстом Шефером, был предложен научной общественности в 1943 году после демонстрации фильма «Тайны Тибета». Этим объясняется его полулитературная форма и отсутствие некоторых деталей, которые имели политическое значение. В частности, главной цели экспедиции — визиту в Лхасу — посвящено всего лишь несколько строчек. Не исключено, что текст отчета предварительно редактировался Генрихом Гиммлером, который предпочел опустить целый ряд интересных моментов.

⁷⁷ Под Тераи подразумеваются горная цепь Гималаев от Ассама на востоке до Непала на западе (здесь и далее сноски автора отчета, Эрнста Шефера).

⁷⁸ С научной точки зрения, вид *Equus Kiang* находится где-то посередине между ослом и лошастью.

⁷⁹ Скончался в 1942 году в чине генерала.

⁸⁰ Именно так дословно переводится «Канченджанги».

⁸¹ Майтрея, грядущий в будущем Будда.

⁸² «Канджур».

⁸³ Падмасамбхава — фактический основатель ламаистской религии, которая являет собой смесь буддизма и шаманизма. В 747 году он прибыл в Тибет, однако кажется маловероятным, чтобы святой был в Сиккиме.

⁸⁴ Шерпасы, шерпы — непальское племя, проживающее у подножия Эвереста У них ярко выражены монголоидные черты. Многие из них поселились вокруг Дарджилинга и охотно нанимаются на работу сопровождать экспедиции в горы. Отличаются надежностью, преданность и выносливостью.

⁸⁵ Барасахиб переводится дословно как «большой господин». Так во время экспедиции меня называли туземцы. Каждый из моих приятелей также получил особое имя, которое соответство-

вало их занятиям. Геер, который отвечал за продовольственные припасы (шторес), звался Шторесахиб («господин припасов»), Бегер, который оказывал медицинскую помощь, — Доктор Саиб («господин врач»), Винерт, который поддерживал радиосвязь и постоянно закидывал антенну, — Тарсахиб («господин проволоки»), а Краузе, который при каждом удобном случае припадал к кинокамере, — Пикчерсахиб («господин картинок»).

⁸⁶ Махакала — «великий черный», демон-защитник в ламаизме.

⁸⁷ «Кхаси» означает аристократ.

⁸⁸ «Северная школа» буддизма, так называемая Махаяна или «большой путь». В отличие от южного буддизма (например, на Цейлоне) Хинаяны или «малого пути» в пантеоне Махаяны имеется множество божеств, святых и «живых Будд».

⁸⁹ «Азары» традиционно носят маски, в которых читаются индоарийские черты. Они символизируют первых индийских служителей Будды, которые, впрочем, малочитаемы в Тибете.

⁹⁰ То же самое касается различных масок и танцевальных поз.

⁹¹ Сиккимцы и тибетцы понимают под Канченджанги не только самую известную гору Канче, а всю группу снежных вершин: Синиолчу, Симву, Канче, Твинс, Тентпик.

⁹² Дхармакайя — тело закона, вечная мудрость, данная Будде свыше.

⁹³ «Громовая стрела», метеоритное железо, по-тибетски «дордже», является буддийским символом власти. Даржилинг = Дорджелинг, город громовой стрелы.

⁹⁴ Во время ламаистского ритуала почитаемый объект должен всегда находиться по правую руку. Поэтому святые обходят по часовой стрелке.

⁹⁵ *Tetraogallus tibetanus*, тибетский улар, пугливая высокогорная птица, которая встречается только в горах в ареале обитания баранов голубого цвета (*Pseudois na hoor*).

⁹⁶ *Cyon alpinus*, дикая собака красного цвета размером с добермана. В целом красный волк — один из самых опасных хищников на Земле. Они охотятся стаями. Могут нападать на человека. В основном питаются горными баранами. В некоторых случаях красный волк может загрызть лошадь или даже крупный рогатый скот.

⁹⁷ Такин (*Budorcas tibetana*) — дикое животное в Восточных Гималаях и Западном Китае. Я исследовал его образ жизни и описывал в предыдущих произведениях. В данной поездке удалось уточнить ареал распространения этого редкого животного.

⁹⁸ Тактика, когда от центрального лагеря, который одновременно являлся складом продовольствия и вещей, отправлялись небольшие экспедиции, полностью себя оправдала во время нашего путешествия.

⁹⁹ Мука цампа (цзамба) — национальное блюдо тибетцев. Обоженная ячменная мука смешивается с маслом, чаем, солью и содой. Блюдо действительно очень вкусное, но плохо перевариваемое.

¹⁰⁰ В Тибете все высокие государственные учреждения представлены двумя служащими: светским и духовным. Взаимный контроль должен препятствовать — в большинстве случаев с отрицательным результатом — коррупции.

¹⁰¹ Тибетцы говорят на самых разных диалектах. Но наряду с разговорной речью, которая употребляется в повседневности, они еще используют благородный, или придворный, тибетский язык. Обращаться на нем можно только к очень важным персонам. Придворный тибетский очень сильно отличается от разговорного тибетского. В нем нет почти ни одного общего слова. Но в то же время придворная речь очень богата цветистыми выражениями.

¹⁰² В силу того, что тех краях растительность является очень бедной, выпас животных находится под строгим государственным контролем.

¹⁰³ Тибетский травник и крачка обыкновенная являются характерными для тибетских болот видами птиц. Обе эти птицы обитают и в Германии, но в данном случае речь идет об особых географически видах.

¹⁰⁴ Тибетцы обычно связывают между собой лошадей, чтобы те не разбежались, почувствовав приближение волка. Но обычно их не отпускают в степь. Но здесь речь идет об исключении, так как они голодали.

¹⁰⁵ В силу климата и специфического воздуха при ясной погоде в Тибете расстояния кажутся меньше.

¹⁰⁶ Тибетский орлан-белохвост в отличие от беркута нередко питается только мхом. То же самое касается и воронов.

¹⁰⁷ В отличие от тибетских крестьян, чьи женщины должны постоянно трудиться, многие девочки из благородных семей посвящают себе монашескому служению.

¹⁰⁸ Доптра — это только летняя резиденция короля Таринга. Зимой он переезжает в Таринг, маленькую тибетскую местность.

¹⁰⁹ Тибетские семьи восприняли во многом китайскую кулинарную культуру. Китайских поваров можно было очень часто встретить в Лхасе, Шигацзе, Гьянцзе. Нередко знатные семейства обменивались такими поварами.

¹¹⁰ Под бакшишем в Индии, а затем, под британским влиянием, на Тибете, понимается что-то вроде чаевых.

¹¹¹ Лепчасы полагают, что убийство шапи приносит беду. Животное принадлежит к табуированным существам. Не рекомендуется даже произносить его имя. Его можно использовать только как бранное слово, чтобы грубо оскорбить кого-то другого.

¹¹² Шапи был описан профессором Поле (Зоологический музей Берлинского университета) как *Hemitragus jemlaicus* — гималайский тар.

¹¹³ Птица «свежуется», то есть снимается кожа с перьями, а все мясные части заменяются ватой.

¹¹⁴ Каждый лепчас на протяжении всей своей жизни носит с собой длинный нож «хау», который достигает длины 60 сантиметров.

¹¹⁵ Горал и серау — козоподобные антилопы, которые ходят на наших серн. Первое животное весит 80, а второе — 250 фунтов.

¹¹⁶ Благодаря экономии средств и почти спартанскому образу жизни участников экспедиции мы смогли сэкономить треть средств; выделенных на экспедицию. На эти деньги смогли купить более 2 тысяч предметов, которые составили огромную этнографическую коллекцию.

¹¹⁷ Опытный охотник в состоянии отличать виды диких животных по их помету.

¹¹⁸ Риск кукуруза и пшено являются основными продуктами питания (наряду с дарами леса) лепчасов.

¹¹⁹ В целом экспедиция оснащалась так, чтобы по возможности ограничить вес нашего оборудования и избавиться от так называемого балласта.

¹²⁰ В целом в Сиккиме можно найти до 30 видов рододендронов, которые растут на высоте от 1000 до 5000 метров.

¹²¹ Трагопан или курица сатира — птица размером с глухарку. Обитает в субтропических горах. В Гималаях, Юго-Восточной Азии и Китае представлена разными видами.

¹²² Гекконы — маленькие степные ящерицы, которые очень часто встречаются в Индии. Они живут в домах и предпочитают вылезать из своих укрытий по вечерам. Их не прогоняют, так как гекконы уничтожают moskitov.

¹²³ Нам удалось подстрелить трех сильных самцов и несколько самок с телятами.

¹²⁴ Обо — священные места, сооруженные из каменных глыб. Они украшены звериными черепами и флажками с молитвами. Они очень характерны для высокогорного Тибета и Монголии.

¹²⁵ Это произошло во время военной экспедиции Френсиса Янгхасбэнда 1904 года.

¹²⁶ Англичане создали между Гангтоком и Гьянцзе целую систему постоянных дворов, которыми мы охотно пользовались.

¹²⁷ Ю — провинция, где располагается Лхаса, является сферой влияния Далай-ламы.

¹²⁸ Цанг — провинция, где располагается Шигацзе, является оплотом Панчен-ламы.

¹²⁹ По-тибетски оно называется «хадак». Имеется около двадцати разновидностей вручения хадака. Для каждой ситуации существует четко выверенный церемониал.

¹³⁰ Это здание называется «Омбу-лхакан».

СОДЕРЖАНИЕ

Немецкий путь в Гималаи. <i>А. Кондратьев</i>	3
ОТ АВТОРА.....	36
ГЛАВА 1. Знакомство с Азией	42
ГЛАВА 2. Между наукой и мистикой	56
ГЛАВА 3. Встреча двух свастик.....	74
ГЛАВА 4. Лоуренс Аравийский Третьего рейха?	94
ГЛАВА 5. В недрах «Аненэробс»	120
ГЛАВА 6. Институт Свена Хедина.....	153
ГЛАВА 7. «Зондеркоманда К»	171
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	
Финал в замке Миттерзилль	195
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МАТЕРИАЛОВ	204
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Тайны Тибета. <i>Эрнст Шефер</i>	206
Сикким как база экспедиции	206
Военный танец богов	217
Прорыв на север	232
Киноохота на голубого барана.....	243
Большое решение	251
Открытие шапи	282
Наш поход в Лхасу.....	317
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>А. Кондратьев, Эрнст Шефер</i>	337

Литературно-художественное издание

Путешествие за тайной

Васильченко Андрей Вячеславович

ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СС

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 10.11.2008. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 11. Тираж 4000 экз. Заказ № 9320.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (499) 188-88-02, (499) 188-16-50, (499) 188-16-50.
Тел./факс: (499) 188-89-59, (499) 182-60-47
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рошинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (8312) 63-97-78

E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКОГО ПРОШЛОГО

СЕРИЯ КНИГ

TERRA

H I S T O R I C A

- Забытые традиции древних культур
- Яркие страницы средневековой истории
- Уникальные исследования, необычные гипотезы, новые открытия

В КАЖДОМ ГОРОДЕ —
СВОЯ ЗАГАДКА

СЕРИЯ КНИГ

**ТАЙНЫ
ЗНАМЕНИТЫХ
ГОРОДОВ**

- Легенды и реальные истории, предания и современные хроники Москвы, Петербурга, Рима, Каира, Лондона, Парижа, Берлина, Стамбула...
- Тайны древних городов и современных столиц.

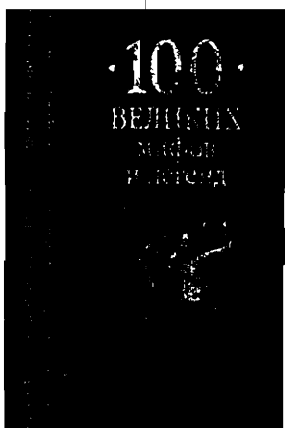
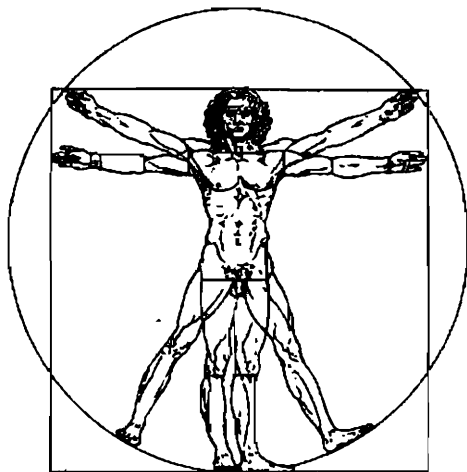

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном исполнении в серии

Золотая коллекция
«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

путешествие *за* тайной

Тибет, как магнит, притягивал к себе руководителей Третьего рейха. Это была самая недоступная, самая таинственная и в то же время самая чуждая для европейцев страна Азии. Вслед за величайшим философом И. Кантом, нацисты полагали, что именно Тибет станет «укрытием рода человеческого на время и после конечной величайшей революции на нашей Земле». В 1938—1939 гг. на Тибет была отправлена знаменитая экспедиция Эрнста Шефера под патронажем рейхсфюрера СС. Долгие десятилетия вся информация об этой экспедиции находилась под грифом «Совершенно секретно». А скрывать, действительно, было что...

В книге А.В. Васильченко впервые на русском языке публикуется полный отчет Э. Шефера «Тайны Тибета» и проясняются многие белые пятна «оккультной» истории Третьего рейха.

ISBN 978-5-9533-3606-2

интернет-магазин

OZON.RU

